

СМЕНА

Издается с 1924 г.

5' 2007

**Ольга
ПОГОДИНА**

Не могу не верить...

Мария ГОЛУБКИНА

Во всем мире лошадь – это друг

Егор КОНЧАЛОВСКИЙ

Мистика действительно существует

Яна ПОПЛАВСКАЯ

Петр Мамонов меня просто потряс!

С Новым 2550 годом!

18 - 23 мая 2007 года
г. Ярославль

Шестые молодежные
ДЕЛЬФИЙСКИЕ ИГРЫ
РОССИИ

www.delphic.ru

Генеральный директор:

Юрий Мухтаров

Главный редактор:

Михаил Кизиллов

Отдел журналистики:

Нина Чугунова, редактор

Евгений Сидоров, фоторедактор

Надежда Болгова,

Мария Жукова, **Сона Тамамян**

Литературный отдел:

Тамара Чичина, редактор

Светлана Подорванова

Корректор: **Марина Силакова**

Директор по новым проектам

ИД «Журнал «Смена»:

Нина Чугунова

Использованы фотографии:

ИТАР-ТАСС

Реклама:

Максим Бятец, директор

E-mail: adv@smena-id.ru

Тел.: (495) 257-3337, 507-0224

Распространение:

Ольга Костина, директор

E-mail: sales@smena-id.ru

Тел. (495) 257-3137

Главный бухгалтер:

Надежда Молчанова

Администрация:

Людмила Калинина,

Вячеслав Мелихов

Редакция: 127994, Москва,

Бумажный пр-д, 19, стр. 2.

www.smena-id.ru

E-mail: jurnal@smena-id.ru

Тел. (495) 612-1507,

факс (495) 250-5928.

Печать: ООО «ИД «Медиа-Пресса».

127137, Москва, ул. Правды, д. 24

Тираж – 65 800 экз. Зак. № 71017

Учредитель –

**ООО «Издательский
дом журнала «Смена»**

Журнал зарегистрирован

в Комитете Российской Федерации

по печати (Рег. № 014832).

Подписные индексы:

каталог «Роспечати» 70820

каталог «Объединенный» 88998

каталог «Почта России» 99406

© ООО «Издательский
дом журнала «Смена»

Ранней весной 1974 года в лесу под Льежем упала в обморок женщина.

Упала возле дерева, на котором были вырезаны инициалы «ЕД», серп, молот и звезда. Так старый бук сохранил память о ее муже — Евгении Доценко, советском лейтенанте, Герое бельгийского Сопротивления, погибшем в апреле сорок четвертого года в Арденах, в Бельгии.

Удивительно не то, сколько таких памятных знаков и захоронений наших воинов покоится в Европе, удивительно другое — что привело Людмилу Доценко к этому дереву.

В 1989 году она вспоминала: «Я приехала в Бельгию. В один из вечеров кто-то из бельгийцев сказал, что в лесу видел на дереве русские буквы. Поехали в горы. Вышли из машины. Было прохладно, пасмурно, начинало темнеть. Вокруг — сотни громадных деревьев. Какая-то неведомая сила повела меня к этому дереву. Подошла, увидела «ЕД» — и в обморок — хлоп! Жена в дневнике, который, в конце концов, попал ко мне, писал: «Если погибну в Бельгии, пусть на могиле будет серп, молот и звезда, такие, какие вырезал на дереве в лесу».

Тридцать лет Людмила жила надеждой найти могилу мужа и это дерево. И нашла. Более того, уговорила бельгийцев срубить дерево, и бревно с инициалами привезла сыну. Нынче оно хранится в музее.

Казалось бы, сколько можно вспоминать о войне, которая давно закончилась? А ведь вспоминается, ибо не было в Советском Союзе более честного и трогательного душу официального праздника, чем День Победы. Каждая семья хранит свою память о войне, в каждой семье есть свои, не менее трогательные, воспоминания, и каждая семья надеется, что такое более не повторится.

Поэтому и вспоминаем, и поздравляем всех, кто творил эту победу, их детей, внуков и правнуков, вспоминаем тех, кто отдал ради нее самое дорогое — жизнь, и надеемся, что никогда более жены не будут искать могилы и инициалы своих мужей на деревьях. И живем этой Надеждой.

Михаил Кизиллов

РАПОРТ «СМЕНЫ»

4. Диалог. Письма читателей

6. Лицо с обложки.

Ольга Погодина: «Я верю в чудо!»

16. Тема «Смены». Война Священная

28. Кумиры.

Егор Кончаловский: «Лицо Харламова навсегда осталось в моей памяти»

34. Хлеб едимый.

Роман Рожниковский: «Могу заниматься лишь тем, что действительно люблю»

88. Путеводитель с Яной Поплавской

НАТУРА ЧЕЛОВЕКА

40. Частное мнение.

Мария Голубкина:
«В детстве мне сделали надежную прививку от «звездности»

46. Просто люди. Спецпроект.
С Новым 2550 годом!

58. Постоянство разума.

Мартин Борман-младший:
«Я знаю, что моему отцу нет места в Раю»

~ содержание

МИРА ЗДАНИЕ

62. Смена представлений.

Такая непростая... вода

70. Дух Леонардо.

Полет мысли

78. Свобода от известного.

Двойники, или правление со стороны

ВЕЧЕРНЕЕ ЧТЕНИЕ

90. Конкурс «Смены».

Как мы ставили Гоголя, и что из этого получилось

108. Наши публикации. Гайто Газданов. Княжна Мэри

116. Шедевры. Человек, угадавший детские мечты

122. И такая жизнь Будни автокиллера

128. Издалека. «Да сохранится имя мое...»

146. Творец и женщина, другая. Прекрасная дама Боттичелли

158. Love Story. Брачные тайны

186. Кроссворды

УСТРОЙСТВО ПРИШЕЛЬЦЕВ

82. Излучающие свет.

Страхи бесстрашных

84. Практикум.

Избавиться от страха

СОЛНЕЧНЫЙ ПИЩЕБЛОК

Татьяна Семеновна
КРАСАВИНА,

Тула

Уважаемая редакция и уважаемый господин Кизиллов!

В апрельском номере «Смены» есть статья о людях, отказавшихся от пищи, решивших питаться солнечной энергией — солнцеедах. Поначалу мне она показалась сродни фантастике, выдумке. Но, поразмышляв, я неожиданно вспомнила про основателя гелиобиологии Александра Чижевского. Ведь он один из первых заговорил о фантастических свойствах солнца, и не голословно. Его эксперименты с изучением положительно и отрицательно заряженных ионов воздуха, его знаменитая лампа — ведь это — все о том же! Именно он установил, что солнечная активность влияет на все земные организмы — на рост деревьев, размножение животных, возникновение и обострение заболеваний, на жизнь человека в целом. И как верно, как актуальны и сегодня его слова: «Земля находится в сфере непосредственно

го влияния Солнца. Его лучистая энергия — основной двигатель всех физико-химических процессов, протекающих в ее оболочках. Понятно, что каждый взлет солнечной активности эхом прокатывается по всем «земным этажам». Солнце пульсирует, и биение пульса нашей дневной звезды передается Земле. С ним в такт меняется напряженность земного магнетизма, частота полярных сияний, радиоактивность воздуха, степень ионизации верхних слоев атмосферы, изменения радиоприема и слышимости, напряженность атмосферного электричества, циркуляция атмосферы, интенсивность грозовой деятельности, количество озона и космической пыли в воздухе, частота бурь, ураганов, смерчей, количество осадков, степень и распространенность засух, высота уровня озер, изменение климата и землетрясения...» (А.Л. Чижевский «В ритме Солнца»). Так что, могу, как Станиславский, сказать: «Верю! Солнцееды существуют и это — не шарлатанство».

МАСКИ И РОЖИЦЫ

Татьяна Кемеровская обл.,
Викторовна Анжеро-
СЕМАХИНА, Судженск

Уважаемый Михаил Кизиллов! В апрельском номере прочитала статью о смайликах. Теперь мне все стало понятно :) Спасибо. Вначале встречала эти непонятные символы в электронных письмах знакомых, потом — в SMS, и, если в общем и целом,

я понимала, что означают эти загадочные графические символы, эти знаки передают определенные эмоции, то все равно злилась, когда не могла разгадать, какую же именно эмоцию изобразил таким замысловатым способом адресат. Ну, как понимать эти многочисленные %) или *) или того хуже ;-))) А теперь все понятно: и история, и предыстория, и даже лингвистическая проблематика этого явления. И все же мне не хотелось бы, чтобы наш язык превратился в сплошные скобки и запятые, ведь в нем так много слов для выражения эмоций!

И еще хотелось бы отметить заметку об офисных генералах. Помню, когда я, молодая преподавательница, читала лекцию первокурсникам, и вдруг в зал влетела разъяренная зав. кафедрой и при студентах начала на меня кричать, отчитывать за какие-то несуществующие провинности. Лекцию я дочитала, но всю ночь проплакала. Так велика была моя обида. Начальница на следующий день извинилась, а мне хотелось только одного — бросить эту, в те времена престижную, работу и уйти, да хоть на шахту (только кто бы взял?). Так никуда я и не ушла, продолжала работать, справляясь со своей обидой.

ПО ТУ СТОРОНУ ЭКРАНА

Елизавета ВЯЛЬСКАЯ, Самара

Уважаемая редакция! Хочу поблагодарить вас за великолепную рубрику «Устройство пришельцев»! Ведь какое

точное название! Дети действительно порой напоминают инопланетян, пришедших к нам из другого мира, чтобы... Чтобы что? Научить чему-то? Поделиться своим знанием? Боюсь, мы так и не получим ответа...

В апрельском номере в «детской рубрике» прошла статья про телевидение. Очень интересная тема, ее мне и хочется обсудить. Автор очень удачно привел примеры пагубного влияния и советы, как оградить детей от негатива. И затронул, на мой взгляд, самую важную тему... Вопрос-то, на самом деле, неоднозначный. Многие говорят: «Телевизор — это зло, от которого нужно оградить детей». Но ведь все можно довести до абсурда! «Покажите пример!» — подсказывает автор родителям. Действительно! Ведь многие включают телевизор сразу, как только приходят домой с работы, а выключают, ложась спать. И жужжит он себе тихонечко этаким фоном, взрослые спокойно занимаются своими делами, а их детишки с интересом наблюдают за происходящим на экране... И на кого потом пенять родителям, если ребенок не может уснуть или просыпается ночью, плача? Кто не уделил время своему чаду, оставив его в одиночестве сидеть перед голубым экраном? Невольно тема статьи заставила меня задуматься: а почему, собственно, дети так стремятся к телевизору? Не потому ли, что этот «магический ящик» заменяет им живое общение с вечно занятыми родителями? Ведь неслу-

чайно в самом конце появляется фраза автора: «Говорите с ребенком». Быть может, это самое важное?

ТОЛЬКО ВРЕД?

Дмитрий
КРАСИЛЬНИКОВ, С.-Петербург

Хочется спросить, а так ли на самом деле опасны телевизионные передачи, как о них говорят? Ведь не может же быть, чтобы все, абсолютно все, приносило лишь вред. Да, разумеется, ребенку нельзя смотреть телевизор круглые сутки. Конечно, программы для детей необходимо выбирать, следить, что смотрит ваш ребенок. Не думаю, что детские образовательные программы могут нанести ребенку вред, как и хорошие сказки и мультфильмы. Повторюсь — ХОРОШИЕ. И, наверно, не стоит пугаться, если ваши малыши начинают строить в комнате настоящий вигвам, вообразив себя индейцами, о которых посмотрели кино. Ведь это — всего лишь игра. Но если ваш ребенок на вопрос: «Кем ты хочешь стать, когда вырастешь?» на полном серьезе отвечает: «Человеком-пауком», это уже совсем не смешно.

ВПЕРЕДИ ПЛАНЕТЫ ВСЕЙ?

Тамара Сергеевна
ЛОГИНОВА, Владимир

Уважаемая редакция!

В разделе «Болезнь тема» апрельского номера прочла о фигурном катании. Откровенно говоря, стало обидно.

Обидно за нашу страну, за наших спортсменов. А больше всего — за нас самих. И знаете, почему? Да потому, что не умеем мы ценить то, что у нас есть! Судите сами: завоевывают наши спортсмены на чемпионатах золотые медали, мы горды так, будто сами стоим на пьедестале, стоит им один раз «оступиться», разговор уже иной: «Вы, ребята, сами виноваты: тренируетесь плохо, какие-то шоу ведете, на светские мероприятия ходите!» Стыдно, честное слово! Спортсмены разве не люди? Им отдых не полагается?

Весь мир признает наше преимущество, тренеры уже жуют работать за границу. Как можно тренировать соперников? А очень просто: нет условий в родной стране, так почему надо отказываться от работы за рубежом? Ах, из патриотизма... Ну, разумеется! Условия не нужны, необходимо только патриотизм...

И ведь именно из-за «утечки» кадров за границу развалилась и система подготовки молодых фигуристов. Да и фигурное катание перестало быть массовым видом спорта. Раньше система строилась согласно формуле «от массовости — к значку мастера спорта, от значка ГТО — к олимпийской медали». Сейчас это потеряно. Систему надо восстанавливать, и касается это не только фигурного катания, а практически всех видов спорта. А талантливых спортсменов у нас и сейчас хватает. Осталось только создать для них условия.

РАПОРТ «СМЕНЫ»

ЛИЦО С ОБЛОЖКИ

Она снялась в более чем сорока фильмах, в двадцати с лишним рекламных роликах, успешно играла в театре, а сейчас стала продюсером, и читатели «Смены» первыми узнают об абсолютно новом, переломном этапе в жизни замечательной, талантливой актрисы Ольги Погодиной. Эта актриса из тех, кто никогда не останавливается на достигнутом.

Ольга Погодина:

«Я ВЕРЮ В ЧУДО!»

– **Что нового происходит в вашей творческой жизни на сегодняшний день?**

– В широкий прокат вышел художественный фильм «Три дня в Одессе», вскоре будут показаны картины «Ангел-беглец», «Прощайте, доктор Чехов!», играю Ольгу Книппер-Чехову, «Канкан» и «Скульптор», все работы мне интересны и жду их выхода на экран.

– **Ольга, правда ли, что вы стали продюсером?**

– Да. Переломный, очень важный и сложный этап для меня, потому что в дальнейшем хочу заниматься именно этим, что, правда, не исключает для меня и актерскую профессию. Начала снимать кино и сейчас работаю над своей первой картиной «Дистанция».

– **О чем ваш фильм?**

– О спорте, о знаменитых спортсменах — величайших людях нашей страны. В своей картине я хочу вспомнить о том, что такое патриотизм, увы, но такое забытое у нас слово, что такое любовь к своей стране, к своему делу. Как мне кажется, военные и спортсмены — это две основные профессии, которые отвечают перед другими странами за свою Родину. Считаю спортсменов величайшими людьми и поэтому снимаю о них фильм. Какими бы ни были известными в нашей стране драматические артисты, но в мире их не знают, за исключением, скажем, Никиты Михалкова, Олега Меньшикова... Спортсмены представляют нашу страну на Олимпийских играх, чемпионатах Европы и мира, а это — уже те фамилии, которые известны всей планете. Это настолько очевидно, что с этим не поспоришь.

Фильм будет сниматься на основе биографических фактов королевы легкой атлетики, двукратной олимпийской чемпионки Светланы Мастерковой.

– **Вы лично знакомы с легендарной Мастерковой?**

– Светлана — моя подруга. Потрясающий человек с невероятно сильным характером, огромной силой воли, интересная и красивая женщина.

– **Кто автор идеи картины?**

– Я — автор идеи, режиссер — Борис Токарев. Год назад обсуждали с ним проект и решили сделать этот фильм вместе. Имена актеров пока не назову. Скажу только, что сейчас веду переговоры с одним очень известным артистом, я очень хочу, чтобы он у меня сыграл.

– **Сложно быть продюсером?**

– Нет слов! Безумно трудно! Первое время у меня было полубомбочное состояние (смеется), но только благодаря своему характеру я не дрогнула.

~ ЛИЦО С ОБЛОЖКИ

Умею взять себя в руки. Это — огромная ответственность перед массой людей, которые заняты в проекте, от твоего решения зависит их судьба в данный момент. Ответственность перед людьми, которые пошли нам навстречу, дали денег на картину. У меня огромный творческий интерес к проекту. Картина мне очень дорога! Если подходить к фильму с позиции продюсирования, то многими вещами я могла бы не заниматься. Но! Это — мой проект, моя идея, и меня волнует абсолютно все! От количества костюмов для массовки до кадра.

Я принимаю активное участие в создании сценария. Мне важно все, что происходит.

– Вы – успешная, популярная актриса. В вашем арсенале – более сорока фильмов. Слава, известность не портят характер?

«Я верю в Чудо! Не могу в него не верить, оно иногда случается...»

– Очень многих портит. Тех, кто этого не достоин, тех, кто не очень умен, чтобы с этим справиться, тех, кто капризен и его природа не готова к подобному испытанию. Самое главное — понимать, что элемент известности может так же быстро исчезнуть, как и появиться, если ты неправильно им распорядишься. Это — труд, и нужно обладать мудростью, чтобы уметь долгое время распоряжаться выпавшей тебе удачей. Когда вручают, скажем, «Оскара», ты берешь награду в руки, и в этот момент нужно задуматься, а что тебе делать дальше? Каких ошибок тебе не удалось избежать?

– Вы – капризный человек на съемочной площадке, в жизни?

– Нет, к огромному моему сожалению, и особенно в жизни, я часто жалею о том, что я — не капризный человек. Потому что тогда многие вещи были бы проще и с людьми отношения были бы легче. Люди не ценят этого... и просто садятся тебе на шею. Мне не понятно, почему, когда ты уважаешь людей, идешь им навстречу, относишься, что называется, по-человечески, с тобой вдруг в этот момент перестают считаться? Это — чудовищное несовпадение! Не капризна, но, думаю, над этим надо поработать.

– Ольга, ваша мама – актриса. Зачастую родители влияют на выбор профессии своих детей. А вы сами все решили?

– Свой выбор я сделала сама. Когда я заинтересовалась профессией актрисы, тогда мама мне рассказала обо всех ее «черных» сторонах и ни об одной положительной. На самом деле так и есть, это — самая горькая, самая зависимая и очень ущемляющая самолюбие профессия — до последней секунды!

– Даже если ты – мегазвезда?

– Да! Даже если невероятно популярен. Для себя каждый актер знает, что он не сделал. Артист — всегда в поиске и всегда собой не доволен.

– Ну, ведь есть актеры и весьма довольные собой?! Несмотря на то, что они бесконечно снимаются из фильма в фильм и, не замеченные историей, однажды уходят с экрана...

– Тогда — это не Артист.

– Актеры – люди суеверные. Некоторые даже медяк кладут в туфлю перед выходом на площадку. А вы не боитесь проекции судьбы героев на собственную жизнь?

– Я в это не верю. Но! Есть вещи, которые даже мне, не верящему в это человеку, приходится заметить. Да, какие-то вещи иногда происходят. Какие-то, а не все. Значит, просто совпадение! Единственное, чего никогда не сделаю в профессии – в нашей стране это сбывается всегда, на Голливуд не распространяется – они живут и здравствуют, у нас есть актерское поверие – актеру нельзя ложиться в гроб. Нельзя! Все, кто это сделал, либо уми- рали, либо судьба потом не складывалась.

– Почему сейчас вы не работаете в театре?

– К огромному моему сожалению, нет ни одного театрального режиссе- ра, который был бы мне интересен, чтобы я подумала: «Как хочу сыграть у него в спектакле!» Нет. Ни одного имени не назову, за исключением Ольги Субботиной, хотела бы у нее сыграть, и то не сейчас.

Категорически не хочу играть в театре. Известный режиссер хорошего московского театра предложил мне роль, материал интересный, но я сказа- ла: «Нет!» У него округлились глаза, он был потрясен отказом, где это вида- но, чтобы артистка так прямо ответила главному режиссеру! Не хочу ни к Волчек, ни к Захарову, ни к кому. Говорю вам это открыто.

– А в театры как зритель вы ходите?

– Как прихожу на драматический спектакль, так через десять минут мне становится не по себе от фальшивых интонаций, от каких-то неле- пых тем...

Мне зачастую становится стыдно за то, что происходит на сцене. Пришла как-то на спектакль одного нашего «модного» раскрученного режиссера, и мне физически стало плохо от этой патологии... Если вот это – театр, то я не хочу иметь с ним ничего общего! Это – преступление перед великим сло- вом Театр, перед Раневской, Пляттом, перед спектаклем «А дальше тиши- на...» Я видела великие спектакли, я видела Смоктуновского на сцене, я знаю, что такое настоящий театр, что такое настоящее искусство.

– Ну, есть ведь и талантливые режиссеры, не может не быть?

– Они не имеют огласки, о них не говорят... Ольга Субботина. Режиссер из Санкт- Петербурга Влад Фурманов.

– Основные составляющие вашей профессии?

– Огромный труд, удача, а талант – ни в счет, к огромному сожалению. Талант вообще выносятся за скобки, в нашей стране талант никому не нуж- жен. То, что вижу вокруг, приводит меня порой в отчаяние. Вот, правда, фильм «Остров», как лучик, пробился, а все остальное не радуется ...

– По характеру вы какая?

– Я никого не боюсь. Я – ничья ни жена, ни любовница, ни чья-то дочка и надеюсь в жизни только на себя. Знаю, что если хоть чуть-чуть где-то стру- шу, то изменю себе. В суждениях я – нелояльный человек и всегда жестко излагаю и отстаиваю свою позицию.

«Я никого не боюсь. Я – ничья ни жена,
ни любовница, ни чья-то дочка и надеюсь
в жизни только на себя. Знаю, что если хоть
чуть-чуть где-то струшу, то изменю себе».

– **Во что вы верите?**

– Я верю в Чудо! Не могу в него не верить, оно иногда случается...

– **Вы доверяете своей интуиции?**

– Это единственное, чему я доверяю в своей жизни!

– **Каким должен быть человек, чтобы вам понравиться?**

– Надежным. Это качество включает в себя Все! Если человек надежен, то в нем есть Все. Такое всеобъемлющее качество и, увы, так редко встречается.

«Категорически не хочу играть в театре... Не хочу ни к Волчек, ни к Захарову, ни к кому. Говорю вам это открыто».

– **Вы – ревнивая?**

– Неревнивых людей нет!

– **Кого вы любите больше всего на свете?**

– Маму! Мама – самый главный человек в моей жизни, мой самый большой друг, самый первый и самый мудрый учитель. Мне очень важно только ее мнение и ничье другое.

– **Если бы вас отправили на необитаемый остров, чтобы с собой взяли?**

– Что вы ! Я бы там не выжила!

– **Вы – сторонница изысканных диет?**

– Нет, к диетам не прибегаю. Но я всегда пью свежавыжатые соки.

– **За модой пристально следите?**

– Я – в курсе моды, но не гонюсь за ней. Я слежу за стилем. Мода – понятие скоротечное. К магазинам отношусь достаточно спокойно. У меня нет такого, чтобы я стремилась только к определенным маркам одежды.

– **Что такое счастье?**

– Счастье – это когда все близкие живы-здоровы, когда ты можешь заниматься любимым делом и каждое утро просыпаться рядом с человеком, которого ты любишь, и он любит тебя... Но эти три элемента никогда не сбываются, вот один из них «выпадает» – и человек уже несчастлив. Чтобы меньше страдать, человек не должен ни к чему и ни к кому привязываться, но в том и красота, и трагичность человека, что он может любить. Нет большего восторга в жизни, чем любовь и привязанность. Увы, но формула счастья не выводится. Шварц был гениален, когда сказал в «Обыкновенном чуде»: «Слава храбрецам, которые осмеливаются любить, зная, что всему этому придет конец». Вот это, на мой взгляд, величайшая фраза в истории человечества, она объясняет смысл существования Человека на Земле.

*Беседовала Елена Воробьева.
Фотографии Евгения Сидорова*

~ лицо с обложки

В 41-м уходили на войну наши отцы и деды. Прошло уже 66 лет, но мы до сих пор открываем для себя неизвестные страницы того страшного и героического времени.

В те далекие военные годы журнал «Смена» стал по-настоящему «военным» журналом. Он не только рассказывал о героизме, верности, стойкости и мужестве сражавшихся за Родину на фронтах войны, но, оставаясь другом и помощником своим читателям, советовал и учил, как владеть оружием, как рыть окопы, как встать на лыжи с винтовкой в руках, как освоить сложную машину – танк, одним словом, помогал советом и тем, кто воевал на полях сражений, и тем, кто отдавал все свои силы ради победы в тылу.

Хотя время все дальше отодвигает от нас события военных лет, наш долг – не забывать об этом и о тех, кто навсегда остался в сороковых и кого уже нет с нами.

Сегодня мы предлагаем вам подборку стихов погибших на войне молодых поэтов, не доживших, не долюбивших, не дописавших, а также воспоминания А.И. Осоргина о необычной ситуации, в которой он оказался почти в конце войны, и о том, что даже когда вокруг свистят пули и грохочут танки, душа человеческая жаждет чуда, и это чудо – Любовь.

Война

Священная

Они не вернулись...

Всеволод БАГРИЦКИЙ

Погиб 26 февраля 1942 г.
в деревушке Дубовик
Ленинградской обл.

Мне противно жить
не раздеваясь,
На гнилой соломе спать.
И, замерзшим нищим подавая,
Надоевший голод забывать.
Коченея, прятаться от ветра,
Вспоминать погибших имена,
Из дому не получать ответа.
Барахло на черный хлеб менять.
Дважды в день считать себя
умершим,
Путать планы, числа и пути,
Ликовать, что жил на свете
меньше
Двадцати.

Борис БОГАТКОВ

Погиб 11 августа 1943 г.
под Смоленском

У эшелона обнимемся.
Искренняя и большая

Солнечные глаза твои
Вдруг затуманит грусть.
До ногтей любимые,
Знакомые руки сжимая,
Повторю на прощанье:
«Милая, я вернусь.
Я должен вернуться, но если...
Если случится такое,
Что не видеть мне больше
Суровой родной страны, —
Одна к тебе просьба, подруга:
Сердце свое простое
Отдай ты честному парню,
Вернувшемуся с войны».

Леонид ВИЛКОМИР

Погиб 19 июля 1942 г.
в районе Новочеркасска

Жизнь моя не повторится
дважды.
Жизнь — не песня,
чтобы снова спеть
Так или иначе, но однажды
Мне придется тоже умереть.
Как бы я ни прожил свои годы,
Я прошу у жизни: подари
Вкус воды и запах непогоды,
Цвет звезды и первый взлет зари.
Пусть и счастье не проходит
мимо,
Не жалея самых светлых
чувств.
Если смерть и впрямь
неотвратима,
Как я жить и думать разучусь?

Муса ДЖАЛИЛЬ

Погиб в 1944 г. в тюрьме Моабит

МОЙ ПОДАРОК

Когда б вернуть те дни,
что проводил
Среди цветов,
в кипенье бурной жизни,
Дружище мой, тебе б я подарил
Чудесные цветы моей Отчизны.
Но ничего тут из бывшего нет —
Ни сада, ни жилья, ни даже
воли.
Здесь и цветы — увядший
пустоцвет,
Здесь и земля у палаточек
в неволе.
Лишь, не запятнанное мыслью
злой,
Есть сердце у меня с порывом
жарким.
Пусть песня сердца,
как цветы весной,
И будет от меня тебе подарком.
Коль сам умру, так песня не
умрет,
Она, звеня, свою сослужит
службу,
Поведав Родине,
как здесь цветет
В плененных душах цвет
прекрасной дружбы.

Павел КОГАН

Погиб 23 сентября 1942 г.
под Новороссийском

ГРОЗА

Косым,
стремительным углом
И ветром, режущим в глаза,
Переломившейся ветлой
На землю падала гроза.
И, громом возвестив весну,
Она звенела по траве,

С размаху вышибая дверь
В стремительность и крутизну.
И вниз.

К обрыву.

Под уклон.

К воде.

К беседке из надежд,
Где столько вымокло одежд,
Надежд и песен утекло.
Далеко,

Может быть, в края,
Где девушка живет моя.
Но, сосен мирные ряды
Высокой силой раскачав,
Вдруг задохнулась

И в кусты

Упала выводком галчат.
И люди вышли из квартир.
Устало высохла трава.

И снова — тишь.

И снова — мир.

Как равнодушие, как овал.
Я с детства не любил овал,
Я с детства угол рисовал!

Иосиф УТКИН

Погиб в 1944 г. в авиационной катастрофе под Москвой, возвращаясь с Западного фронта

ТЫ ПИШЕШЬ ПИСЬМО МНЕ

На улице полночь.

Свеча догорает.

Высокие звезды видны.

Ты пишешь письмо мне,

моя дорогая,

В пылающий адрес войны.

Как долго ты пишешь его,
дорогая,

Окончишь и примешься вновь.
Зато я уверен: к переднему краю
Прорвется такая любовь!

...Давно мы из дома.

Огни наших комнат

За дымом войны не видны.

Но тот, кого любят,

Но тот, кого помнят,

Как дома — и в дыме войны!

Теплее на фронте от ласковых
писем.

Читая, за каждой строкой

Любимую видишь

И Родину слышишь,

Как голос за тонкой стеной...

Мы скоро вернемся.

Я знаю. Я верю.

И время такое придет:

Останутся грусть и разлука

за дверью,

И в дом только радость войдет.

И как-нибудь вечером вместе
с тобою,

К плечу прижимаясь плечом,

Мы сядем и письма,

как летопись боя,

Как хронику чувств,

перечтем...

Алексей ЛЕБЕДЕВ

Погиб в ноябре 1941 г. Служил на подводной лодке, которая при выполнении боевого задания подорвалась на mine в Финском заливе

Или помните, или забыли

Запах ветра, воды и сосны,

Столб лучами пронизанной

пыли

На подталях дорогах весны?..

Или вспомнить

уже невозможно,

Как виденья далекого сна,

За платформой

железнодорожной

Только сосны, песок, тишина.

Небосвода хрустальная чаша,

Золотые от солнца края.

Это — молодость чистая ваша,

Это — нежность скупая моя.

Михаил КУЛЬЧИЦКИЙ

Погиб в январе 1943 г.

под Сталинградом

Мечтатель, фантазер,

лентяй-завистник!

Что? Пули в каску безопасней

капель?

И всадники проносятся

со свистом

Вертящихся пропеллерами

сабель.

Я раньше думал: «лейтенант»

Звучит «налейте нам»,

И, зная топографию,

Он топает по графику.

Война ж — совсем не фейерверк,

А просто трудная работа,

Когда, черна от пота, вверх

Скользит по пахоте пехота.

Марш!

И глина в чавкающем топоте

До мозга костей промерзших ног

Наворачивается на чеботы

Весом хлеба в месячный паек.

На бойцах и пуговицу вроде

Чешуи тяжелых орденов.

Не до ордена.

Была бы Родина

С ежедневными Бородино.

Весточки жизни

Великая Отечественная война. Она разбросала людей по городам и весям.

Отец ушел на фронт. Мать с детьми осталась трудиться в тылу. В почтовых вагонах и самолетах спешат напряженно ожидаемые треугольники, конверты, двойные почтовые карточки «секретки» с оплаченным ответом, открытки...

Они рассказывают тылу – о фронте, фронту – о тыле, о непосильном труде, блокадном Ленинграде, бедствующих стариках, женщинах и детях...

Дети, пишущие отцам на фронт, подростки, идущие на завод, стихи популярных песен, ноты, разгромленные фашисты, долгожданная победа – все это на лаконично-сердечный язык открыток – весточек жизни.

НА ОТЕЧЕСТВЕННУЮ ВОЙНУ

Под слабой звездой...

*Героическому тылу
Первмайский привет
с фронта!*

**Смерть немцам захватчикам!
ВОЙНСКОЕ**

Куда _____

Кому _____

Адрес отправителя:

Полевая почта,

(Указать номер полевой почты)

(Фамилия, имя и отчество)
По заказу УВЦП

Цена 10
Г-16 3

Смерть немцам неизбежна!

С новым годом —
годом победы.

ПОЧТОВАЯ КАРТОЧКА

Куда _____

Кому _____

Адрес отправителя: _____

Почтовая почта _____
(Указание кода почтовой почты)

(Фамилия, имя и отчество)

Г11341. Выходит НКО СССР. По заказу Всесоюзного
Цены 10 коп. Типограф. зав. „Правда“ Москва С/П

1944

**Герои Советского Союза
В. В. Талалицкий**

Отважный пилот, младший лейтенант В. В. Талалицкий в воздушных боях с фашистскими стуртвинками над Москвой протаранил вражеский бомбардировщик и залетел на парашюте.

С Новым годом!

Зима!.. Костяшки, торжествуя,
На дровнях обновляет путь.

„Папа, бей
фашистов!“

СЛАВА

ДЕВЬИМ
ПОДРУГАМ

Цена 10 коп.
Г16 3-44

*Из воспоминаний ветерана
Великой Отечественной войны
полковника в отставке
Анатолия Ивановича ОСОРГИНА.*

Чудо о море

Я никогда не спал под атласным одеялом и впервые испытал это блаженство в старом фольварке, где разместился мой разведвзвод. Хозяйка-немка постелила «герру лейтенанту» шикарную постель, которая после всех моих ночевков под натянутой на голову шинелью или нарубленном лапнике показалась мне ложем богов.

Я никогда не видел пылесоса. В нашей московской коммуналке, где с пущечным бабахом пыль из ковров выколачивали во дворе плетеными выбивалками, никто из наших соседей и представить себе не мог, что существуют такие агрегаты, какой я однажды увидел на постое в Гумбиннене.

Я много чего не видел в свои двадцать лет. Но самое обидное — никогда не видел моря. Я бредил им с детства, но видел только в кино. Поездка на юг была не по карману моим родителям. Даже второй год, воюя в морской стрелковой бригаде, я моря так и не увидел.

И вот море засинело на наших войсковых картах. Оно было почти рядом, в каких-нибудь двадцати верстах. Наша морская стрелковая бригада готовилась к броску на Данциг. Две разведгруппы, высланные в предполье этого города, бесследно исчезли одна за другой, подтверждая самые худшие опасения комбрига: город прикрывал глубоко эшелонированный оборонительный рубеж.

Командир разведроты капитан Баскаков вернулся из штаба бригады, озабоченно покусывая ус. Он посмотрел на меня с нескрываемой жалостью:

— Давай, Осоргин, собирайся... Направление — все то же — на Сопот. Задача — все та же...

Я сдал ему документы и отцепил с гимнастерки медали.

— А орденок? — кивнул на «звездочку» комроты.

— А это — ей. На память.

Капитан усмехнулся и, как всегда, перед нелегким делом, раскрыл свой портсигар. Я достал свой, и мы, обменявшись, по обычаю, папиросами, закурили.

— Возьмешь мой броневик и Сементя на мотоцикле... На рожон не лезь. Войны-то с гулькин нос осталось.

Перед выходом в поиск я успел забежать в расположение связистов. Лиды вышла из палатки, встревоженно смотрела, как я отвинчиваю орден.

— Уходишь?

— Да так... Провырнусь неподалеку.

Мы уговорились с Лидой, черноглазой киевлянкой, сыграть свадьбу в первый же день Победы. Перед каждым серьезным заданием я отдавал ей на хранение, а если что — так и на память, все свои фронтовые сокровища: темно-вишневую «звездочку» за Неман, серебряный — отцовский подарок — портсигар и часы на цепочке, на руке у меня оставались другие — со светящимися стрелками. Она проводила меня в соснячок и крепко — на счастье — поцеловала.

С автострады на Данциг я почти сразу же свернул на узенькую шоссею, тесно обсаженную старыми липами, а через пару километров велел водителю вырुлить на лесной проселок. Я решил держаться подальше от основной магистрали. Сержант Сементяй пылил на своем мотоцикле впереди, не теряя нас из виду. По пулеметной башне, по броне хлестали ветки орешника, в смотровых щелях прыгала, качалась песчаная колея. Вцепившись в скобы, я ждал в любое мгновение взрыва под колесом или выстрела притаившегося фауст-патронщика. Но пока что судьба нас миловала, и километр за километром мы забирались на север все дальше и дальше. Немцы нам не попадались. Несколько раз мы объезжали остовы сгоревших грузовиков, поваленные телеграфные столбы, но ничего, что говорило бы о заблаговременно подготовленных позициях, опорных пунктах, не было. Прошел час, другой... Солнце напекло броню, и я уже не раз прикалывался к фляжке с чаем, рискуя выбить на кодобине зубы.

— А вот не будет немцев, товарищ лейтенант, — уверял меня водитель. — Помяните мое слово, не будет.

— Почему не будет?

— Да они сейчас в порту. На пароходы грузятся да деру в море.

Потом в самом деле я помянул его слова: оборонять Данциг, как Кенигсберг, немцы не собирались. Выдохлись. Но кто же знал это тогда, когда мы колесили по померанским дорогам?

Сементяй притормозил мотоцикл и сделал нам знак. Мы подкатили. Я приоткрыл дверцу.

— Товарищ лейтенант, приехали! — радостно возвестил сержант. — Дальше — море.

Я выбрался из броневика. Сквозь реденький соснячок проступала синевато-седая в белых зазубринках ширь. Море?! Неужели море? Забыв про все, про осторожность, я зашагал по хвойной подстилке навстречу рокочущему гулу. Сементяй пошел вслед за мной.

Солнце, распластанное по взморщенному морю, выбегало, выкатывалось на берег золотыми блестками на спинах волн. Штормило... Серые валы вздымались на зеленый просвет, затем свивались в белые загривки и шли на берег враскось, вопреки всем законам физики. По плитам мола пронеслась шальная волна, взбивая белые султаны, стремительно, как пальцы взбесившегося виртуоза летят по клавишам, срывая с них каскады звуков...

На внешнем рейде стояли три транспорта и два корабля, неразлично одноцветные, будто отлитые из синевы морского свинца и придавленные синовой низких туч.

Широкий песчаный пляж был усеян обломками ящиков, обрывками тросов, противогазными пеналами, намокшим армейским рваньем...

Вдалеке справа громоздился штабель каких-то ящиков, прикрытых брезентом. За ним, прикрываясь от ветра, прохаживался долговязый автоматчик. Он поглядывал в мою сторону, не проявляя особой враждебности. Может, принял за своего, может, просто надоело воевать. Не сводя с него глаз, я сделал шаг по плотному, накатанному песку, затем — другой, третий... Мне очень хотелось потрогать море рукой, попробовать на вкус. Сапоги погрузились в белую пену, холодная вода обжала голенища. Я сложил ладони ковшиком и зачерпнул. Книги не обманывали — море было соленым! Я отстегнул фляжку, вылил остатки чая и наполнил морем по самое горлышко. Пусть Лида попробует море первой из всей бригады!

Мокрый выше колен, с сапогами, полными воды, я вышел на берег. Часовой повесил автомат на грудь и не сводил с меня глаз. Пальнет или не пальнет, гад? Гад не пальнул... Я добрался до своего броневика, и пыльно-зеленый крутоскулый БА-64 резко развернулся хищной мордой на юг.

Мы вернулись к своим засветло. Командир бригады расстелил карту.

— Ну, показывай...

— Мы добрались до Сопота. До самого моря. Никаких опорных пунктов не обнаружили.

— Врешь!

— Мы вышли к морю, товарищ полковник.

Комбриг наш был отчаянно храбр и столь же скор на расправу.

— Быть того не может! В лесу отсиделся! Трус и брехло... Сдать оружие!

Со слезами на глазах я вытащил свой пистолет из кобуры и передал его начальнику СМЕРШа.

— За невыполнение боевого задания — под трибунал!

«Вот тебе и свадьба в День Победы...» — мелькнула отчаянная мысль.

— Подожди меня в соседней комнате! — кивнул мне начальник СМЕРШа, взгляд его не предвещал ничего хорошего. Я долго сидел в какой-то комнатухе, все еще не веря в такой нелепый поворот судьбы. Я хорошо помнил, как расстреляли перед строем за трусость командира пулеметного взвода в прошлом году. Жуткая картина встала перед глазами. Во рту пересохло. Я достал фляжку, отвинтил крышку и поперхнулся — вода была соленой. Море!

Я вбежал с протянутой фляжкой к комбригу.

— Товарищ полковник, попробуйте! Мы вышли к морю... Я набрал во фляжку. Попробуйте!

Полковник плеснул в стакан из фляжки, осторожно пригубил, сплюнул...

— Соленая, черт!

Попробовал и начальник штаба, и «смершевец».

— Морская... Факт.
— Ну, лейтенант, — покачал головой комбриг, и это надо было понимать как прощение. — Давай-ка еще раз покажи, как вы ехали.
— Оружие верните!
— Отдайте ему пистолет.
Начальник СМЕРШа нехотя вернул мне мой ТТ...
После доклада комбриг забрал фляжку с морской водой и уехал из штаба корпуса.
А свадьбу мы все же сыграли в День Победы — в отбитом Данциге, на берегу моря...

Первая свадьба Победы

Данциг, в отличие от Кенигсберга, немцы сдали без особых боев. Во всяком случае, мой разведвзвод вступил в город без потерь, никого из моих бойцов даже не царапнуло. И, наверное, уже не царапнет — надеялся каждый из нас, потому что ясно было, как майский день, что война вот-вот кончится. Для меня, помимо великой радости Победы, помимо долгожданного возвращения домой, в Москву, это означало еще и исполнение нашего давнего с Лидой, радисткой из взвода связи, уговора — пожениться в первый же день Победы. Знали об этом и мои ушлые бойцы — недаром разведчики!

— Товарищ лейтенант, в самый раз свадьбу играть! — подбивали они меня, обнаружив в подвале одного из домов пять ящиков шампанского. Аргумент был более, чем убедительный, и мы с Лидой согласились.

А город горел со всех сторон. Пыхала нефть в древней ганзейской гавани, пылали судостроительные верфи, дымили высокие дома с фасадами, похожими на деки старинных скрипок... Дом, в котором мои бойцы обнаружили шампанское, стоял от ближайшего пожара за два квартала, и мы, прикинув, что за ночь огонь туда еще не доберется, разместились именно в нем, поднявшись на третий этаж по широкой винтовой лестнице.

Трудно было найти лучшее место для свадьбы — просторная квартира с видом на главную площадь, а главное — с уцелевшей мебелью и не растащенной посудой. Даже кровать в спальне сохранилась — широченная, человек на шесть, я таких никогда не видел. Мой помкомвзвода сержант Сементий тут же объявил, что эта комната резервируется для новобрачных, а потому посторонним вход воспрещен.

На торжество мы пригласили начальника разведки нашей морской стрелковой бригады, командира роты и всех Лидиных подруг из взвода связи. Они же из нее и форменную невесту сделали: сорвали с окон маркизки из белого шелка, где подшили, где подкололи, так что, вошла моя суженая в гостиную в таком наряде, что все ахнули. Только с правого плеча занавеска все время сползала, и открывался Лидин сержантский погон, да еще из-под шлейфа носки пропыленных кирзовых сапог выглядывали. А так — шамаханская царица! Я таких женщин только в кино видел, и то на трофейных лентах.

Ну, и пошло тут веселье! Шампанское лилось ручьями, смывая с рук, лиц, сапог гарь горящего города... Бутылки хлопали, как хорошая минометная батарея, — беглым огнем! Нежный игристый напиток запивали родными «наркомовскими», чтоб забирало пуще! Закусывали американской тушенкой, немецким эрзац-мармеладом и солеными огурцами из личных запасов бригадных снабженцев. Вкус этого чудного пенного вина я познал впервые. И коварство его — тоже...

От души наяривал лучший баянист бригады Ваня Рогов, а в перерывах между кадриликами и частушками заводили немецкий патефон с вальсами Штрауса.

Подарки нам подносили: новенькую планшетку, немецкий морской кортик, банку брусничного варенья, пару шелковых чулок для Лиды и финку с наборной рукоятью из цветного плекса — для меня.

Время от времени мы выходили на балкон — покурить. Данциг горел. К ночи зарево стало еще багровей.

Город не жалко, он — чужой, вражеский. И квартиру — огромную, богатую, с картинами, коврами и гобеленами — тоже не жалко. Она — буржуйская... Наверняка, завтра сгорит...

А разведчики наперебой дарят Лиде свои восторженные комплименты. Она сияет и чуточку задирает миленький курносый нос.

— Хорошо горит! — оглядывал с балкона огненную панораму начальник разведки.

— Как бы нам не задымить...

— До утра не достанет. Спи спокойно, жених!

Под утро нас с Лидой отвели в роскошную опочивальню. Мы улеглись на краешке широченной деревянной кровати с резными деревянными завитушками в изголовье, накрылись «подвенечным» платьем и моей шинелью. Никакого постельного белья отыскать не удалось. В душе моей пели на разные лады три новых слова: «свадьба», «жена» и «победа». В глазах все вертелось от шампанского, намешанного с водкой. Так что, никакой первой брачной ночи толком не получилось. Да у нас уже давно была эта первая счастливая ночь. Правда, не в таких шикарных апартаментах, а в пустом подбитом танке в сосновом перелеске под Витебском. Снаряд сорвал с «тридцатьчетверки» башню. Мы забрались внутрь корпуса, набросали лапника, затянули зияющий круг плащпалаткой и остались одни на всем свете, отгородившись от войны броней и брезентом. Там-то и сговорились пожениться в первый день Победы.

Под утро я проснулся от едкой гари, забившего легкие дыма. Вскочил — в опочивальне клубился сизый туман пожарища.

— Взвод, подъем! — заорал я. — К бою!

Кольцо пожаров сомкнулось за ночь на нашем доме. Он горел снизу, так что, подъезд сразу превратился в мощную дымовую трубу, на дне которой плясали языки пламени. Я метнулся к окну. Прыгать? Куда там — костей не соберешь...

— Поджаримся, однако... — вздохнул я. — И воды — ни капли...

Мой помкомвзвода решил, что я мучаюсь с похмелья.

— А я ящичек-то с шампанским припрятал, товарищ лейтенант, — сообщил мне сержант Сементяй. — Народ у нас неугомонный: сколько видит, столько пьет. Ни запаса, ни меры не знают...

И тут меня осенило:

— Разобрать бутылки! За мной!

Закутав Лиду в ее подвенечное «платье» и натянув на наши головы плащпалатку, я вывел людей на лестницу.

Мы швыряли бутылки в огонь, как гранаты. Вино мгновенно вскипало, испуская углекислый газ, в котором задышалось пламя. Вышибали пробки и поливали пляшущие языки пенными струями, как из огнетушителей...

Мы пробились сквозь пожар и выскочили на ратушную площадь. Лида сбросила с себя белое облачение, почерневшее от гари и мокрое от шампанского... Кто-то закричал:

— Горько!

Мы поцеловались. Наши губы, и в самом деле, были горькими от осевшей на них гари. Но это был первый поцелуй Победы.

По всему городу падали в небо из всего, что стреляло. Немцы подписали капитуляцию. Мы тоже подняли в дымное небо свои автоматы...

Разве забудешь такой свадебный фейерверк?

Записал Николай Черкашин.

Егор
Кончаловский:

«Лицо Харламова навсегда осталось в моей памяти»

«17» – именно так, простой и памятной всем хоккейным болельщикам цифрой, будет называться новый фильм Егора Кончаловского. Посвящена картина великому советскому хоккеисту Валерию Харламову. Именно под 17-м номером он навсегда вошел в историю нашего хоккея. Съёмки запланированы на лето 2007 г., а выход на экран – в 2008 году.

– Егор, почему вас так заинтересовал Валерий Харламов?

– Самые яркие события в жизни Харламова проходили в те годы, которые сегодня мало снимают в кино. Это – конец 60-х – начало 70-х. Я помню то время, и помню, что наиболее ярким проявлением жизни в Советском Союзе тогда был именно спорт и в первую очередь – хоккей, который в какой-то момент стал каким-то... Сегодня бы сказали «национальным проектом»! Это – первая причина моего интереса к теме фильма. К тому же руководство страны, компартия, спецслужбы и высшие чины нашей власти проявляли к хоккею повышенное внимание. Да еще он являлся ареной борьбы двух супердержав – СССР и США, и на хоккейную арену выплескивались все страсти.

Вторая причина – это мистика, если хотите. Она действительно существует в судьбе Валерия Харламова, в истории его смерти, в некоторых, на первый взгляд, необъяснимых ситуациях его короткой и очень яркой жизни.

И третья – захотелось снять биографическое кино. До сих пор я считал, так сказать, «вымышленное» кино, и потому ответственность была гораздо более размытой. А в случае с фильмом «17» люди, которые жили тогда, еще живы сегодня, и многие из них все еще участвуют в хоккейной и вообще в спортивной жизни страны. Поэтому, когда ко мне обратились продюсеры с идеей создания этого фильма и предложили тему, проект показался мне очень интересным.

Мы снимаем кино о нашем старшем современнике – оттого уже сейчас чувствуется невероятная ответственность перед теми людьми и тем временем.

– А вы хорошо запомнили то время? Вам ведь тогда было не так уж много лет.

– И все же я хорошо помню Москву 70-х. Время, конечно, царило застойное, и многое воспринималось в серых, тусклых цветах. Но в хоккее происходили такие яростные сражения, что подсознательно какие-то эмоции раскрашивали эти тусклые оттенки. В фильме обязательно найдут свое место воспоминания моего детства.

Но, конечно же, центральное место будет занимать хоккей. Кроме того, хочется рассказать о Харламове как о человеке. К сожалению, слишком мало материалов личного, интимного характера. И, тем не менее, та странная улыбка, как бы направленная вовнутрь себя, ставшая словно отличительным, фирменным

Хотя центральное место в фильме будет занимать хоккей, хочется рассказать о Харламове и как о человеке.

знаком Харламова, – она видна и на телекадрах, и на фотографиях. Есть множество воспоминаний о нем. И есть совершенно мистический факт гибели Валерия, когда за пять минут до автокатастрофы они с супругой поменялись местами, и она села за руль «Волги». Почему все случилось с ним именно так? Что он чувствовал в ту ночь перед смертью, когда узнал, что он «отцеплен» от сборной СССР, отправляющейся за океан на крупный турнир? Это все еще предстоит исследовать и интерпретировать. И я понимаю всю сложность задачи.

– В таком фильме многое зависит от исполнителя главной роли. Как сыграть Харламова? Кому предстоит справиться с этой задачей?

Я никогда не был ярким поклонником спорта, но лицо того же Харламова осталось навсегда в моей памяти.

Я — не специалист, который разбирается в хоккее, но я все время думаю о Харламове как о национальном герое.

— Мне этот проект предложили вместе с актером. Зовут его Мел Борз — но это его американский псевдоним. Он, помимо того, что является продюсером фильма, еще и профессиональный актер, а также профессионально играет в хоккей. Мне кажется, что в таком проекте нужен человек, который одержим и влюблен в то, что он делает. Мел — как раз такой человек, это видно уже сейчас, на начальных этапах ра-

боты. И это заражает всех нас. Согласитесь, если у актера при работе над ролью — «тусклый взгляд», он может сработать вполне профессионально, но больших достижений это не принесет. Думаю, Мел поднимет фильм на очень высокий уровень.

Вообще, есть большая сложность в профессиональной подготовке актеров. Ведь им придется буквально играть в хоккей. Сейчас, просматривая старые хоккейные записи, я удивляюсь, как мысль может успевать за телом. Без таких профессиональных навыков тут не обойтись. И у нас есть актеры, способные научить партнеров многому. Вот, например, Марат Башаров — он играет в хоккей почти профессионально.

— **В культовом, как сейчас принято говорить, фильме вашего отца Андрея Кончаловского «Романс о**

влюбленных» был персонаж, которого играл Александр Збруев – хоккеист сборной СССР. И там в массовых сценах играли многие великие игроки той сборной – Якушев, Петров... Вы не чувствуете в этом некоторой почти мистической, как вы говорите, «ниточки», тянущейся из прошлого?

– Да, конечно! Я недавно рассказал отцу про фильм о Харламове – и он с радостью вспомнил этот эпизод: «Да они же все у меня играли!» Запомнились лица, запомнились игроки, каждый из которых стал легендой – и очень приятно, что они остались не только в хронике, но и в художественном кино.

– Харламов погиб в 1981 году, а годом раньше ушел из жизни еще один кумир страны – Влади-

мир Высоцкий. Слишком близкими во времени оказались эти две смерти...

– Я думал об этом. Действительно, они были похожи по степени своего воздействия на народ. Со многими талантливыми людьми власть могла себе позволить многое. Например, «задвигать» слишком яркую индивидуальность на задний план, на задворки общественной и художественной жизни. В случае с Высоцким и Харламовым,

Мистика действительно существует в судьбе Валерия Харламова, в истории его смерти, в некоторых, на первый взгляд, необъяснимых ситуациях его короткой и очень яркой жизни.

их невероятные личности не давали возможности власти искусственно «задвинуть» их творчество. У них была возможность самовыражения: играть и петь — у Высоцкого, играть в хоккей — у Харламова. Причина же раннего ухода крылась не во внешних обстоятельствах, а в них самих. Когда двигатель работает все время на максимальных оборотах, не давая себе передышки... ресурс быстро вырабатывается. Причина ранней смерти Харламова, как мне кажется, — невероятно сильное эмоциональное восприятие жизни. Слишком ярко чувствовал жизнь, с такой беспощадностью относился он к себе, что надолго его просто не хватило. Но он не погиб — это Бог его взял, как и Высоцкого, как и Гагарина... Безусловно, все было не случайно!

— Среди легендарных советских спортсменов есть много выдаю-

щихся личностей, судьбы которых просто-таки просятся в кино, поскольку их жизнь исполнена невероятного драматизма. При самом поверхностном взгляде сразу вспоминаешь такие имена, как Эдуард Стрельцов, Людмила Пахомова, Владимир Куц, Людмила Белоусова и Олег Протопопов, Александр Рагулин, Юрий Власов... перечислять всех — места и времени не хватит. Как вы полагаете, смогло бы стать национальным кинопроектом создание фильмов-биографий этих выдающихся людей?

— Вся их спортивная жизнь состояла из чудовищного труда, невероятного преодоления усталости, страхов, невероятной ответственности — ведь спорт был политическим явлением! Конечно, многие спортсмены заслуживают того, чтобы о них рассказать в кино. Биографии выдающихся людей я очень

люблю — они рассказывают о движениях человеческой души и о том, как человек распоряжается своей жизнью. Выдающиеся спортсмены могут влиять на сознание масс, в первую очередь на молодежь. Так что, конечно, — надо снимать.

Я никогда не был ярким поклонником спорта, но лицо того же Харламова осталось навсегда в моей памяти. Я — не специалист, который разбирается в хоккее, но я все время думаю о Харламове как о национальном герое. В спорте, будучи окруженным очень талантливыми людьми, он все равно выделялся среди них — удивительным талантом и масштабом своей личности.

PS. В завершение — небольшой комментарий. Мел Борз, продюсер и будущий исполнитель роли Харламова в фильме Егора Кончаловского, имеет к хоккею самое непосредственное отношение. Зовут его Муслим, и он — сын Гелани Товбулатова, человека в

У нас есть актеры, способные научить партнеров многому. Вот, например, Марат Башаров — он играет в хоккей почти профессионально.

хоккейном мире известного, президента хоккейного турнира «Кубок Спартак» и в недавнем прошлом — вице-президента хоккейного клуба «Спартак». Есть что-то очень правильное в том, что именно от «Спартак» тянется та самая «ниточка» к Харламову, бывшему звездой ЦСКА. А ЦСКА и «Спартак» в те годы были соперниками едва ли не более непримиримыми, чем сборные СССР и НХЛ в Суперсерии 1972 года. Одно жаль: будущее самого «Спартак» сейчас — под большим вопросом. Клуб не смог участвовать в чемпионате России, и что с ним будет дальше — пока неясно. Любопытные параллели, не правда ли?

Беседовал Алексей Кузнецов.

Роман Рожниковский

«Могу заниматься лишь тем, что действительно люблю»

Российский ресторанный бизнес еще очень молод. Предприятия общественного питания с пластиковыми столиками и сиротливыми треугольниками салфеток, стыдливо торчащими из граненого стакана, остались в советском прошлом, на смену им пришли новые заведения с качественной едой, приятной атмосферой и хорошим сервисом. Не стоит думать, однако, что до конца XX века не существовало в нашей стране достойных мест, где можно было вкусно поесть и приятно провести время. Были. Почти всегда. Есть одно «но» – это не было бизнесом.

Новая жизнь отечественной ресторанной индустрии началась около 15 лет назад, и с тех пор рынок бурно развивается. Появились и «мэтры вкусного бизнеса», создавшие настоящие ресторанные империи. Секрет их успеха весьма прост: ежедневный кропотливый труд. И все это – для того, чтобы гости получили удовольствие: от еды, от сервиса, от атмосферы. Кто они, эти люди, сумевшие культивировать обычный процесс приема пищи, превратить его в настоящее эстетическое удовольствие? Что помогло им покорить вершину ресторанного Олимпа: везение, счастливый случай или упорный труд и вера в себя? Что скрыто от глаз гостей за позолотой стен и бархатом портьер? Так ли проста ресторанная «кухня»? О гурманах, конкуренции, изменениях и развитии рассуждает ресторатор Роман Рожниковский.

Роман РОЖНИКОВСКИЙ: Путь наверх

1988 г. – открыл первый кооператив «Зайди – Попробуй».

1990 – 1994 гг. – возглавлял советско-финское СП «Петина».

1994 г. – открыл ресторан «Ностальжи».

1996 г. – ресторан «Репортер».

2001 г. – кафе «Шатер».

2003 г. – ресторан «Грабли».

– Роман, вы уже много лет занимаетесь ресторанами... Можно ли вас назвать гурманом?

– Меня можно назвать гурманом вне зависимости от ресторанного бизнеса. Я – в первую очередь гурман, а уже потом – ресторатор.

– Получается, что эти два понятия: гурман и ресторанный бизнес связаны неразрывно?

– Я убежден, что человек, который не любит поесть, просто не имеет права работать в этой отрасли. Ведь самое главное, что требуется от ресторатора – это наличие вкуса, который он и проповедует в своем заведении, наша задача – угощать. По-другому просто невозможно.

– Что лично вас побудило открыть собственный «вкусный бизнес»?

– Именно то, что я – гурман. Я люблю вкусно поесть, мне нравится процесс приготовления пищи, я люблю гостей, люблю, чтобы было красиво и на столе, и вокруг стола, люблю организовывать праздники. Можно сказать, что это – мое хобби, ставшее профессией.

– Ког да вы начинали реализовывать в жизнь свое увлечение, ресторанный бизнес только зарождался. Сейчас многое поменялось. На ваш взгляд, что именно?

– Да, действительно, я был одним из тех, кто начинал заниматься ресторанами в России. Во что все это выросло, вы видите сами: ресторанный бизнес в последние годы стремительно набирает обороты. Если говорить об отношении к делу, оно не поменялось. Другое дело, что изменились стандарты, они просто стали другие. Изменились обстоятельства вокруг нас: общество, законы, правила игры.

– Легче стало работать или сложнее?

– Я скажу так: тогда были свои проблемы, сегодня существуют другие. Об этом можно рассуждать очень долго. В любом случае, сказать, сложнее или легче, нельзя. Везде есть плюсы и минусы.

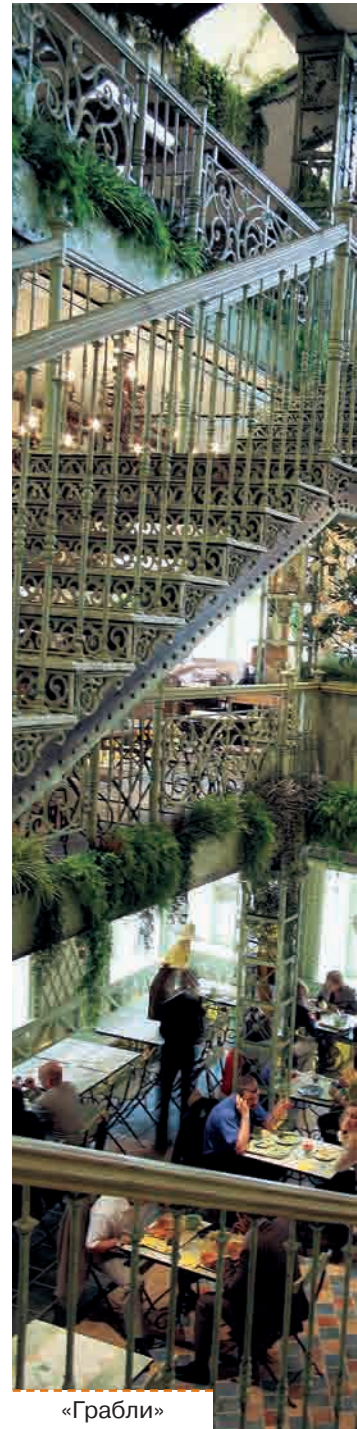
– Что, на ваш взгляд, сегодня сдерживает развитие бизнеса, в частности, ресторанного, в России?

– Вы знаете, как ни странно это будет звучать, я скажу, что все изменится только теми рисками, которые мы готовы брать на себя. Потому что развитие связано в первую очередь с профессионализмом и правильной реализацией того плана, который ты сам себе нарисовал. Но все-таки мне кажется, что сегодня в нашей стране еще нет определенных инструментов: банковских, государственной поддержки, например, чтобы преодолевать эти самые первоначальные риски. Наверно, это и сдерживает развитие.

– Было время, когда прийти в ресторан мог ли позволить себе лишь хорошо обеспеченные люди. Сейчас это несколько изменилось. К то ходит в рестораны сегодня?

– Все. Ну, или почти все. Во-первых, меня очень радует, что теперь все называется ресторанами, а не предприятиями общественного питания, как раньше. Сегодня ситуация изменилась в корне. Люди стремятся к позитиву во всем, в том числе и в организации свободного времени. Именно такую функцию фактически и выполняет сегодня ресторан: это – не только развлечение, но и досуг. Ресторан стал местом, где люди могут не просто вкусно поесть, но и встре-

Иногда заведения просто вынуждены «подтягиваться» под возрастающие стандарты. В этом плане капризы людей – это один из элементов конкуренции. И это – не всегда плохо.

«Габри»

титься с друзьями, пообщаться в красивой, приятной обстановке. Многие именно поэтому начинают питаться вне дома и учреждений, в которых работают. И это входит в привычку. В этом плане нам, рестораторам, хорошо: есть, для кого работать, а люди имеют возможность нормально питаться и отдыхать.

– **За последние годы отношение к ресторанам у людей изменилось. Люди стали лучше разбираться в еде, стали более капризными... Хорошо это или плохо?**

– Капризные люди были всегда. Просто раньше их было мало, а теперь их — много. Другое дело, что эти люди с нами выросли. Наши заведения растут как рестораны, но и ожидания от нас как от рестораторов тоже растут. Если раньше людей устраивали простые «кабацкие» услуги, то сегодня этого мало. Люди поехали по миру, посетили множество интересных мест. Вполне понятно, что вырос и уровень требований. Поэтому иногда заведения просто вынуждены «подтягиваться» под возрастающие стандарты. В этом плане капризы людей — это один из элементов конкуренции.

– **А можно ли по заказу посетителя определить, «угадать» его характер, настроение? Существует ли какая-то связь?**

– Характер — точно нет. Скорее такая связь прослеживается между настроением и заказом. Например, чем больше посетитель настроен на гурманство, тем более изысканные блюда он заказывает. Есть и другие факторы: время, компания, с которой человек пришел в ресторан, цель посещения... В какой-то момент простая картошка с селедкой может показаться деликатесом, а в другой — великолепно приготовленная фуа-гра не вызовет ничего, кроме разочарования.

– **Кстати, о фуа-гра... Насколько сейчас востребованы дорогие рестораны?**

– Востребованы. Потому что людям свойственно желание разных ощущений. А сейчас есть выбор. Человек на время посещения дорогого ресторана создает вокруг себя особую атмосферу, собственное особое состояние. Красивый интерьер, красивая еда, качественное обслуживание — все это создает то удовольствие, за которое люди готовы платить. Кроме того, такие рестораны формируют некие стандарты. Они держат планку, к которой стремятся другие заведения. Как мода от кутюр: ты, возможно, никогда не будешь носить эти вещи, но приглядываешься, какой у них фасон и из чего они сделаны.

– **А если говорить о моде в гастрономии, существует ли такое понятие вообще, или оно выдумано для привлечения клиентов?**

– Существует. Есть общие тенденции в этой моде, как, например, менее жирная кухня, понятные продукты и прочее. Кроме того, вероятно, вы не станете отрицать большое влияние, например, японской или итальянской традиций на мировую кулинарию. Это и есть мода. Другое дело, что когда мода проходит, наступает время реального выбора, а он у каждого свой. Важную роль здесь играет натуральный вкус продуктов и их качество. А если говорить о предпочтениях, думаю, что в России больше всего все равно будут есть русскую, итальянскую и японскую кухни.

– **А какую кухню предпочитаете вы?**

– Я все предпочитаю. Но когда начинается «модность», я предпочитаю модное, потому что мне интересна новизна.

– **Одним из новых веяний в столице не так давно стали гастрономические рестораны. Однако мно-**

гие считают, что высокая кухня пока у нас не нужна. Согласитесь с этим?

— Все можно довести до абсурда. Если задача состоит в том, чтобы из кухни сделать произведение, и произведение дорогое, то нужно быть готовым к тому, что количество людей, готовых платить за это, будет действительно небольшим. Не каждое произведение: музыкальное, художественное, гастрономическое, не важно, способен понять абсолютно любой человек. К таким вещам нужно быть подготовленным заранее. Возможно, некоторые еще просто не готовы, а возможно, для понимания высокой гастрономии нужно действительно быть гурманом. Здесь можно провести параллель с вином: можно выпить вина дома, не утруждая себя поисками вкусовых комбинаций, а можно прийти в ресторан, продегустировать тот же напиток и почувствовать весь букет, каждую нотку. Кому что нравится.

— Раз уж мы заговорили о вине... В ресторане «Ностальжи» уже очень давно действует «Школа вин и гастрономии». Вы были первым человеком, придумавшим такой ход. Как появилась идея создать такую школу и зачем?

— Все когда-то начиналось: первый кооператив, первый ресторан, первый гастрономический ресторан, первая винная карта. К середине 90-х годов, с одной стороны, у нас уже накопилось очень много информации и опыта, которым хотелось поделиться, с другой стороны, люди сами стали проявлять большой интерес к гастрономии и вину. И в какой-то момент мы просто поняли, что необходимо создать такую школу, потому что, с одной стороны, в ресторанах стали востребованы сомелье, а с другой стороны, люди стали

готовы учиться для себя. Так и произошло: 2/3 наших «студентов» учились для того, чтобы работать, и 1/3 разбиралась в вине для себя.

— После ресторанов «Ностальжи» и «Шатер» вы представили публике абсолютно новый проект – «Г рабли». И вместе с ними в Россию пришло такое понятие, как фри-фло, основоположником которого вы и явились...

— Фри-фло — это термин, который я сам ввел в оборот. И мне приятно, что он прижился. Это — мой бренд. Суть его сводится к совершенно простой вещи: человек, который приходит в ресторан заплатить небольшие деньги, ничем не отличается от человека, который может выложить за еду гораздо большую сумму. А значит, и относиться к нему надо соответственно. Для него нужно создать определенные удобства, связанные с тем, какая вокруг него будет атмосфера, удобно ли будет сидеть, вкусная ли будет еда, быстро ли он сможет обслужиться... Сегодня жизнь проходит настолько энергично, что у человека просто нет времени на то, чтобы получить спокойное, достойное обслуживание. Просто необходимо быстро и качественно поесть. Система фри-фло позволяет быстро сделать выбор, взять заказ, поесть и уйти. Но при этом важно то, что это — не столовая, а ресторан, и человек чувствует себя соответствующе ресторанной обстановке.

— Проекты «Г рабли» действительно очень интересные, с доступной, простой, даже домашней едой. Они рассчитаны на обычного человека среднего класса, не имеющего возможности оставить в ресторане крупную сумму?

— Именно так. Но, кроме того, в «Грабли» ходит большое число людей довольно состоятельных, кото-

«Ностальжи»

«Шатер»

рые соскучились по домашней пище, у которых нет времени стоять у плиты. Это — такие же люди. В конечном итоге, спрос определяет предложение. Я уверен, сегодня можно найти ресторан на любой вкус и бюджет.

— Сейчас ресторанов действительно очень много. Как вы считаете, у человека, который придет в ресторанный бизнес сегодня, останется поле для деятельности, или все ниши уже заняты?

— Свободное место есть. Ведь количество людей, желающих и имеющих возможность ходить в рестораны, постоянно увеличивается. Я думаю, не существует понятия ниши, есть другие проблемы. Тяжело завоевывать место под солнцем с точки зрения раскручивания бренда. Если говорить просто о создании ресторана, то это можно сделать в любой момент. Да, для этого нужны знания, да, это большие деньги, но если есть желание и понимание того, чего ты хочешь добиться, то ничего невозможного нет.

— Можете ли сказать, что сложнее — открыть дорогой ресторан с великолепным интерьером или демократичный, с понятной кухней и простым дизайном?

— Одинаково сложно. Открываешь ты, допустим, «Ностальжи» или ты открываешь «Грабли» — одинаково.

— За рубежом ресторанам присваивают звезды Мишлена. Как вы считаете, есть ли у нас в России заведения, достойные этой награды?

— Во-первых, звезда Мишлена — это субъективная оценка, потому что все-таки оценка идет через

призму французской кухни и французских стандартов. Во-вторых, если говорить об объективной оценке, не слишком мы хороши еще... Хотя за последние несколько лет мы очень сильно продвинулись вперед на кулинарном поприще. С другой стороны, система оценки может быть придумана и реализована любым человеком. Мишлен просто был первым. Другой вопрос, примет ли эту систему общество или нет. Но на самом деле, важно не то, как кто-то

Создать ресторан можно в любой момент. Да, для этого нужны знания и большие деньги, но если есть желание и понимание того, чего ты хочешь добиться, то ничего невозможного нет.

что-то оценивает, а то, как мы сами к этому реально относимся.

— Можете ли вы предположить, что когда-нибудь займетесь чем-то еще, кроме ресторанов? Освоите другую, новую для вас профессию...

— Вряд ли. Я могу заниматься только тем, что действительно люблю.

— А можете ли представить, что однажды утром проснетесь и подумаете: все, хватит рабствовать, надоело?

— Отвечу так: любую работу можно разделить на вещи приятные и вещи неприятные. Вещи приятные связаны для меня с придумыванием, организацией, строительством ресторанов, даже если это тяжело. Но, помимо этого, есть вещи неприятные — кредиты, возвраты кредитов, преодоление бюрократических препятствий и многое другое. Вот со второй частью готов распрощаться хоть сейчас, в любой момент уйти на пенсию. А первая — она не надоест никогда. Буду работать, пока силы есть. В моем случае работа — это жизнь.

*Беседовала Мария Жукова.
Фотографии Сергея Семенова*

НАТУРА ЧЕЛОВЕКА

ЧАСТНОЕ МНЕНИЕ

Она выросла за кулисами столичного Театра Сатиры и Театра Российской армии. Потомственная актриса, представительница актерской династии Мироновых-Менакеров-Голубкиных, супруга известного актера и шоумена Николая Фоменко. У нее подрастают двое замечательных детей. Она увлечена своей профессией, а еще — конным спортом. Снимается в кино, репетирует в театре, играет в спектаклях и категорически отказывается причислять себя к когорте российских звезд.

Мария Голубкина: «В детстве мне сделали надежную прививку против «звездности»

Вот-вот столичные зрители увидят на большой сцене спектакль «Хозяйка гостиницы» по пьесе Карло Гольдони в постановке режиссера Ольги Субботиной с Марией Голубкиной в главной роли. В Театре Сатиры, где идут последние приготовления к премьере.

— Надеюсь, что очень скоро у нас уже состоится премьера, если никто из артистов вдруг не рванет сниматься в каком-нибудь сериале. Очень красивые декорации и костюмы. Ольга сделала очень интересный разбор пьесы, такой по-настоящему человеческий. И это — не лобовая комедия положений, которую обычно играют по Гольдони. Думаю, это будет здорово.

Хочется сниматься там, где есть сюжет и есть, что играть.

— Я снялась в фильме Валерия Ахадова, который будет называться «Живописная авантюра». Я там играю роль девушки главного героя, которого сыграл Александр Домогаров. И еще в картине снимался Игорь Гордин. Это совсем не дурацкая, наоборот, забавная, милая и, в соответствии с названием, авантурная двухсерийная картина. Ее выход в эфир на одном из центральных каналов планируется в ближайшее время. Я согласилась работать в этом проекте, поскольку по сюжету это кино чем-то напоминает хорошие советские фильмы.

Ни в каком кино в детстве я не снималась и в театре не играла. На съемочную площадку меня не

мама и не папа привели. Уже став взрослой, я сама принимала решение: сниматься мне в кино или нет.

— Чем бы мои дети ни занимались, — им пока все нравится. В театр они заглядывать любят, кино тоже смотрят с удовольствием, причем не столько детское, сколько взрослое. Что же касается проб в театре и кино, я не вижу пока в этом никакого смысла. И хотя я сама выросла за кулисами театра, это вовсе не означает, что мои родители как-то предполагали, что я стану актрисой. Когда моя бабушка, Мария Владимировна Миронова, увидела меня в моей первой картине «Ребро Адама», она сказала: «Ты можешь быть актрисой».

Мне кажется, гораздо важнее прививать детям вкус, давать им всестороннее развитие, а не воспитывать в них с ранних лет какую-то дутую звездность. Но это вовсе не означает, что я буду как-то влиять на их выбор, если они решат стать актерами.

Когда я делала свой выбор, перед моими глазами были супермастера профессии, было на кого посмотреть, у кого поучиться. И никто никогда не говорил про себя, что он — звезда. Ни бабушка с дедушкой, ни родители при всей своей популярности... А сейчас — сплошные «звезды»... «Звезды на льду», «Звезды на паркете»...

— Вы бы приняли участие в таком проекте?

— Нет. Мне не понятен смысл этих проектов. Как-то меня приглашали в один проект, где актеры жили в каком-то средневековом замке, доили коров, ловили рыбку, какие-то

конкурсы устраивались... Но я почувствовала, что они что-то недоговаривают. Я была бы счастлива и коров доить, и с граблями бегать, и свиней ловить, но не с артистами, а с простыми людьми. Ведь каждый артист будет думать, что он исполняет какую-то роль, а не занимается на самом деле доением козы... А это — уже не приключение, а рабо-

чий процесс. Как приключение — это было бы интересно. Вот я и ответила, что работа у меня другая...

— Ну, а для пиара?

— Пиарить надо свою новую работу, например, в кино. И распиарить его на полную катушку, даже если оно плохое. Распиарить так, что народ будет ломиться в кинотеатры. И

пусть потом плюются, главное, что в кинотеатры пришли!.. (смеется).

Я вот посмотрела спектакль Романа Козака «Чинзано», где он сам играл, так потом полгода ходила с раскрытым ртом, потому что не предполагала, что он – не только режиссер, но и замечательный артист. Да что там, актерище, каких мало.

Лошадь – единственное животное, которое практически на равных с человеком участвует в Олимпийских играх. Это – друг. Товарищ, который вынесет тебя с поля боя.

– Играть из спектакля в спектакль физически очень трудно. У меня в месяц два спектакля плюс гастроли. И мы выпускаем «Хозяйку гостиницы» – значит, будет еще два спектакля в месяц. А антреприза – спектакль «Копилка», где я играю с Кучерой и Добровольской, идет пять раз в месяц... Еще и кино... Работы достаточно. Кроме того, у меня есть и другие интересы. Вот и получается, что накануне спектакля, вместо того, чтобы с друзьями-подружками отдохнуть, посидеть в кафе и песни попеть под караоке, я должна быть дома и копить силы к завтрашнему спектаклю.

Мне, например, совершенно не интересно, чтобы зрители следили не за сюжетом и думали не над тем, что и как мы играем, а соотносили с тем, что мы – муж и жена...

– *Поэтому у вас нет совместных проектов с супругом – актером Николаем Фоменко?*

– Трудно сказать. Это как раз то, что относится к категории «абсолютно бесплатно и в то же время абсолютно бесценно». С одной стороны, нет таких денег, которые бы нас соблазнили принять участие в таком проекте, а дешево продавать не хочется. Хотя предлагают все и постоянно. Александр Анатольевич заговаривает об этом регулярно раз в год... Или вот недавно меня пригласили в кино и сказали, что они все придумали, и будет играть Коля... На что я тут же ответила: «Так что же вы мне сразу-то об этом не сказали? Я отказываюсь участвовать...» Мне, например, совершенно не интересно, чтобы зрители следили не за сюжетом и думали не над тем, что и как мы играем, а соотносили с тем, что мы – муж и жена...

– *В прессе прошла информация, что Николай завязывает с автогонками. Это – правда?*

– Не знаю. Все зависит от спонсоров. Вопрос пока окончательно не решен.

– *Сын к автоспорту уже интерес проявляет?*

– В машинки играет с удовольствием, по двору дома их гоняет.

Я уважаю автогонщиков. То, чем они занимаются, – это круто. Вообще, заниматься серьезным спортом – круто. А если еще и медали, кубки выигрывать – и радостно, и приятно.

На самом деле, в жизни должен быть тяжелый физический труд. А его нам, как правило,

не хватает, поэтому занятия спортом его с лихвой компенсируют. Доставляя при этом еще и удовольствие, и самоуважение, которое ты испытываешь, преодолевая себя.

Это ведь – своего рода подвиг. И такие подвиги надо совершать постоянно, иначе перестаешь себя уважать.

— *А свободное время у вас бывает?*

— Ну, вообще-то, так, чтобы — ах, свободное время, чем бы таким заняться, — у меня не бывает. Я обычно планирую: когда сходить в салон, сделать маникюр-педикюр... Когда — в Сандуновские бани... Я люблю русскую парную и старинные бани в центре Москвы. Это своего рода культурный центр, бани с историей и традицией. Недавно сделали ремонт по высшему разряду, и проводить время с пользой для души и тела там очень приятно. Еще стараюсь бывать на театральных премьерах — это и интересно, и в профессиональном плане полезно. Но это вряд ли назовешь отдыхом. Я скорее отдыхаю в кино. Могу смотреть абсолютное все подряд. В этом плане меня очень выгодно приглашать в жюри кинофестивалей. Смотрю все и до конца. Как-то меня пригласили на «Киношок» в Анапу, и я просмотрела все картины. Даже могла делать разборы, если коллеги были готовы к обсуждению. И всегда старалась найти в любой картине что-то хорошее. Чаще всего другие члены жюри кричали, что я над ними издаюся... (смеется). На самом деле, я уважаю труд своих коллег, работавших над картиной, и не считаю, что их надо обязательно ругать. Люблю и с книжкой поваляться, почитать, если выдается спокойный промежуток времени.

— *И что сейчас лежит у вас на тумбочке у кровати?*

— «Почтальон звонит дважды». Открываю на любой странице и читаю, поскольку книжка эта давно уже прочитана-перечитана... Вообще, чтение — это некое состояние души, часть жизни, без которой существование в творческой профессии просто невозможно. Конечно, я взахлеб читала только в детстве и юности. А сейчас чтение — наслаждение, гурманство... Хотя прорывы тоже бывают, когда попадается что-то захватывающее... И еще, когда едешь отдыхать, мы уже несколько лет по традиции

ездим на Корсику, очень важно взять с собой «правильную» литературу, чтобы в течение месяца наслаждаться чтением. Надеюсь, что уже в этом году и Настя «заболеет» книгами, и мы будем рядышком сидеть и читать...

— *Лафиса Голубкина, ваша мама, увлекается антикварной мебелью, находит в самых непредсказуемых местах старинные, полуразвалившиеся вещи и реставрирует их. Таким образом она создала целую коллекцию. А вы?*

— Мне нравится антиквариат, но у меня несколько другой принцип создания жизненного пространства. Я — не сторонник коллекционирования. Ставлю в доме то, чем могу пользоваться. Считаю, что вещи должны быть и красивыми, и функциональными. Дом, который я практически построила сама, поскольку влезала во все детали в процессе его построения, получился, на мой взгляд, красивым.

— *Вы серьезно занимаетесь конным спортом и выступаете в соревнованиях среди любителей. Много времени занимает у вас это увлечение?*

— Лошадьми надо заниматься каждый день. Поэтому с утра я — уже на конюшне и тренируюсь. Занимаюсь этим уже 20 лет, 8 из них — «без отрыва от производства».

— *То есть отравили детей в школу, а сами, вместо того, чтобы поспать после спектакля, — на тренировку?*

— Практически. Детей (и дочку, и сына) в 6.30 утра водитель с няней везут сначала на тренировку в школу фигурного катания, а потом Настя идет в школу, а после занятий — опять на каток... Ну, а я, тем временем, занимаюсь лошадьми на конно-спортивной базе «Планерная». Затем еду на репетицию, на съемки, и тому подобное...

— *И много у вас соревнований в течение года?*

— Не очень. Где-то порядка семи. Надеюсь, что в этом году их будет больше: и в рамках Федерации, и выездных... В прошлом сезоне я выиграла любительский Кубок Москвы и могу переходить в категорию профессионалов. Мне даже предложили больше в любительских состязаниях не участвовать, поскольку я выиграла там все, что только возможно.

— *Конный спорт в последнее время стал очень популярен, появились новые конно-спортивные комплексы, возродились скачки...*

— Да, вот только Невзоров написал мерзкую, на мой взгляд, книгу об этом спорте, и вызвала она у многих людей, которые увлекались лошадьми, совершенно неправильную реакцию. Он оказал плохую услугу нашему несчастному конному спорту, которому надо подниматься буквально с колен. Я считаю, что он абсолютно не прав, ведь лошадь — единственное животное, которое практически на равных с человеком участвует в Олимпийских играх. Во всем мире лошадь — это друг. Товарищ, который вынесет тебя с поля боя. В былые времена жизнь многих зависела от лошади. И конный спорт возник из турниров, а из военных парадов появилась выездка — красивая езда на лошади. Прыжки через препятствия — это рыцарский турнир смелых мужчин. Лошадь — дорогое животное, оно содержится гораздо лучше, чем мы с вами. Потому что у нее есть все — фитнес, плавательный бассейн, солярий. Витамины, подкормки, мази, бинты, врачи, хирурги... Специальная конная хирургия, отдельные клиники с операционными...

С коровами и свиньями люди поступают гораздо более жестоко — их просто едят, не спрашивая, хотят они этого или нет. А с лошадьми

обращаются, как со спортсменами, их тренируют и обучают. И цена на них порой доходит до полумиллиона. Это такой вид спорта, на котором не зарабатывают, а в который только вкладывают и вкладывают. И заниматься им — своего рода совершать ежедневный подвиг.

Во всей Европе чуть ли не в каждом доме — лошадь. Мы как-то с мужем снимали дом во Франции. Там из пяти домов, которые нам предложили, в каждом была конюшня. Причем в одном доме нам сказали — у нас собаки не приветствуются, но с лошадью можно. И окно там открывалось из конюшни прямо на кухню. То есть лошадь могла смотреть, чем вы занимаетесь, что готовите. Да и вообще, общение с лошадьми испокон веков считается делом благородным. Не случайно в Европе детей отправляют летом на месяц в конно-спортивный лагерь. Оказывается, ребенку это необходимо. Так же, как и обучение музыкой. Все это нужно для гармоничного развития личности. Такими я и хочу вырастить своих детей, ведь они — наше будущее...

*Беседовала Татьяна Секридова.
Фотографии Владимира Нестерова*

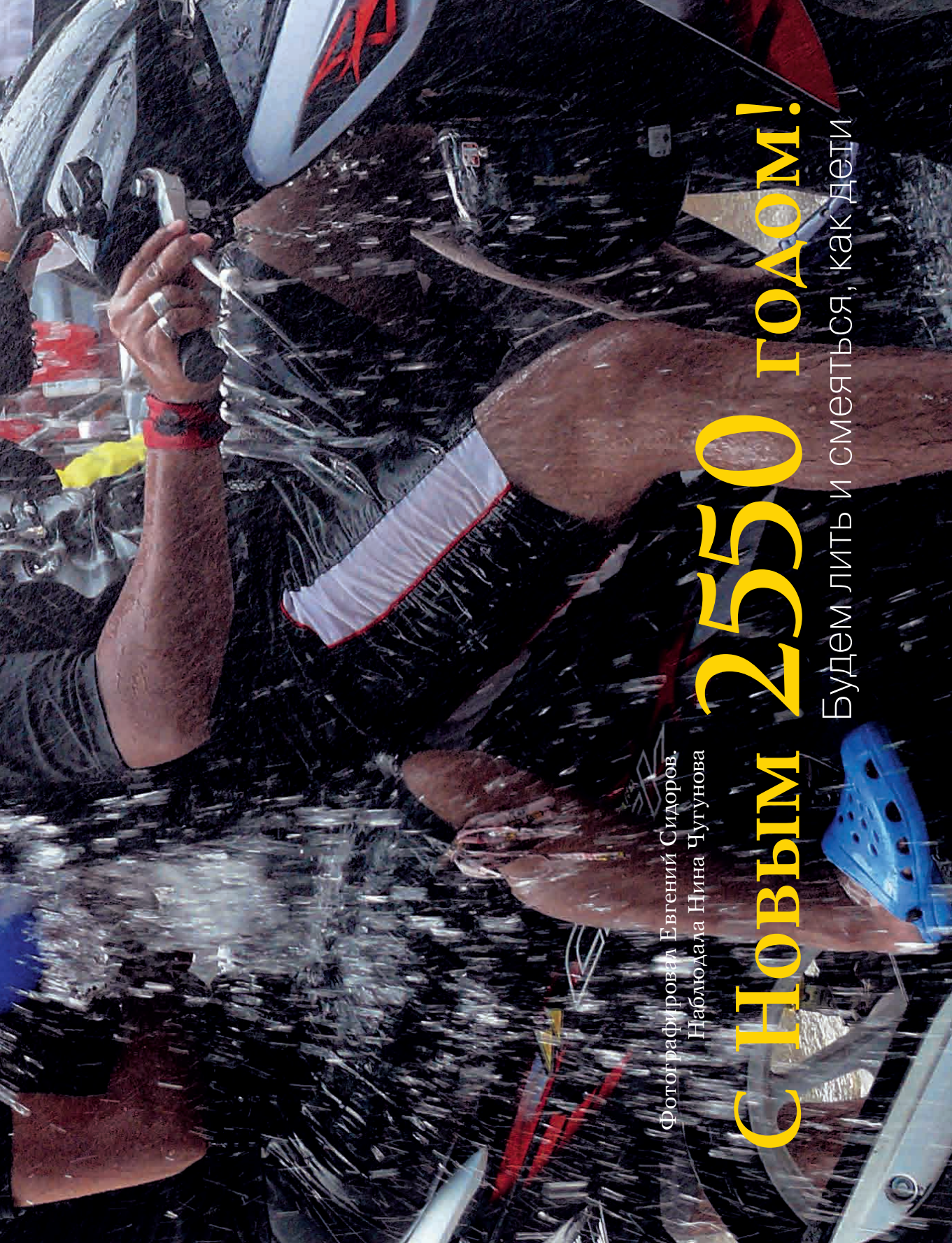
СПЕЦПРОЕКТ
«Просто люди»

Фотографировал Евгений Сидоров.
Наблюдала Нина Чугунова

С НОВЫМ 2550 ГОДОМ!

Будем лить и смеяться, как дети

*«Если хочешь по-новому
взглянуть на знакомые
вещи, взгляни на них
из другого мира»...*

Остров Пхукет, королевство Таиланд, 13 апреля сего, 2550 года. Люди празднуют Новый год по своему календарю (отсчет со дня смерти Будды) и — по-своему. Мы, конечно, знали о традиции омовения в знак обновления, но думали: бунт слегка брызгаться. Так что, были захвачены врасплох. Обновляться, так обновляться!

Фотографа берегли. Правда, протянули полиэтиленовый пакет: клади камеру сюда и присоединяйся. А меня присоединили быстро: подкрались с шестиведерной бочкой, окатили. И все стало в жизни временно ясно и просто: бегай, набирай воды и швыряйся прицельно. По улицам катались грузовички со смеющимися людьми и бочками в кузове. Но мы же не зря стояли на их пути! Облить внезапно — больше хохота с обеих сторон. Как лаком было встретить свежего сухого человека! Вот вышли из отеля два важных японца — сразу сами присоединились!

Вот ребенок к тебе вежливо подошел с кружкой: а ты присядь, ему же высоко, не дотянуться! Надо помочь. Все равны. Особенно дети.

Никаких правил: главное, чтобы всем было одинаково весело, если не считать одного немецкого мальчика, который старался стрелять из своего ружья не весело, а побольнее. Как-то он немножго не в то разыгрался... Его мягко привели в чувство, шаркнув из полного ведра. Не было времени внушать: когда игра нравится только одному, это, мальчик, называется другим словом. В Пхукете трезвые не все друг другу знакомые люди так повеселились целый день. В Бангкоке было, говорят, похлеще, и длилось три дня.

...Жизнь почти всякого народа полна труда и часто страданий. По Будде, страдание есть главная черта жизни. По-простому, она — ее признак. Да знаю я, что это и при мета: душа жива. Но эта мысль мало утешает, когда жить трудно.

THE BOATHOUSE WINE & GRILL

Что даст человеку утешение, хотя бы на вздох передышку? Потеха. Миг беспечальной всенародной детской игры.

Не то: сидеть перед телевизором. Там скачут и веселят тебя, а ты жуешь, закусываешь, сам себе в темноте не виден, порой ненавиден.

Не то: самому веселить закусывающего, тебе не видного со сцены, порой ненавидистого.

Не то: разнуздаться в веселье, про которое сроду и говорят: необузданное. Которое «не про тебя», а про других, особенно, про которых пишут в красивых журналах. Ты можешь очень постараться и в конце концов к таким присоединиться. Но и это: не то.

Давайте, вот что: в наш следующий раз по всей стране, по годной, конечно, возможно, будем всенародно бросаться, одевшись попроще, снежками до изнеможения. Или лепить снеговиков. Бегать с санками. Целый день. И даже все десять дней, отгуленные правительством.

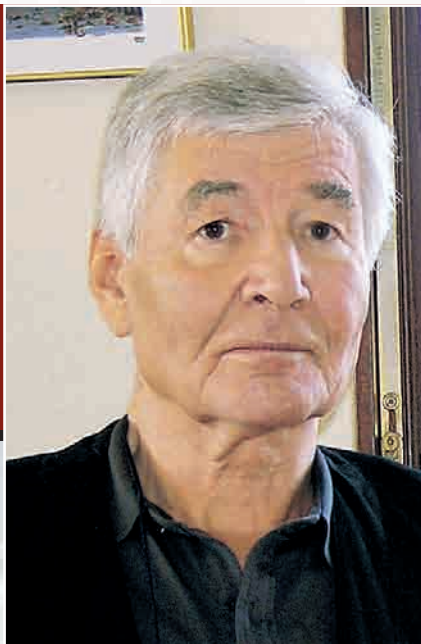
А потом посмотрим друг на друга и увидим...

Н.Ч.

Этот милый старичок живет в небольшом городке в Германии. Раньше он был священником, однако вынужден был сложить свой сан и уйти на пенсию – после автокатастрофы здоровье уже не позволяло в полной мере исполнять свои обязанности. Наверное, он так бы и остался безвестным святым отцом Борманом, если бы не одно обстоятельство: этот человек – родной сын Мартина Бормана (руководителя канцелярии фюрера) и крестник самого Гитлера.

**Мартин
Борман-младший:**

«Я знаю, что моему отцу нет места в Раю»

«Я поверил в Бога, когда меня оставили в живых»

– Г-осподин Борман, извините, но очень странно, что вы стали священником, имея таких отцов – родного и крестного.

– Да, вы правы – это удивительно. Особенно, если учитывать тот факт, что мой отец не верил в Бога. Для него фюрер был единственным всевышним. Он буквально молился на него и боготворил. У нас дома не было ни од-

ного креста или иконы – все было под запретом. Зато портретами Гитлера был завешан весь дом.

Я думаю, в первую очередь в атеизме отца виноват его отчим. Это был очень верующий, но в то же время чрезмерно жестокий человек, который по любому поводу поднимал руку на своего пасынка. Отчим бил папу, если тот запинался при чтении молитвы. А потом ставил голыми коленями на горох и заставлял читать Библию. Отец долго терпел его издевательства, а потом просто сбежал

из дома от этого деспота. К стати, со своей матерью он увиделся только спустя 8 лет, когда ее муж умер.

– Тем не менее, вас крестили в церкви.

– Понимаете, неправильно называть Бормана неверующим человеком. Он верил в своего Бога – в Гитлера. Думаю, отец просто хотел породниться с фюрером, стать еще ближе к нему...

Так что, о Боге я впервые серьезно задумался только в 14 лет. Это было 1 мая 1945. Мы вместе с несколькими сотрудниками из партийной канцелярии Мюнхена ехали в эшелоне СС и вдруг узнали о смерти Гитлера. Грузовики остановились, люди собрались в поле. Кто-то достал пистолет и началась череда самоубийств: один стрелял себе в голову, второй еще при падении подхватывал оружие и подносил к своему виску. Для меня это был настоящий ад. И я стал молиться. Я не знал тогда ни одной молитвы, поэтому говорил, как умел – но я обращался тогда к настоящему Богу, а не к фюреру. Мне было страшно, потому что я знал: вскоре этот пистолет окажется и в моей руке. К счастью для меня, секретарь отца остановил этот кошмар, вручил мне документы на имя Мартина Бергмана и велел идти, куда глаза глядят. К стати, потом уже я узнал, что отец прислал радиограмму: моя мать должна убить всех своих детей. Но секретарь не стал ничего передавать моей маме...

И вскоре у меня появился третий отец – обычный крестьянин из альпийской деревни в Австрии. Он принял меня после войны и растил как родного сына, даже не подозревая о том, кто мои настоящие родители. Моя новая семья оказалась очень религиозной – они молились и перед сном, и перед едой. Именно благодаря им я нашел свой путь к Богу.

«Фашизм превращает человека в бездумную машину для убийств»

– Простите за вопрос, но, может, вы стали священником, чтобы замолить грехи своего отца?

– Да, именно это побудило меня в первую очередь пойти в духовное училище. Я молюсь за душу своего отца каждый день.

– Вы делаете это несмотря на то, что он приказал убить вас?

– Я очень давно простил моему отцу этот поступок. И даже в какой-то степени понял его: если бы меня тогда, в 45, поймали и узнали, чей я сын – меня бы повесили на первом же суку. Может, перед этим поиздевались надо мной и помучили. Наверное, он желал мне более легкой смерти. И, знаете, я разделяю для себя Бормана-отца и Бормана-нациста. Все-таки для меня он в первую очередь – папа.

Но я уверен, что Бог никогда не сможет простить ему то зло, которое он причинил людям. Точно так же, как и пострадавшие от германского нацизма люди никогда на страшном суде не замолвят о нем доброе слово. Когда во время Нюрнбергского процесса я узнал, что делали Борман, Гитлер и другие, для меня мир перевернулся. В моей голове до сих пор не укладывается – как мой папа мог творить такие вещи? Фашизм – это страшно! Помню, я изучал документы зверств гитлеровцев и пришел в шок: неужели все это делали немцы? Потом уже, когда я стал священником, ко мне на исповедь стали приходиться бывшие эсэсовцы и каяться в своих грехах. Я знал этих людей как своих милых соседей и я ужасался тому, что они совершили такое! Они каялись в содеянном, но никто из них так и не смог мне объяснить, зачем они убивали других людей: безоружных, бес-

помощных, женщин, детей, стариков? Как могли такие добрые и нормальные люди строить концлагеря и сжигать в газовых печах узников? Я вам так скажу: если религия учит добру, то фашизм превращает человека в бездумную машину для убийств. К стати, Гиммлер даже предлагал заменить религию: отменить христианство и вернуть язычество – древнегерманские верования. Его логика понятна: тогдашние боги были более воинственные, поскольку древнегерманские племена занимались, как говорится, войной, а не любовью. Тогда все ужасы нацизма были бы оправданы религией. Христианство же казалось Гиммлеру слишком добрым вероисповеданием. Но Гитлер отказался от этой идеи, поскольку был родом из Австрии, где религия всегда играла важную роль – он, видимо, боялся бунта.

– Вы опускали грехи фашистам, которые приходили к вам на исповеди?

– Конечно! Я же священник – это моя обязанность, если человек покаялся. Я вообще молюсь за всех людей, которые совершали эти зверства во время Третьего рейха. Точно так же, как и за их жертв.

– Как вы считаете, ваш отец – в аду?

– Он – в руках Божьих. И ему решать, а не мне, где место для моего родителя. Но точно знаю, что если я попаду в рай, то отца там не найду.

– А что думают по этому поводу ваши братья и сестры? Ведь у ваших родителей было 10 детей...

– Я не буду говорить за них. Когда мы изредка встречаемся, мы предпочитаем не обсуждать Борман-рейхсляйтера, мы говорим о Бормане-отце. И пусть он отдал приказ убить всех нас, мы в первую очередь помним о том, что он подарил нам жизнь.

Для справки

Мартин Борман

(17 июня 1900 г., Халберштадт – май 1945 г., Берлин),

Влиятельный партийный лидер нацистской Германии, один из тайных помощников Гитлера. В 1924 г. Борман сидел в тюрьме за участие в политическом убийстве, а после освобождения присоединился к нацистской партии. В 1926 г. он возглавил партийную прессу Тюрингии, а после 1928 г. – «Фонд пособий», секретную кассу высшего руководства штурмовиков. В 1933 г. он стал начальником канцелярии заместителя Гитлера Рудольфа Гесса. 12 мая 1941 г. Гитлер назначил Бормана начальником партийной канцелярии. Борман возглавил административную машину нацистской партии, и посредством интриг и манипулирования слабостями Гитлера, оставаясь в тени, достиг высшей власти в «Третьем рейхе». Контролируя партийные кадры, он влиял на деятельность спецслужб. Регулируя распорядок дня Гитлера, Борман добился, чтобы никто не мог проникнуть к фюреру помимо него. Один из самых твердых нацистских ортодоксов, он был главным инициатором уничтожения евреев и славян, сыграл решающую роль в программе завоза в Германию славян-рабочих. Вскоре после смерти Гитлера Борман исчез, и Международным трибуналом в Нюрнберге 1 октября 1946 г. заочно приговорен к смертной казни. Считалось, что Борман скрылся в Южной Америке, возможно, в Парагвае. Однако в декабре 1972 г. в Западном Берлине были обнаружены два скелета, один из которых 11 апреля 1973 г. был признан принадлежащим Борману.

«Дети были лишь фоном для Гитлера»

– Какие у вас были отношения с вашим крестным?

– Никаких. Я видел его всего несколько раз в жизни. Но лучше всего я запомнил нашу встречу на Рождество 41 года. Меня привезли к Гитлеру. У него тогда собрали детей на фотосессию: фюрер в окружении детворы. Я, как увидел его, от волнения даже дар речи потерял. Гитлер же как Бог – и вдруг я его вижу рядом с собой. Он угощает нас пирожными и конфетами. Но я быстро спустился с небес на землю, потому что увидел – у фюрера нет никаких нежных чувств к детям. Даже ко мне – хотя я – единственный, из присутствующих, был его крестником. Мы были лишь хорошим фоном для снимков диктатора.

– А кто был вашей крестной?

– Жена заместителя Гитлера по партии Рудольфа Гесса Ильза. Кстати, Гитлер был католиком, а крещение проходило в протестантской церкви. Поэтому Гитлеру на церемонии запретили брать меня на руки – меня держала фрау Гесс, а ее кум с тоял рядом. При крещении мне дали имя Адольф Мартин – в честь фюрера. Но я не люблю первое имя. Предпочитаю, чтобы меня называли Мартин. Кстати, это был единственный раз, когда отец позволил мне зайти в церковь. Он потом закрыл церквушку в городке Оберзальцбурге, где мы жили с мамой – не хотел, чтобы мы туда даже заглядывали.

– Как вы думаете, как бы ваш отец отнесся к тому, что вы стали священником?

– Я думаю, что он пришел бы в бешенство. И расценил бы это как предательство. Знаете, я раньше даже

иногда боялся: а вдруг он еще жив и узнает, что я священник? Но я нисколько не жалею о том, как прожил свою жизнь.

Даже когда в Конго, где я работал в католической миссии, меня взяли в заложники повстанцы, избивали и грозились вообще убить, я ни на минуту не пожалел о том, что принял сан. Я тихо молился либо о спасении, либо о быстрой смерти.

– Почему вы уехали в Конго в тот момент, когда там была в разгаре гражданская война? Вас пытались преследовать из-за отца?

– Я не могу сказать, что меня преследовали. Но однажды кто-то донес на меня в полицию. Мне велели собрать чемоданы и уехать из Австрии в Баварию...

Священники не выбирают место службы – куда нас посылают, туда мы и едем. Ведь и в такие места, как Конго, кто-то должен нести слово Божье. Почему не я?

– У меня такое ощущение, что вы совершенно не похожи на своего отца.

– Да, вы правы. Он был очень жестким человеком. Даже с нами, со своими родными детьми. Казалось бы – мы мог ли жить в роскоши, денег у него, я думаю, было много. Но он всег да заставлял нас работать на ферме: мы ухаживали за скотиной, пропалывали грядки, обрезали сухие ветки у деревьев. Если кто-то из нас жаловался ему на усталость, папа начинал ужасно ругаться – он никог да не любил слабых.

– Как вы думаете, если бы Гитлер, Борман, да и другие высокопоставленные наци были верующими, история была бы другой?

– Мне сложно судить об этом. Но, вполне вероятно, скорее да.

Мария Авдеева

МИРА ЗДАНИЕ

СМЕНА ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

H₂O

Жидкость без вкуса, цвета и запаха. Но так ли все просто, и не настало ли время опровергнуть эту известную, зазубренную еще в школе истину? Сегодня мистические свойства воды подтверждены научными исследованиями и очевидно, что «живая вода» – не только метафора.

Сергей Каленикин

Такая непростая...

И в ступе ее толкли, и на вкус пробовали

Человек издревле приписывал воде магические свойства. Ритуальные омовения проводились еще во времена первобытных племен. Культ воды существует до сих пор у всех народов и религий мира. Вера в ее могучую силу порождает обычаи и обряды. Без воды немыслимо и само Крещение. Верующий, при трехкратном погружении тела в воду, возрождается от Духа Святого в жизнь духовную, святую. Так происходит не только физическое, но и нравственное очищение. Вода смывает все нечистоты, снимает с нас все чужое, темное и негативное.

Идея Божественного начала воды отражается и в древнегреческих философских представлениях – она соотносится с идеей истины, справедливости, мудрости, дарования предвидения будущего, благополучия, защиты, помощи... Вода – не просто один из первоэлементов, а исходное состояние всего сущего, поэтому и связывается с первородным Хаосом, положившим начало всякой жизни. Древнегреческий философ и мудрец Фалес считал воду первоматерией Вселенной: «Великое множество вещей возникает из воды и возвращается в воду». И с этим не поспоришь. В славянских и древнерусских верованиях, наряду с воздухом, землей и огнем, вода также считалась основой мироздания.

Академику Вернадскому очень нравилось определение жизни как «одушевленной воды», данное французским зоологом XIX века Дюбуа, и он неоднократно приводил его в своих трудах. Поэтические строки о воде принадлежат и Антуану де Сент-Экзюпери: «Вода, у тебя нет ни вкуса, ни цвета, ни запаха, тобой наслаждаются, не ведая, что ты такое. Нельзя сказать, что ты необходима для жизни; ты – сама жизнь»...

ВОДА?

Наследственная информация ДНК человека обладает той же памятью, что и молекула ВОДЫ.

Образ воды многозначен. Она может быть кристально-чистой и «черной».

Самое древнее и естественное лекарство, опять-таки, — вода. О ее целительных свойствах сказано немало. У многих народов мира есть легенды, сказки, предания о «живой» и «мертвой» воде. С их помощью людей воскрешали или убивали. В русских сказках и былинах даже изрубленный человек становился здоровым и невредимым, если его обливали «живой» водой. Не случайно на Руси состояние здоровья человека связывали с качеством воды. И распространенным приветствием в старину являлось выражение: «Будь здоров, как вода!»

В Древней Индии вода считалась эликсиром жизни. Авиценна же утверждал: старость — всегда сухость. Все, что высыхает, становится старым. А молодость, наоборот, — это избыток воды в клетках. И всякий недостаток влажно-

сти, перегрев, чересчур горячие ванны, сухие ветра, солнечные лучи приводят к потере воды. Для омоложения внутренних органов и тканей надобно как можно чаще купаться в реке, море, ванне, бассейне.

«Холодная вода излечивает во всякое время и всякие болезни», — заключил Викентий Присниц, силезский крестьянин, целитель-самоучка XVII века, открывший миру глаза на эффективность водных процедур. Тут, замечу, никаких чудес: чем вода холоднее, тем эффективнее она действует на посылаемый сигнал от рецепторов, значит, и больше выделяется тепла. Вот и вся премудрость.

Как только ни изучали воду. «Ее толкли в ступе», пробовали «на вкус», расщепляли всевозможными химическими реактивами. И нашими предками было усвоено главное: именно вода составляет основу нашего тела. Внутри

нас текут реки и ручейки. Мы, люди, — система сообщающихся сосудов, а по ним, в том или ином порядке, «куролесят» потоки разнообразных жидкостей, взаимодействующих между собой. И везде — свои закономерности.

Уже в наши времена последовали научные дополнения, уточнения и новые открытия. «Поумнев», узнали: организм взрослого человека приблизительно на 70% состоит из воды, ребенок — еще более «мокрый». Шестинедельный человеческий эмбрион состоит из воды на 97,8 процента, а «постаревший» на несколько месяцев новорожденный — уже значительно меньше, не более 83. В момент зачатия в яйцеклетке доля воды составляет 95 процентов!

У молекулы H_2O — два атома водорода и один — кислорода. Но эти атомы сочетаются в каждой молекуле по-разному. И таких сочетаний насчитывается 42! Вода — вещь непростая, и вовсе не однородная, как полагали до сих пор.

Более того, научно доказано, вода является информационной средой, то есть обладает памятью. Современная наука подтверждает то, о чем интуитивно догадывались наши предки. А они не сомневались: вода связана с человеческими эмоциями, чувствами, переживаниями. Она воспринимает, сохраняет и передает информацию — даже такую тонкую, как человеческая мысль.

Как в воду глядели

Ученые выяснили: наша речь влияет и на святая святых — ДНК, хранилище наследственной информации. От слов, так или иначе, изменяется генетическая программа организма — он получает несокрушимое здоровье, ему не страшна даже радиация, а продолжительность жизни увеличивается многократно. Но не это больше всего удивило ученых из отдела теоретических проблем Российской академии наук. Они неожиданно поняли, что, в принципе, ничего нового не открыли. Гораздо раньше и лучше их подобные чудеса творил Тот, о Котором в Библии сказано: «В начале было Слово»...

Доктор биологических наук, академик Российской академии медико-технических наук Петр Гаряев еще в начале 1990 годов экспе-

Если наслать на воду целенаправленное проклятие, как это умеют делать колдуны и маги, то ее молекулы складываются в структуры, по форме и свойствам аналогичные сильным ядам.

риментальным способом доказал: заложенной в хромосомах информации явно не хватает для нормального развития эмбриона. Иными словами она, только технологически указывает, как строить те или иные белки, тот или иной орган.

Главная же информация, несущая в себе «идеологию строительства» нового организма (каким он должен быть), приходит извне в виде излучений, волновых командных сигналов, названных Гаряевым волновыми генами. Именно они воздействуют на ДНК и организуют ее работу. Эти волны могут быть не только электромагнитными, но и акустическими. А эмоции — волновые гены, кардинально изменяющие структуру воды. Наша же плоть состоит из нее более чем на 80%. Под действием слов, сказанных на высоком эмоциональном уровне, молекулы воды могут выстраиваться в сложные конгломераты, меняющие ее свойства. А если наслать на воду целенаправленное проклятие, как это умеют делать колдуны и маги, то ее молекулы складываются в структуры, по форме и свойствам аналогичные сильным ядам. Выпив такую воду, можно заболеть, а то и вовсе отправиться к праотцам.

И совсем недавно в России (а именно в Институте медико-биологических проблем РАН) защищена первая докторская диссертация, посвященная проблемам изучения памяти воды. Ее автор — руководитель Проблемной лаборатории научного обоснования традиционных методов диагностики и лечения Федерального научного клинико-экспериментального центра Минздрава РФ Станислав Зенин.

Теперь установлено: состояние воды меняется не только под влиянием полей, но и... человеческого мышления. Проведено более 500 опытов с разными людьми, и в зависимости от их внутренних установок вода изменяла свои свойства в ту или иную сторону. При этом менялась и электропроводность воды, менялась настолько, что простейшие организмы, помещенные в нее, либо погибали, либо, наоборот, становились активней.

Дальнейшая расшифровка структуры воды показала: «память» ее — долговременная. Каждое следующее воздействие не «стирает» прежнюю информацию, но привносит что-то новое. То есть вода представляет собой некий биокомпьютер с запоминающим устройством и передатчиком. Правда, тут есть одно «но». Вода нейтральна как качеству информации: запоминает и «дурную», и «хорошую».

Состояние воды практически становится основой жизни. В ее матрице уже заложено все то, что должно быть в живой клетке. И Зенин уточняет: «Изначальная информация возрождается в каждой точке водной среды». Не исключено, что это обстоятельство с водой поможет выяснить путь превращения неживой материи в живую: ведь жизнь должна иметь информационную программу, благодаря которой она и появилась.

«Вода,
у тебя нет ни
вкуса, ни цвета, ни
запаха, тобой наслаж-
даются, не ведая, что ты
такое. Нельзя сказать,
что ты необходима
для жизни;
ты — сама жизнь»...
Антуан де Сент-
Экзюпери

Адольф Гитлер — не мать Тереза

Результаты экспериментов японского ученого Емото Масару потрясают. Из них следует: на молекулярную структуру воды воздействуют не только музыка, не только слово, но и мысли! Масару удалось даже сфотографировать эмоциональность воды. Вот его некоторые пояснения: «Я всегда спрашивал себя, существуют ли методы, способные выразить различное качество воды? Мне стало вдруг ясно, что кристаллы ее и есть та самая отправная точка, которая поможет мне определять качество воды. Если я заморозю воду и затем буду фотографировать формирующиеся кристаллы, то я бы мог получить информацию о воде. В этом и заключалась вся идея моего эксперимента, с которого я начинал. Я сделал слайды со снимков и принес их на мои выступления. С тех пор у меня всегда просили разрешения сделать копии этих снимков, настолько они были утонченно красивы. Очаровательность одних, так же, как и безобразность других, замораживают и восхищают людей. Благодаря этим снимкам я смог

многому научиться, и с тех пор вода для меня стала иметь лицо».

Емото Масару брал пробы воды из самых разных мест, замораживал опытные образцы, а потом рассматривал под микроскопом очередные кристаллы H_2O . Он сравнил воду из чистого родника и городских водоемов. Кристаллы родниковой воды отличались редкой красотой и гармонией, а вот их городским собратьям повезло меньше: у них была разрушенная кристаллическая форма, и картина оказалась безобразной, дисгармоничной.

Ученый взял на пробу воду из озера Фудживара. После чего священник местного храма целый час молился на берегу этого озера. Затем ученый снова исследовал воду из того же места. Изменения оказались поразительными: первая проба дала уродливые грязные кляксы, а вторая — чистые ярко-белые шестигранники.

Неугомонный Масару придумывал все новые и новые эксперименты. Обычную воду он «заставлял» по несколько часов слушать различную музыку. А затем замораживал и вновь фотографировал ... И вот что выяснилось: после «прослушивания» Моцарта, Шуберта, Бетховена каждый раз получались красивые и величественные кристаллы. А после тяжелого рока структура воды нарушалась, принимала отвратительный вид. Стало быть, H_2O понимает сообщаемую ей информацию. И реагирует должным образом.

Пораженный результатами, японец решил пойти еще дальше. Он наклеил на емкости с дистиллированной водой этикетки с надписями «Мать Тереза», «Гитлер», «Я тебя убью» и оставил их на ночь. Это, может быть, похоже на мистику, но, когда на следующий день вода из каждой емкости была заморожена и сфотографирована, оказалось, что она отреагировала так, как могла бы отреагировать какая-то мыслящая живая субстанция: в каждой емкости произошли свои структурные изменения.

Слова с негативным значением разрушают структуру кристалла и формируют уродливые

варианты. Напротив, слова эмоционально положительно «заряженные» — «добрый», «спасибо», «люблю» — приводят к появлению красивых и гармоничных кристаллов.

Японец провел много экспериментов, чтобы найти слово, которое лучше всего очищает воду. В результате оказалось, что это — «любовь и благодарность».

Кстати, обнаружилось, что одно и то же слово на разных языках образует разные кристаллы. Например, «спасибо» на японском и «спасибо» на английском привели к появлению двух различных вариантов. Но в обоих случаях они выглядели привлекательно. Уже экспериментально доказано: наследственная информация ДНК человека обладает той же памятью, что и молекула воды.

Эксперименты Емото Масару свидетельствуют, что на молекулярную структуру воды способны воздействовать и менять ее — и музыка, и слово, и даже мысли. Это дает возможность подобраться и к разгадке феномена «святой воды». Действительно, почему бы воде не менять свои свойства под воздействием молитвы? Особенно, если это энергетически сильно заряженная молитва, произнесенная (вслух или про себя) искренне верующим человеком?

Молитесь на здоровье!

В Алтайском политехническом институте, в лаборатории профессора Павла Госькова, проводились физические и биологические анализы «святой воды». После чего она добавлялась в водопроводную в очень слабом процентном соотношении — 10 миллилитров «святой» на 60 литров той, что из-под крана. Через какое-то время обычная вода по своей структуре и биологическим свойствам превращалась в «святую». Приобретала новые биологически активные и антимикробные свойства, аналогичные воздействию ионов серебра.

В одном из интервью доктор биологических наук Петр Горяев заметил: «Под действием слов в молекулах воды образуются волновые

матрицы, которые может усваивать организм. Если это — православные молитвы, то вода становится целебной. В ней возникают волновые подобию ДНК здорового человека: считывая эту информацию, организм больного восстанавливается.

Недаром святоотеческая литература полна историй об удивительных исцелениях и даже оживлении мертвых по молитвам святых и простых людей, которые просили у них помощи. И наука доказывает реальность таких чудес.

Ученый утверждает, что слово может «стать плотью». Молекулы ДНК в клетке способны «обмениваться» информацией с помощью энерговолн. А по своему строению человеческая речь и генетические структуры клеток очень похожи. Таким образом, подтверждаются тысячелетние наблюдения о том, что слова — вовсе не пустые звуки. Мысли и слова постоянно вторгаются в наш генетический аппарат, оказывая огромное влияние на наследственную программу жизни человека и его потомства, а также на программу его будущих воплощений.

Говоря об эпидемии грязной ругани, или, как ее называли наши предки, «злой лае матерной», приходится признать, что если недавно эта самая «лая» была характерна только для малообразованных слоев общества, нынче можно услышать, как те же слова произносятся даже со сцены театра, телеэкрана.

Не стоит разбрасываться словами. Мат в нашем организме вызывает эффект чудовищной силы. Искажаются и рвутся хромосомы, меняются местами гены. В результате этого хаоса ДНК начинают вырабатывать противоречивые программы, которые отзываются в человеке и его потомстве программой самоликвидации. Отсюда — болезни, безумства, жизненные неудачи, неурядицы... Стало быть — побольше положительных эмоций, не стоит завидовать, будем вежливы и внимательны... Все то, что от нас идет, к нам и возвращается... И никакие фильтры, насосы, промывки, очистки тут не помогут.

Оказывается, молекула воды способна образовывать генетические структуры. Сама по себе! Из этих кирпичиков можно построить ДНК, вирусы и даже полную водную копию человека!

«Мы пришли к выводу, — подытожил Петр Гаряев, — что слова могут быть губительными и спасительными. Проклятия повреждают тело и душу, молитвы и благословения исцеляют их. Причем слова действуют не только на того, о ком идет речь, но и на всех, кто их слышит. Недаром бытует поговорка: с кем поведешься, от того и наберешься. А наберешься либо здоровья, либо болезней. Да и сам будешь здоров ровно настолько, насколько добро преобладает над злом в твоих мыслях, словах и делах, ведь все они неразрывно связаны друг с другом».

Интересные результаты получила группа Гаряева при изучении освященной воды. Оказывается, молекула воды после коллективного освящения способна образовывать генетические структуры. Сама по себе! Из этих кирпичиков — молекул воды, соединенных определенным образом, можно построить ДНК, вирусы и даже полную водную копию человека! Иначе говоря, вода может передавать структуру молекул, распространять информацию. А раз так, то человеческие мысли, желания и речь могут отпечатываться на структуре жидкого кристалла воды.

Жидкая руда

Если бы удалось получить идеально чистую воду — такую, в которой полностью отсутствовали бы механические примеси и растворенные газы, то она, по крайней мере, в 100 раз превосходила бы прочностью лучшие сорта стали.

Получить идеально чистую воду пока еще никому не удавалось. Но если сама возможность доказана теорией, то вряд ли кто-нибудь станет отрицать ее практическое воплощение хотя бы в далеком (а может и не очень) будущем. Придет время, когда сверхпрочную воду смогут получать сначала в лабораториях, а затем и на промышленных предприятиях.

Со временем вода станет отличным машиностроительным материалом. Изготовленные из нее детали будут выгодно отличаться

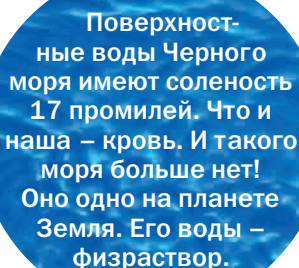
от стальных не только сверхпрочностью, но и сверхлегкостью. Да и технология их изготовления достигнет предельной простоты: налил в форму, нажал кнопку очищающего устройства и... готово.

Главное же — водяное сырье избавит человечество от трудоемкой добычи металлических руд, которые, к тому же, нуждаются в обогащении, очистке, транспортировке, многократной переплавке. Исчезнут доменные гиганты, дымные металлургические комбинаты, громоздкие прокатные станы, исполины прессы. «Жидкая руда» будет всегда под рукой: бери из любой реки. Мало — в твоём распоряжении Мировой океан.

Возможность обращать воду в металлически твердое состояние позволит наводить мосты не только через реки, но и через моря. Разумеется, это пока — из области фантастики. Как и полимерная гипотеза Б. В. Дерягина. Самая обыкновенная вода может стать чудом. А мыслится так. Не замерзающая, закипающая при температуре красного каления стали, поливода найдет самое широкое применение в технике. Овладение процессом полимеризации воды позволит создать совершенно новую отрасль большой химии — комбинаты по производству волокна из водяных полимерных нитей. Получится удивительнейшая ткань. Сверхпрочная и более тонкая, чем современные капроновые или нейлоновые нити.

В недалеком будущем человечество наденет одежду бесконечно тонкую, бесконечно прочную, защищающую от любой жары и от любого холода. В такой одежде люди смогут расхаживать под палящими лучами солнца Сахары, а легкий костюм из водяной ткани освободит космонавта от тяжелого и громоздкого скафандра, позволит ему находиться в открытом космосе без всякой дополнительной защиты.

... Некоторые высказанные догадки, предположения, гипотезы выглядят фантастическими. Но это — сегодня. А завтра? Не окажутся ли они уже завтра лишь бледной тенью реальности?

Поверхностные воды Черного моря имеют соленость 17 промилей. Что и наша — кровь. И такого моря больше нет! Оно одно на планете Земля. Его воды — физраствор.

ДУХ ЛЕОНАРДО

Есть грани, где наука выходит за пределы добра и зла. И гений, подобный Творцу, за каждую искорку изобретений и оставленных человечеству надежд на лучшую жизнь несет полную ответственность: станет ли она уничтожающим все пожаром или обогреет жилище.

Надежда БОЛГОВА

Полет мысли

Всегда были люди, видевшие в науке всевозможное воплощение зла, считающие ее школой безнравственности. Но ведь гений и злодейство – две вещи несовместные. Так ли?

И все гениальное – просто? И гениями не рождаются, а становятся?

Его живопись подчиняется законам, как математика. Его инженерные проекты стройны и гармоничны, как живопись. Целостность. Такая, кажется, недостижимая сегодня.

О машинах, спроектированных Леонардо, мы, современники, можем судить только по его рисункам. Не сохранилось ни одной машины. Но если бы время сохранило одну из его машин, не сохранив при этом соответствующий рисунок, потеря была бы еще большей. Техническое проектирование Леонардо от-

Наука – школа безнравственности?

Ковер-самолет старика Хоттабыча, ступа бабы Яги, поднебесная колесница Фазтона, искусственные крылья Дедала и Икара... В этих мифических и сказочных прототипах летательных аппаратов человечество выражало одну из самых захватывающих дух мечтаний – парить в небесах, как птица, освобо-

дившись от силы земного притяжения.

Если бы человечество выработало крылатый подвид, то, возможно, мы напоминали бы летучих мышей или крупных летающих ящеров. На руках у летающего человека были бы удлинённые пальцы, покрытые кожаной перепонкой, выполняющие функцию

крыльев. Чтобы махать такими крыльями, понадобились бы гигантские мышцы. Ноги стали бы мощнее, чтобы обеспечить мощный взлетный пробег. Вероятно, кости и мозг стали бы легче, чтобы соответствовать требованиям жизни в воздухе... Но нам был уготован механический, а не эволюционный прорыв в поднебесье.

Поначалу полеты самолетов воспринимались просто как цирковой аттракцион, но уже очень скоро началось бурное развитие авиации под лозунгом «Выше, дальше, быстрее!» Так началась эра авиации!

Создателями первых самолетов были изобретатели-самоучки, которым не были знакомы законы аэродинамики. Самолеты часто разваливались в воздухе и терпели катастрофы.

Один из первых полетов

~ дух Леонардо

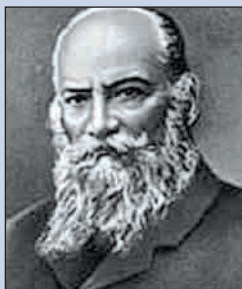
носится к той области мышления, которая находит в рисунке свое идеальное и (почти) законченное выражение. Чертежи машин Леонардо являются не чем иным, как визуальным представлением, материализацией его научных теорий. И теории эти выражались не в форме научных трактатов, а в виде изображений.

Контуры вещей не являются какой-либо частью этих вещей, потому что контур одной вещи строится на другой, поэтому эти контуры ничего не значат.

Леонардо да Винчи

Границ вещей не существует. И все нарисованное – не просто «фотографическое» изображение действительности, эта имитируемая реальность – нечто большее, она принадлежит миру абстракций, поэтому так сложно, практически невозможно, узнать реальную цель проекта...

Николай Егорович ЖУКОВСКИЙ

Русский математик и механик. Он открыл законы аэродинамики, «подсмотрев» за полетом птиц. Именно он сделал расчеты подъемной силы крыльев и создал теорию воздушного винта, проекты которого есть и у Леонардо да Винчи.

При движении поток воздуха обтекает верхнюю и нижнюю поверхность крыльев. Сверху получается разрежение, а снизу – повышенное давление воздуха. Их разность и составляет подъемную силу крыльев, кото-

рая и удерживает самолет в воздухе.

Теперь, когда человек поднялся в воздух, требовалось создать безопасный самолет, способный совершать длительные перелеты с большим количеством пассажиров на борту.

Игорь Иванович СИКОРСКИЙ

Русский авиаконструктор, эмигрировавший в Америку, создатель первого вертолета,

Выше, дальше, быстрее!

Француз Клеман Одера в 1890 г. первым оторвался от земли на «Эоле» – летательном аппарате, названном в честь древнегреческого бога Эола.

Братья-американцы Вильбур и Орвил Райты, изобретательные фабриканты велосипедов, в декабре 1903 г. в Хаук в Северной Каролине в течение 12 секунд преодолели расстояние в 36,6 метра по воздуху на «Флайере».

Бразилец Альберто Сантос-Дюмон 19 октября 1901 г. на аэростате с бензиновым двигателем обогнул Эйфелеву башню.

Воздух, в отличие от воды, сжимается. В воздухе, сжатом механическим крылом машины, человек может летать точно так же, как он плавает по воде. Проблема в том, чтобы махать крылом со скоростью, не допускающей перетекания сжатого воздуха в окружающее пространство. Может ли человек развить достаточную мощность?

Леонардо да Винчи

Машущее крыло (1487 – 1489)

Способен ли человек при помощи достаточно широкого крыла поднять груз весом около 68 килограммов? Результаты этого исследования Леонардо отразил на рисунке.

Когда человек приводит это крыло в действие, концы профиля благодаря дополнительному натяжению, пе-

или вертолета, как его называли прежде.

Если самолет совершает полет за счет подъемной силы, которая действует на его крылья после достижения при разбеге определенной скорости, то у вертолета подъемная сила возникает при вращении несущего винта с вертикальной осью. Поэтому вертолету достаточно маленькой площадки.

Сикорский — создатель самых больших для того времени в мире самолетов «Русский витязь» и «Илья Муромец».

Став одним из самых известных людей в мире, осуществив свою мечту — создав вертолет, Сикорский, хоть и был признанным гением и конструктором военной боевой техники, все же считал, что основное предназначение

созданных им летательных аппаратов — спасение людей. Может поэтому, в отличие от многих братьев по цеху, ему посчастливилось не разбиться, а умереть, как умирают праведники — во сне, со скрещенными на груди руками...

В тот же год умер еще один выдающийся русский авиаконструктор, достойный ученик отца русской авиации, Жуковского, — Туполев.

Андрей Николаевич ТУПОЛЕВ

Свой первый полет он совершил на планере, построенном студентами МВТУ. Двухэтажная коробка с двумя плоскостями, оклеенными полотном. Под ней помещался сам пилот, который рулил собственными ногами. Разгоняли планер два студента. Они на бегу тянули его за веревку тем самым, создавая подъемную силу. Как вторит этот планер проекту Леонардо, созданному еще пять веков назад!

Первый в мире многомоторный самолет «Русский витязь»

~ дух Леонардо

редаваемому через систему блоков, изгибаются сильнее. С целью «захвата» большего количества воздуха Леонардо имитирует изгиб крыла птицы.

Если бы крыло было достаточно прочным, а человек, приводивший его в движение, развивал достаточное усилие, то груз весом в 68 кг был бы поднят.

Летательная машина (1488 – 1489)

Цель этого проекта прежняя – изучение возможностей человеческого тела и проверка технического совершенства летательной машины. Пилот может находиться как в вертикальном, так и в горизонтальном, подобно птице, положении. Леонардо увлечен идеей имитации естественного полета, он даже упоминает коршуна в описании машины и называет свой летательный аппарат птицей.

В начале 1920-х годов стало очевидно, что время деревянной авиации кончается, и начинается век металла.

Первый самолет, созданный Туполевым – АНТ-1 – был смешанной конструкци-

ей с частичным использованием дюралюминия. За ним последовали экспериментальные АНТ-2 и АНТ-3.

Еще в 1926 году началось создание тяжелого бомбардировщика АНТ-6 (ТБ-3). Позже он участвовал в военных действиях в 1939 году на Халхин-Голе, в 1940 – в финской войне, в десантных операциях в Великую Отечественную.

В октябре 1937 года Туполев, как и тысячи ни в чем не повинных советских специалистов, был арестован. В конце

концов, он оказался в Болшево, в «шарашке», официально именуемой ЦКБ-29.

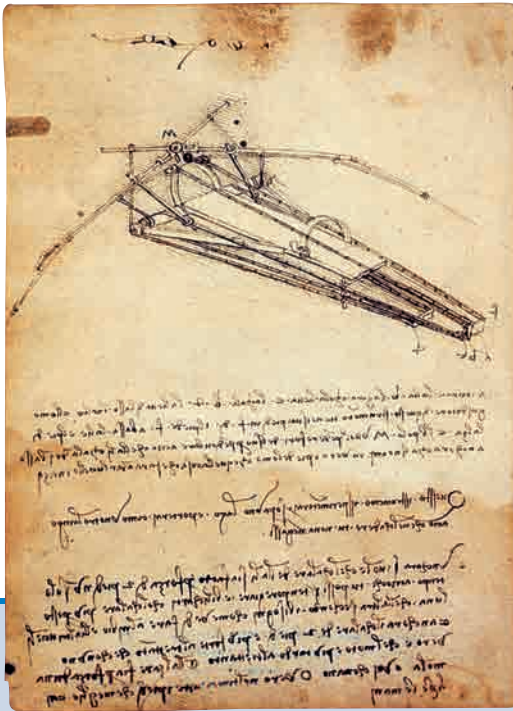
«Через пару дней меня вызвали к начальству, и получил я первое задание – составить список известных мне арестованных специалистов. Всех арестованных до меня я знал, а после?.. Не выйдет ли так, что по моему списку посадят еще бог знает сколько народу? Я решил переписать всех, кого я знаю, а знал-то я всех. Не может же быть, чтобы пересажали всю авиационную промышленность? Оказалось, что, за редким исключением, все они уже за решеткой...»

Андрей Николаевич Туполев

АНТ-20, известный как «Максим Горький» – самый крупный многоместный пассажирский самолет в 1930-40-х

В ЦКБ под руководством Туполева разрабатывали пикирующий бомбардировщик Ту-2. В последние годы войны он пошел в серийное произ-

Все механизмы летательной машины приводятся в движение пилотом, который обеими ногами с силой давит на педали в форме буквы f. Педаль тянет за собой сразу три пары веревок. Узел М выступает вперед таким образом, что когда крылья складываются, они одновременно смещаются к ногам человека.

Механические крылья (1493 – 1495)

Проект механического крыла потрясюще совершен. Он является конечным результатом целого ряда исследований Леонардо в области создания летательного аппарата. Но, как и прежде, Леонардо не оставляет мысль изучения динамического потенциала человеческого тела, хотя имитация полета птиц уже и отошла на второй план.

водство и отлично зарекомендовал себя на фронтах.

Затем были стратегический бомбардировщик Ту-16 с реактивным двигателем и его пассажирский вариант — легендарный Ту-104. Потом — Ту-114, Ту-124, Ту-134, Ту-154 и сверхзвуковой пассажирский самолет Ту-144.

Создание сверхзвукового лайнера было сложной зада-

чей. Скорость распространения звуковой волны в воздухе составляет 330 м/с (1188 км/ч). Самолет, летящий со сверхзвуковой скоростью, должен обгонять создаваемую им самим звуковую волну, то есть лететь со скоростью более 1200 км/ч. Ту-144 со скоростью 2000 км/час положил начало новой эре — эре реактивной

авиации, но это — уже другая история...

Туполев родился годом раньше Сикорского, скончались же оба выдающихся авиаконструктора в один год. С их именами связана целая эра в авиации. Русские по крови, оба мыслью и делом устремлены в небо, и каждый со своим сломом: эмиграция Сикорского, тюрьма Туполева. Но оба остались преданны своему делу, полету мысли и страсти по небесам...

Безнравственна ли наука, и всегда ли благие намерения и мысли об улучшении жизни человечества приводят к разрушению?

Завороженные наблюдения за полетом птиц и романтические устремления в небо, а потом — обстрел и истребление себе подобных с высоты того самого птичьего полета... Совершенство изобретения и несовершенство его использования. Гений и злодейство. Такова ли натура человека?

Четырехмоторный цельнометаллический моноплан АНТ-6 (ТБ-3) — «солдат 1941 года».

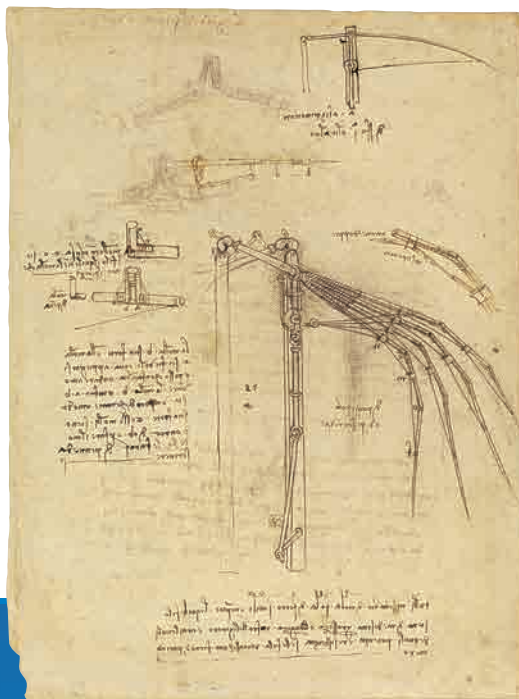
~ дух Леонардо

Это крыло состоит из нескольких подвижно соединенных между собой сегментов, приводимых в движение при помощи веревок.

Леонардо ошибочно полагал, что искусственные крылья летательного аппарата должны совершать машущие движения. И скорость этих движений должна быть такова, чтобы удержать в воздухе человеческое тело. Впрочем, проект механического крыла свидетельствует, что Леонардо практически отказался в своих исследованиях от имитации полета птиц.

Наука показывает, что человек, живя, может только так или иначе разрушаться; а если я мало печалюсь своим разрушением, если я назову прогрессом то, что вы называете разрушением?

Анри Пуанкаре (1854-1912)

Ту-144. С него началась эра пассажирской реактивной авиации.

Под руководством Туполева было сконструировано свыше 100 типов самолетов, 70 из которых строились серийно. На его самолетах установлено 78 мировых рекордов, выполнено 30 выдающихся перелетов.

СВОБОДА ОТ ИЗВЕСТНОГО

ДВОЙНИКИ

*или правление
со стороны*

Истории известны случаи встречи людей со своими двойниками. Случаи появления одного человека в разных веках можно объяснить перевоплощением. Но как объяснить присутствие одного и того же человека в одном времени?

Древние египтяне верили в Ка (астрального двойника) и Ба (душу или дух) и полагали, что эти сущности могут покидать тело в любой момент. Именно Ка наделяли чертами, свойственными человеку, которому эта сущность принадлежала. Однако считалось, что сущность эта обладает своего рода самостоятельностью и самоценностью. Наверное, именно поэтому непредвиденная встреча с собственным астральным двойником часто приводит людей в серьезное замешательство. А еще всерьез поднимает вопрос о том, сулит ли это человеку хорошее? Почему они являются к людям? Вывод неутешителен: в подавляющем большинстве астральные двойники являются людям как предзнаменование смерти...

Широко известен случай, когда со своим двойником встретила Российская императрица Анна Иоанновна. Государыня удалилась вечером в свою спальню, во дворце уже все стихло. Но через некоторое время офицер, стоявший на карауле, увидел императрицу в тронной зале. Она ходила по комнате, задумчиво склонив голову и заложив руки за спину, не обращая ни на кого внимания.

Поведение государыни удивило часового, и он отправился к покоям императрицы, где, со слов Бирона, узнал, что Анна Иоанновна давно ушла к себе. Рассказ офицера заинтриговал Бирона, и он вместе с императрицей отправился в тронную залу. Увидев женщину, поразительно похожую на нее, государыня пошла к ней, спрашивая: «Кто ты? Зачем ты пришла?» Та, не отвечая ни слова и не сводя с императрицы глаз, стала пятиться, отступая к трону. Уже на ступенях, бросив на государыню последний взгляд, таинственная гостья исчезла. Анна Иоанновна обернулась к Бирону и произнесла: «Это – моя смерть!»

Через три дня императрица скончалась.

Похожий случай произошел и с другой русской императрицей — Екатериной Великой. Фрейлины Екатерины, дежурившие у спальни, увидели, как она со свечой в руке вышла из комнаты и направилась в тронную залу. Такая поздняя прогулка немного удивила подданных, но каково было их изумление, когда через некоторое время они услышали из спальни государыни звонок, которым та подзывала слуг! Войдя в спальню, фрейлины увидели Екатерину, лежащую в кровати. Выслушав необычный рассказ, императрица отправилась в сопровождении

слуг в тронный зал. Комната оказалась освещена странным зеленоватым светом, а на троне сидела другая Екатерина! Настоящая императрица, увидев призрак, вскрикнула и упала без чувств. Спустя два дня она умерла.

5 мая 1821 года на пороге дома матери Наполеона появился человек, закутанный в широкий плащ и в шляпе, скрывающей лицо. Привратник провел незнакомца, утверждавшего, что он принес с острова Святой Елены вести от Наполеона Бонапарта, в покои к своей госпоже. Когда слуга ушел, человек распахнул плащ и скинул шляпу: перед женщиной стоял сам Наполеон! Мать громко вскрикнула от радости: ей представилось, что сын бежал с Эльбы и ищет у нее временного убежища. Но ее тут же объял ужас: от сына веяло ледяным холодом, а в ответ на ее приветствие он медленно произнес: «Мая пятого, восемьсот и двадцать один!». Женщина остолбенела, а незнакомец развернулся и вышел. Придя в себя, мать бросилась вниз, где сидел слуга. Но на расспросы о том, где господин, только что вышедший из ее покоев, испуганный слуга твердил, что мимо никто не проходил... Через два месяца мать узнала, что ее сын Наполеон Бонапарт 5 мая 1821 года скончался после тяжелой болезни.

Немецкий поэт Шелли, когда жил в Италии на берегу Средиземного моря, однажды увидел самого себя. Двойник поэта появился на террасе, направился к морю и исчез. Через неделю во время прогулки Шелли по морю его лодка перевернулась, и поэт утонул.

Еще одно из самых достоверных свидетельств появления допдельгангера – двойник Ленина.

Загадочный визит умирающего вождя в Кремль в ноябре 1923 года наблюдали десятки людей, большинство из которых были атеистами. Двойник слишком явно появился ниоткуда и исчез в никуда.

Встречи с двойниками, конечно, не всегда заканчиваются так трагично. Появление допдгелгангеров можно объяснить проекцией прошлых воспоминаний. Но в некоторых случаях двойники являются из будущего.

Так известна чрезвычайно загадочная встреча Гете со своим двойником. Поэт ехал в гости к своему другу и вдруг увидел всадника, скакавшего ему навстречу. Приблизившись, он с изумлением понял, что видит себя! Только призрак был одет в нарядный камзол, какого у самого Гете не было. Через несколько лет, проезжая по той же дороге, поэт вспомнил об этом случае и с удивлением заметил, что одет он точно так, как некогда призрак...

Есть мнение, что двойников, как правило, видят люди, обладающие даром ясновидения. Подтверждение и опровержение этого – в рассуждениях одной из самых загадочных и неординарных личностей XIX века, основателя мистико-философского учения, Елены Петровны Блаватской.

Опираясь на оккультную философию, можно утверждать, что существует три типа «двойников», если употреблять это слово в самом широком смысле.

Первый тип двойника – это своего рода тень, вокруг которой образуется физическое тело зародыша – бу душего человека. Астральное и физическое сосуществуют еще до того, разум созревает для деятельности еще до того, как пробуждается атма. Пробуждение атмы происходит, когда ребенок достигает семилетнего возраста и приобретает ответственность, связанную с его сознающей и

чувствующей сущностью. Этот двойник рождается вместе с телом и умирает вместе с ним, он никогда в течение жизни не может далеко отойти от тела, разве во время полетов во сне или переживая смерть физического тела (иногда при определенных атмосферных условиях возле м огилы м ожно в идеть светящуюся фигуру умершего человека). Этот тип двойника у нас принято называть л инга шарира, но я именую его Протееподобным или пластическим телом, так как он может принимать любые формы. Отсюда – истории об оборотнях и

«кабинетных м едиумах», с способных создавать энергетические копии человека. Протееподобное тело не создается, оно растет вместе с человеком и существует в ру диментарных состояниях еще до рождения ребенка.

Второй тип двойника – это тело мысли, или иллюзорное тело, известное среди оккультистов как майявирупа. При жизни этот образ является проводником мысли, а также животных желаний и страстей. И именно тело мысли после смерти полностью сливается с причинным телом, поглощая все,

Но наиболее всего интересен случай, произошедший с русским поэтом П.А. Вяземским. Вечером поэт вошел к себе в кабинет и увидел сидящего за столом человека, который что-то писал. Сначала князь подумал, что этот человек просто ему знаком, но через мгновение понял, что за столом сидит он сам! Двойник протянул Вяземскому записку и в следующий миг исчез. Князь прочел записку и побледнел. Содержание ее он так никому и не открыл. Этот случай интересен тем, что фантом оставил реальный след своего присутствия.

Чем объяснить такие странные встречи? Может быть, фантомы, призраки и двойники позволяют человеку заглянуть за грань реального — в невероятное, потустороннее? Ведь существует мнение, что, пребывая в другом временном измерении, астральное тело человека способно предвидеть события, которым суждено произойти в будущем...

Мария Александрова

что она собрала в течение жизни благодаря своему ненасытному желанию жить.

Третий тип двойника — это причинное тело, или кармическое тело, способное к реинкарнации, это именно та причина, которая вызывает повторные рождения.

Христианская и другие троицы — «три Бога», не потому ли и три двойника человека.

Самая простая форма проявления второго типа двойника — появление призрака перед смертью человека. Как проявление майявирупы этот двойник создан мыслью умирающего человека, но она (мысль) бессознательна в том отношении, что умирающий, в общем, не делает это целенаправленно. Но мысль объективируется.

Двойник представляет собой ничто иное, как точное воспроизведение физического облика человека, похожее на отражение в зеркале, то есть все то, что человек делает, хотя бы мысленно, повторяется его двойником. Вот почему призраков в таких случаях часто видят в той одежде, в которую было одето и физическое тело человека. Двойник не может действовать до тех пор, пока в мозгу человека, к которому принадлежит двойник, не возникнет команда к его действию.

Но почему же это не происходит повсеместно, если механизм воплощения так уж прост? Это связано с тем, что пластическая сила воображения у некоторых людей намного сильнее, чем у прочих. Есть люди, кото-

рые никогда не используют высшие способности своего разума, а те, кто использует, составляют меньшинство и находятся вне, если не выше, по отношению к среднему человеку. Но, безусловно, привычка думать, используя высший разум, может быть развита.

Наука установила тот факт, что мысль — это энергия. Эта энергия своим действием нарушает расположение атомов астральной атмосферы, окружающей нас. Каждая мысль, получившая энергию от мозга, создает *nolens volens* (волей-неволей) некую форму.

И потому мы должны быть более осторожными по отношению к собственным мыслям.

Подготовила Надежда Болгова

УСТРОЙСТВО
ПРИШЕЛЬЦЕВ
ИЗЛУЧАЮЩИЕ СВЕТ

Страхи бесстрашных

Рубрику ведут
Нина Чугунова
и Евгений Сидоров

У каждого взрослого есть подобные воспоминания. Все мы чего-то боялись в детстве. Да и сейчас боимся. Вряд ли встретишь человека, который ничего не боится. Меняется лишь содержание страхов. Так почему взрослые зачастую не верят ребенку или считают глупостями их рассказы о невиданном, которые так его пугают?

Страх — обязательная составляющая инстинкта самосохранения. Чувство страха выработалось в процессе эволюции. Чтобы выжить, животные должны были избегать многих опасностей. Так и человеческий детеныш, родившись, видит незнакомый мир Вселенной. Он только начинает его открывать, но в нем уже заложены определенные инстинкты самосохранения. В документальном фильме «Безмолвный крик» во время искусственного прерывания беременности американский врач акушер-гинеколог Бернард Натансон зафиксировал движения и эмоции плода: «...вакуум-кюретка нащупывает ребенка, и вновь он широко раскрывает рот в безмолвном крике. Сейчас его сердце бьется быстрее. Он чувствует угрозу своей безопасности, отодвигается в сторону, в левую часть матки, в возбуждающей сострадание попытке спрятаться от безжалостного инструмента... ребенок, несомненно, ощущает смертельную опасность...»

Страхи присущи всем детям, и тут главная роль принадлежит взрослым, которые должны формировать положительное отношение малыша к окружающему миру. Взрослые должны открывать мир заново, вместе с ребенком. Шаг за шагом, доступно объяснять все непонятное. Ни в коем случае не пугать ребенка: не бери — обожжешься, не беги — упадешь, не ешь быстро — подавишься. Все это откладывается в чуткой психике ребенка. Впоследствии даст о себе знать. Более того, говоря такие слова, взрослые заранее программируют эту ситуацию. Скорее всего, именно так и произойдет, именно благодаря этому запрограммированию, а вовсе не послушанию ребенка. Однако взрослый вряд ли это осознает, а ребенок уже будет напуган.

Дети часто боятся сделать что-то не так. Сами не знают, что именно, но боятся. Потому что их страшит наказание. Как-то в школе 9-летняя девочка, во время игр на перемене, случайно толкнула другую девочку. Та сильно ударилась и расшибла бровь, полилась кровь, вызвали врача. Но учителя успокаивали больше не пострадавшего ребенка, а ту девочку, которая ее толкнула. Она рыдала навзрыд, повторяя «если мама узнает, она меня убьет». Страх ребенка перед наказанием был настолько велик, что ее никто не мог успокоить.

Многие страхи детей — физиологические, присущи большинству, вне зависимости от влияния окружаю-

*Как страшно
засыпать в темной комнате.
Как страшно
смотреть вниз с 10 этажа.
Как страшно, когда
мама и папа ссорятся.
Как страшно
остаться одному.
Как страшно...*

...Наверное, когда у мамы не оставалось никаких доводов, чтобы я вела себя хорошо и была послушной, она доставала с антресоли большой желтый чемодан и начинала складывать туда мои вещи. Говорила, чтобы я тоже собиралась, потому что сейчас отведет меня в интернат и там оставит! Где без родителей живут такие же непослушные дети-хулиганы. Я это воспринимала всерьез, для меня это было страшное наказание. Я говорила: «Все! Я буду себя хорошо вести, буду слушаться! Только не в интернат!» И рыдала.

...Однажды представила себе, что будет, когда закончится наша жизнь и не станет ни меня, ни мамы, ни папы, ни моих друзей, и что никто и никогда не увидит больше друг с другом, и что наша жизнь никогда больше не повторится, а вокруг будет темнота и пустота, как в космосе. Думать об этом было страшно, до слез. Больше всего страшило слово «никогда».

Олеся, 26 лет

ПРАКТИКУМ

ИЗБАВИТЬСЯ ОТ СТРАХА

Страх – эмоция продуктивная, нормально развивающийся ребенок должен «уметь бояться». Но нельзя забывать о том, что существование очень тонкая грань, за которой «нормальный» страх может превратиться в настоящую фобию. Как этого избежать и как помочь ребенку справиться со страхами?

◆ Учитесь слушать

Часто родители ошибочно считают, что если не обращать внимания на страхи детей, то ребенок сам перестанет бояться. Это – не так. Очень важно, чтобы родители относились к переживаниям ребенка серьезно, ведь малыш полностью зависит от тех, кто его воспитывает. Рассказывая маме или папе о том, что его напугало, ребенок тем самым освобождается от негативных эмоций, а значит, учится преодолевать свой страх.

◆ Забудьте про Бармалеев

«Будешь плохо себя вести, позову Бабу-Ягу!» (Каша Бессмертного, Лешего, Бармалея – далее по тексту) – подобную фразу можно услышать практически в каждой семье. А меж-

щих. Это объясняется общими закономерностями развития. В дошкольном возрасте, как правило, это – страх разлуки с мамой, перед животными, в возрасте 6–8 лет – страх смерти. В это же время наблюдается максимум детских страхов.

Наверное, редко встретишь ребенка, который не боялся бы темноты. Сейчас-то взрослые знают, что ничего страшного в этом нет. Но ребенок ведь действительно чувствует опасность перед неизвестным, каким ему представляется сон. Он делает все, чтобы оттянуть это время. И чем дольше он это делает, тем страшнее ему оставаться один на один с опасностью. В этой ситуации, изводятся все: и малыш и родители. В этом случае хочется посоветовать замечательную историю про Энни, написанную Дорис Бретт в книге «Жила-была девочка, похожая на тебя...» Энни – выдуманный персонаж, но характер, поступки и поведение – такие же, как у ребенка, которому рассказывается сказка. Ребенок, слушая, понимает, что эта Энни – такая же, как и он, у нее – те же проблемы. В сказке Энни преодолевает все трудности, тем самым ребенку предоставляется вариант, путь, как все исправить, как не бояться.

В истории про боязнь темноты Энни делала все, чтобы отодвинуть время сна: просила еды, посмотреть передачу, позвонить подружке, стаканчик водички. Но, когда мама выключала свет, она забиралась под одеяло, где ее никто не мог увидеть. Но вот беда: под одеялом слишком жарко. А если высунешься, то ее могут увидеть. Но ей пришлось – не задыхаться же? И тут она увидела чудовище и закричала. На крик прибежала мама. Она успокоила дочку и принесла ей специальный противомонстровый фонарик, открыв тайну, что чудовища боятся света. В эту ночь она спокойно заснула с фонариком под подушкой. На следующую ночь чудовище явилось снова. Энни мгновенно включила волшебный фонарик, на что монстр сразу отпрянул и жалобно запищал: «Не надо! Только не этот противомонстровый фонарь! Ведь это ты должна меня бояться, а не я тебя!» Энни с удивлением увидела, как чудовище плачет. Ей стало его жалко, она начала его успокаивать и решила ему помочь, уговаривая не делать больше зла. В итоге, Энни посадила монстра рядом, на подушку, и они долго беседовали.

Так Энни и чудовище поменялись ролями, так девочка стала хозяйкой положения, а монстр был покорен. Ведь чем более жалким выглядит чудовище, тем более сильным и уверенным себя чувствует ребенок.

Таких историй можно придумать много. Но что делать, если ребенок действительно видит злых существ. Да, действительно видит! Дети способны видеть то, чего

Представляем небольшую беседу с Ириной Кулешевой – педагогическим психологом, научным консультантом документального фильма «Дети Света», докладчиком на общественно-научной конференции «Дети Нового Сознания», участником «круглого стола» «Дети Индиго: миф или реальность» Общественной палаты РФ.

– Видеть то, что не видят окружающие – это способность только детей Индиго?

– Практически каждый ребенок может видеть. Просто у Индиго это качество развито сильно, а минимально овладеть способностью к видению ауры может любой, и без особых усилий.

– Как помочь ребенку не бояться этого?

– Они боятся не того, что имеют способность видеть, а того, что к ним (особенно маленьким) часто приходят астральные гости, которые пугают. Они ведь ни от кого не слышат, как с этим бороться и что делать. Неизвестность их пугает. И, если взрослый все-таки объясняет ребенку, что это и как от него избавиться, то дети успокаиваются и далее решают ситуацию сами.

– И наоборот, как развить эти способности?

– Специально развивать не стоит. Их стоит корректировать и смотреть, как облегчить жизнь человека, у которого уже есть способности. Там много нюансов, которые усложняют им жизнь.

– Ребенок может видеть, помимо ангелов и домовых, злых чудовищ. Ему страшно одному, а родители не верят. Как донести до взрослых мысль не считать своего ребенка странным?

– Донести до родителей порой очень сложно. Родители разные бывают. Если те не без способностей, то детям легче – они могут говорить на одном языке и быть понятыми. Обычно же, для родителей все, что они не могут понять и принять – странно.

– Что чувствуют дети, когда их обманывают и запугивают несуществующими существами, типа «ба ба-Яга забрет»...?

– Дети Индиго не выносят лжи. Они просто разочаровываются во взрослом, если видят и слышат от него ложь, даже такую. Для них это – противоестественно. Запугать их нельзя, а вот насилием можно сильно оскорбить, даже малыша.

Верьте детям, внимательно их слушайте, даже если вам кажется рассказ ребенка абсурдным, нереальным. Все равно постарайтесь его понять. Для ребенка вы – самое родное. Если он не увидит отклика в вашем сердце и понимания, он не будет вам больше ничего рассказывать о своих страхах. Он замкнется.

ду тем, ребенка нельзя «запугивать». Малыш верит любой фразе старших, и если его обманут, перестанет доверять. А если испуг как-то подтвердился, страх станет частью реального мира малыша и будет постоянно преследовать его.

◆ Не мешайте учиться

Дети способны обучаться страху друг у друга. Парадоксально, но это – плюс. Играя в страхи, ребенок учится преодолевать их. Поэтому не стоит поднимать панику, если вы услышите, что дети, например, рассказывают друг другу страшные истории: тем самым они приобретают опыт преодоления собственных страхов.

◆ Защищайте игрой

Придумайте игру, которая сможет помочь малышу преодолеть какой-либо конкретный страх. Например, если ребенок боится засыпать в темноте, купите ему веселый ночник с изображением сказочного персонажа. Объясните малышу, что его новый друг будет оберегать его от злых монстров. Когда ребенок привыкнет к бесстрашному другу, попробуйте отключать ночник, мотивируя это тем, что герою нужно отдохнуть. Через некоторое время потребность спать при свете у ребенка просто исчезнет.

◆ Дайте возможность самовыражаться

Чаще всего страхи возникают у детей с развитым воображением. Именно богатая фантазия порождает всякие «страсти». Лучший способ в этом случае – помочь ребенку научиться чем-то себя занимать, познать его с разными играми: малышу будет некогда (да и незачем) будет придумывать всякие ужасы.

Мария Жукова

Когда я был маленьким (мне было 3 года), я научился читать и был очень любознательным. Я не мог объяснить это логически, взрослым языком, но я просто понимал, даже лучше сказать, как-будто знал. Я не ходил в ясли и детский сад, поэтому общался и воспитывался родителями. Было немного друзей, но мир я познавал, в основном, через книги. По ходу взросления меня все больше и больше пугало окружающее. Я стал что-то видеть. Я видел тьму, я видел сумрак. Отчетливо это различал. Как? Не знаю. Примерно с четырех лет у меня возникло чувство, что мои родители — не мои родители. То есть я понимал, что они — мои родные, я на них похож и все такое, но... Я — откуда-то не отсюда. Все мне здесь чужое, далекое. По своей детской простоте, я все время говорил об этом родителям. Они просто улыбались.

Потом начались сны. Я видел это. Не знаю, как назвать: зло, тьму, дьявола. Не знаю. Просто ЭТО.

Дальше я понял. Что я попал сюда с другой планеты, другой галактики и стал искать любую возможность связаться со «своими». Сначала сильной мысли — не помогало, слишком слабая. Письмо — куда? Ночные кошмары сводили меня с ума.

У меня есть тетя, с маминой стороны. Она — какая-то страшная. Я не видел в ней ни зла, ни света. Ничего. Поэтому она страшная.

Как-то тетя к нам приехала. Мама попросила все ей рассказать. Я рассказал. Она внимательно выслушала, задала очень конкретные вопросы, чему я даже удивился. И говорит: «Это — зло. Тьма. Не дай ей завладеть тобой. Борись». И я не дал ей завладеть собой. Это случилось как-то сразу. Тьма пропала, стало очень хорошо.

Сергей, 24 года

не видят другие. А тонкая грань между фантазией и искренностью ребенка должна быть отчетливой линией для родных ребенка. Нельзя смеяться над такими страхами, нельзя считать их глупостями и тем более бежать к психиатру, считая своего ребенка «не таким, как все». Дети нового поколения, дети Индиго, способны видеть больше того, что доступно обычному глазу человека.

В современном мире, где террористические угрозы и атаки, сведения о гибели людей во время войн — не редкость, необходимо думать о восприятии этой информации детьми. Дети могут бояться начала боевых действий где-то совсем близко, бояться потерять кого-то из близких. Если дети слышат подобную информацию отрывочно, то их воображение может дорисовать такое... выйти за пределы разумного. Ведь военные действия — это нечто, над чем большинство взрослых не властны. Эти чувства испытывают большинство людей, как правило, сразу после террористических актов. Дети также впитывают эти эмоции. Они чувствуют себя в опасности.

В США создано много организаций, в составе которых — детские психологи, помогающие детям и взрослым пережить страхи перед войной, потери близкого. Они советуют:

- Крайне важно в таких ситуациях, обсуждать с детьми все волнующие их темы. Маленьким детям сказать о своей к ним любви и о том, что вы их охраняете, зачастую бывает достаточно. С детьми постарше можно обсудить такие особенности, как усиление мер безопасности в общественно значимых зданиях, в аэропортах.

- Ограничить воздействие средств массовой информации на ребенка, разграничить персонажей в фильмах и мультяхах о добре и зле и жизненные реалии.

- Объяснить ребенку, что война где-то очень далеко лишь немногие люди на Земле — террористы, и они живут вдалеке.

- Не отрицать серьезности ситуации, этим можно очень обидеть ребенка.

Всех детских страхов не перечислить, так же, как и не объяснить механизм их дальнейшего развития. Да это и не нужно делать. Классификацию, причины, многочисленные средства терапии — все это можно найти в учебниках по детской психологии, в энциклопедиях. А можно и не искать. Можно просто дружить со своим ребенком. Слушать и слышать его. Помочь почувствовать ребенку безопасность, в то время, когда мир представляется более опасным местом, чем нахождение вблизи вас, чем ваш дом, не ущемляя при этом прав и не запугивая ребенка. Всегда быть с ним честным. Всегда.

Татьяна Аванесова

~ излучающие свет

1. Что почитать ?

Все уже давно написано. И я избирательно, лично отношусь к книжным новинкам: а смогу ли это я читать?

Есть люди, которые, услышав словосочетание «классическая литература», сразу же впадают в состояние транса. Я же люблю

перечитывать классиков. Недавно в новь перечитала рассказы Михаила Афанасьевича Булгакова и Антона Павловича Чехова. Читала рассказы Чехова и хохотала безудержно! Вот два классика. И они такие разные. Рассказы Булгакова не похожи на его романы, и у Чехова – пьесы и рассказы – не

одно и то же! Признаюсь, пьесы Чехова не люблю, вернее, не понимаю, а вот рассказы обожаю. Нет ничего лучше! Тонкое, на редкость удивительное чувство юмора. Какой взгляд со стороны, какая потрясающая самоирония, которая, как мне кажется, должна быть присуща каждому человеку.

2. Что посмотреть ?

Большое впечатление произвел на меня наш отечественный фильм «Остров». Воспринимается даже не как художественная

картина, а словно визуализация твоих собственных ощущений, понимание того, что это есть в жизни. Петр Мамонов меня просто потряс. Он – вели-

колепен! Это – одна из лучших и интереснейших его актерских работ. А вот голливудский фильм «Вавилон» с Брэдом Питтом мне не понравился...

Три вопроса Яне Поплавской

3. О чем подумать ?

О душе... О своей душе... и о других, кто рядом с тобой, кто нуждается в твоей помощи. Сейчас занимаюсь тем, чтобы больным детям дали возможность произвести трансплантацию почки. Эти дети очень ценят жизнь. Разговаривала с девочкой Вероникой, она живет без почек на диализе,

учится в МГУ и с надеждой ждет операции по пересадке. Вероника говорит, что у тром открывает глаза с мыслью: «Как прекрасна жизнь! Как я хочу жить!», и признается, что мечтает почувствовать, что значит влюбиться... Эти дети – они совсем другие... И они так нуждаются в нашей помощи. Давайте не забывать о том, что

рядом с тобой может быть человек, которого именно ты сумеешь спасти – своей любовью, нежностью, заботой, просто ласковым словом, и стараться делать все возможное для этого. Потому что на свете нет ничего выше и дороже человеческой жизни, особенно, если это – ребенок...

Записала Елена Феофанова.

ВЕЧЕРНЕЕ ЧТЕНИЕ

КОНКУРС «СМЕНЫ»

Павел Писаренко,
37 лет, экономист, г. Москва

Как мы ставили Гоголя, и что из этого получилось

Однажды в нашей замечательной школе решили поставить спектакль Н.В. Гоголя «Ревизор». Надо заметить, что давным-давно господин Гоголь, сам того не подозревая, заложил своими творениями самые крепкие и незыблемые основы для того, что сейчас называется южным юмором. Лучше и плодотворнее всех гоголевскими заготовочками воспользовались предприимчивые и хитроватые жители фееричного в своей непредсказуемости и атмосфере города на берегу Черного моря. Уверяю вас, когда говорят про знаменитый одесский юмор, сами одесситы в этот момент чувствуют себя в очередной раз жителями непризнанной столицы мира и скромно (если понятие скромность вообще можно применить к гражданам Одессы) соглашались с такой оценкой их нелегкого интеллектуального труда.

Так вот, у нас решили поставить «Ревизора». Все бы ничего, но наша школа была настолько уникальной, что фраза «спектакль силами учеников» казалась большим издевательством над репутацией, десятилетиями усиленно формировавшейся всеми поколениями выпускников школы № 17, в которой я имел счастье учиться.

Тут необходимо одно небольшое отступление. В то замечательное советское время, когда все школы района и города боролись за повышение успеваемости и переходящие красные знамена по этому поводу, наша школа боролась только за себя и свой авторитет. В то время, когда качество учительского состава в ГОРОНО (городской отдел народного образования, кто забыл) определялось количеством медалистов и средним баллом аттестата зрелости, наши учителя боролись с нами за то, чтобы просто выпустить нас ко всем чертям в светлую жизнь. Поэтому из нашей школы ровным потоком выходили мудрые дети, которые распределялись во взрослой жизни по трем основным направлениям, а именно: ответственные работники советской торговли, офицеры Советской армии и морского флота и постояльцы за казенный счет мест не столь отдаленных. На общем фоне, когда остальные школьные сообщества вольного города плодотворно производили замечательных врачей, ученых, а также деятелей искусств в лице многочисленных скрипачей и пианистов, известных не только в ближайших ресторанах области и Кишинева, но в филармониях аж до самой Москвы и Нью-Йорка, мы уверенно захватывали легальные и, в основном, не очень рынки сбыта продукции Одессы, Николаева, и, прости Господи, Херсона. Славные работники торговых баз, магазинов и ресторанов, еще не попавшиеся на злостных хищениях в особо крупных размерах, рассредоточившись по всему городу, обеспечивали всем своим бывшим одноклассникам и учителям свободный доступ к дефицитным в то время продуктам питания и сапогам, парфюмерии и мебельным стенкам. Молодые офицеры Советской армии и военно-морского флота, в потрясающей парадной форме и со сверкающими кортиками набекрень, гордо выгуливали под ручку под платанами и каштанами Приморского бульвара своих бывших мучителей по химии, математике, физике и украинскому языку, уверяя падких на похвалы тетушек, что только благодаря их придиркам и издевательствам в школьные года, они (офицеры) стали достойными представителями самой мощной в мире оборонной системы, и в принципе знают-таки, где же находится та самая кнопка, после нажатия которой про Америку можно только смотреть ихние же фильмы с плохим подполь-

ным переводом. Тетушки млели и согласно поддакивали про великую роль партии и правительства в деле воспитания молодежи.

Не были оригинальны в своих действиях те, кто возвращался, и, как правило, ненадолго, из северных районов нашей тогда еще совсем необъятной Родины. Они молчаливо и угрюмо устанавливали известного рода контроль над всеми рынками, магазинами, базами, ресторанами, портом, и просто над всеми в районе и городе, не считаясь при этом ни с методами этой установки, ни с количеством потерь в живой силе, понесенными неправильными и непонятливыми противниками. Главное, что во всех нужных местах к тому времени работали те же самые выпускники школы № 17, а значит, практически родственники.

В общем, когда ты в приличном обществе говорил, что учишься в семнадцатой, все на всякий случай отодвигались подальше, и тебе доставался самый аппетитный кусок торта с розочкой наверху и самая симпатичная и раскрепощенная девушка из тех, что были приглашены в тот вечер на мероприятие.

Уникальная была у нас школа. Учителя не мешали нам быть свободными, не читали моралей, изредка устраивали террор на предмет обнаружить у нас каких-нибудь знаний, а мы с благодарностью платили им натурой из-под полы в память о понимании естественных потребностей растущего организма и безопасными прогулками с вдыханием морского воздуха на улицах любимого города в любое время суток. В ГОРОНО давно махнули на нас рукой, ничего не требовали от преподавательского состава, успеваемость подтянуть не просили, обструкций директору не устраивали и выгнать из профессии не грозили. Напротив, нас даже было за что хвалить — по спорту мы были лучшей школой города. В футбол, волейбол и баскетбол обыгрывали всех, а что еще нужно для счастливого детства? Когда можно в тесном кругу сверстников сказать, что ты чемпион города для футбола — то это очень сильно, ну, а если сила есть, то, как говорится, кой-чего уже не очень нужно. Верно? Или?

И вот у нас ставят Гоголя. Ну, и в честь чего? За что нам такое наказание? Тем более «Ревизора» при нашей-то выпускной направленности.

Сейчас с ужасом думаю, что случилось бы с нашей постановкой, замахнись мы на все несленное произведение классика. Но наша преподаватель русского языка была женщиной умной и сообразительной. Насколько она любила свой предмет, и Гоголя в том числе, настолько подозревала нас, своих учеников, в том, что у нас с любовью к литературе гораздо хуже. Наталья Николаевна Вербова была потомком рязанских учителей словесности, бежавших от голода средней полосы России в наш славный многонациональный дендрарий. Всю свою жизнь на юге Наталья Николаевна потратила на органичное и мучительное сочетание генетически заложенной в ней классически правильной русской речи и реальностью жизни города Одессы, где ее с такой безупречной речью, конечно, поняли бы, но не приняли бы за свою. А это, что уж тут мелочиться, две большие разницы. Надо сказать, что компромисс ею был найден — и она, и мы, ее ученики, писали на русском языке очень хорошо, временами даже отлично, а вот в общении «шокали», «х-г экали» и «тюкали». Я уж молчу, с какой интонацией произносились священные тексты Пушкина, Тургенева, Толстого и т.д. на вроде русском языке. Услышь нас эти и другие классики, они бы плакали от радости за знание их произведений и от ужаса, что с этими произведениями вытворяют. Но ведь все всем было понятно и просто. Если, например, Наталья Николаевна говорила «Хохоль» (он же Гоголь), то сразу было понятно, где этот человек родился, и что от него можно ожидать. Если произносила Хорький (он же М. Горький), то имя классика пролетарской литературы тут же навевало скорбную мысль о сходстве с известным грызуном, самозабвенно тырящим из колхозных амбаров выращенный трудолюбивыми крестьянами урожай зерновых. Очень все удобно и, я бы даже сказал, политкорректно.

В общем, одним относительно прекрасным днем после уроков Наталья Николаевна попросила остаться нескольких учеников нашего 10 «Б» для, как она заверила, «крайне важного для всей школы дела чести» и зачитала с десятков фамилий. За честь школы мы готовы были отдать ее полностью и безропотно расселись за парты.

— Ребята! Мне кое в чем удалось убедить нашего директора и она дала добро на важное дело, — доверительно начала Наталья Николаевна.

— Директрису, вы убедили нашу директрису, — встрял мой друг и сосед по подъезду Гарик Ройтман, безумно кучерявый юноша, безумно шифровавшийся от одноклассников (чтобы не побили) за тайные посещения учителя скрипки в угоду традициям своей семьи и стонам его бабушки Бэллы.

— По-русски правильно директор, хотя по сути она, конечно, директриса, — машинально поправила его Наталья Николаевна.

— Тогда «директорша», она же — женщина, женского рода, как вы нас учили, — не унимался Ройтман.

— Нет, тогда лучше «директриса», так вообще никакого рода не надо, — подвела итог дискуссии Вербова. — Короче, дети! Наш директор разрешила нам поставить в школе спектакль по пьесе Гоголя «Ревизор», которого мы проходили в прошлой четверти. Все роли исполняем сами, то есть вы их исполняете. Можно сказать, совсем сами!

Мы помолчали. Ну, ладно, если за честь школы нужно было помахать кулаками. Нет вопросов — наша практика в этом деле была весьма обширной, чуть ли не ежедневной. Ну, допустим, поиграть в футбол — так мы и здесь были молодцами. Но чтобы изображать из себя актеров. Ни в жисть!

— Это, видно, все Ицкович придумала, — пробасил мой товарищ и одноклассник Сережа Терещенко, двухметровый, добродушный парень с комплекцией раннего Шварценеггера. Собственно, Сергей и тренировался каждый день, чтобы потом после школы уйти в десантное военное училище.

Ицкович Лидия Абрамовна, крупная женщина с большими тумбовидными ногами, была нашей новой директрисой. Ранее она работала в очень престижной школе в соседнем районе завучем, но, очевидно, уже пересаживала свой пост. Поскольку новых назначений по городу не предвиделось, а человека нужно было двигать дальше, тут как нельзя кстати подвернулся уход на пенсию нашего прежнего безобидного старичка-директора, которого с громкой музыкой и пышными букетами цветов сначала проводили на заслуженный отдых, а через полтора месяца, не снижая темпа, тоже с громкими музыкальными всхлипами и не менее пышными венками отправили на вечный покой на кладбище.

Короче, Лидия Абрамовна пришла к нам. Она не боялась репутации нашей школы и попыталась взяться за ее переустройство. Проходя с учительским составом мимо стенда наглядной агитации, на котором в августе висела стенгазета еще с поздравлениями к 23 февраля, она ткнула в него указкой и строго спросила:

— Это что за новый год наоборот? Тут должен висеть стенд с фотографиями лучших выпускников школы!

Педсовет задумался. В те времена работников торговли и распорядителей дефицитом еще не принято было так открыто позиционировать как достойных представителей общества, так что, они отпадали сразу же. Другая крайность в виде непослушных, скажем так, наших выпускников уже всюду была разрекламирована под брендом «Их разыскивает милиция» и многочисленные напоминания с ужасными фотографиями висели на всех столбах города. Понятно, что дополнительно вывешивать эту категорию граждан в школе было бы неправильно, не все бы поняли. Оставались только офицеры вооруженных сил, тут все было в норме. Выбери, кого хочешь! Поэтому стенд с портретами мальчиков в военной форме появился во всей красе.

Со временем, правда, пыл Ицкович поутих, и она с головой погрузилась в новую работу, отложив на неопределенный срок свою реформаторскую деятельность.

— Ребята, это же не важно, чья идея. Мы просто сыграем с вами две сцены из «Ревизора». Порадуйте своих родителей! Вам же облагораживаться следует. — Наталья Николаевна не стала дожидаться нашей реакции на свои слова и достала листик с фамилиями учеников.

Итак, выяснилось, что мы будем играть только дачу взятку Хлестакову жителями уездного города и обольщение Хлестаковым жены и дочери городничего. Вербова называла фамилии одноклассников, и соответственно, их персонажей. Из тех, кто стал впоследствии соучастником невероятных событий, были следующие действующие лица — на роль городничего определили Серегу Терещенко, его жену Анну Андреевну доверили школьной пионервожатой Лизе (хоть она и не была из нашего класса), дочь городничего Марью Антоновну должна была изображать наша отличница Мила Финогенова, Бобчинского — подпольный скрипач Гарик Ройтман, Добчинского (совершенно неожиданно) — наш настоящий цыган Януш Коралов, почтмейстер Шпекин достался комсоргу школы Вадику Тютюнику, а к Хлестакову приговорили меня, Мишу Максименко. Я, собственно, и есть тот, кто вам и рассказывает сейчас эту историю.

Все, конечно, стали сопротивляться такому безобразию. Понятно, что никто не хотел оказаться посмешищем в глазах своих школьных друзей, заранее предвидя придирки и ухмылки по отношению к псевдоартистам.

Но Наталья Николаевна пресекала все наши попытки саботировать принятые решения одной фразой: «Это — приказ директора!» Куда деваться?

Чтобы вам были понятны некоторые последующие события, скажу, что наша компания получилась крайне интересной. Про Гарика и Сережу Терещенко вы уже немного знаете. Остальные друзья были весьма колоритными людьми.

Пионервожатая Лиза закончила нашу же школу годом ранее, не смогла поступить с первого раза в пединститут и вернулась обратно набраться опыта. По сравнению с нами она смотрелась гораздо старше, да и формами обладала выдающимися, каждый раз подчеркивая свое телесное богатство узкими юбками и блузками в обтяжку. Поскольку ей полагалось по уставу постоянно носить пионерский галстук, то красный кусок материи на вызывающе откровенной одежде добавлял значительную пикантность и приводил к известному напряжению ряда органов у юношей.

Комсорг школы Вадик Тютюник считался в наших рядах молодым аскетом, всегда скромно одевался и потихоньку готовил себя к карьере партийного лидера. Друг он был надежный, данное обещание выполнял безукоризненно, и на него всегда можно было положиться.

Отличница и первая красавица школы Мила Финогенова — ответственная девушка, пунктуальная и требовательная ко всему, что бы ни делала. Все это было объяснимо, поскольку Мила с детства хотела быть юристом и подчиняла распорядок своей жизни достижению этой цели. Она многим, и мне в том числе, нравилась, очень красивая была. Но будучи со всеми ребятами в равных отношениях, ко мне относилась весьма холодно, иногда как будто и не замечала вовсе. Из-за этого я считал ее гордячкой и занудой. Станным в этом было то, что знали мы друг друга с раннего детства и лет до десяти много времени проводили вместе. Наши родители дружили между собой. Отец Милы был директором крупнейшего автокомбината города, а мой папа вырос на одной улице с Мишиной мамой. Словом, давние, прочные связи. В то время, о котором идет речь, мой отец работал художником в Одесском оперном театре, и это, кстати, наложило свой отпечаток на произошедшее позже, хоть и косвенно.

Из всего этого относительно благополучного ряда выпадал Януш Коралов. Он был, как я уже говорил, цыганом. Жил в натуральном цыганском гетто. Туда никто из нормальных людей не решался заходить, опасаясь обратно не вернуться. Януш был уникален среди всех цыганских учеников тем, что иногда, раз в неделю, посещал школу и умел читать. Он ходил в рваной одежде, сидел на последней парте, в открытую курил, и, не особо стесняясь, пил. Всегда был непричесанным, попросту неопрятным. Шутником был замечательным. И очень-очень добрым человеком...

Вот такая у нас собралась компания.

Вербова раздала всем новоявленным актерам роли и объявила расписание репетиций. Мы обреченно вздохнули и подчинились ее воле и воле Ицкович. На всю подготовку к спектаклю отводилось две недели.

Репетиции прошли на удивление спокойно. Тексты ролей были заучены достаточно неплохо, при произнесении фраз никто не сбивался. Играли мы, конечно, препоганенько, выпячивая глаза и делая каменные лица. Наталья Николаевна на это особого внимания не обращала. Она упивалась своим счастьем руководить нашим стихийным театральным товариществом и близостью воплощения своей мечты о культурном развитии школьников. Изредка только покрикивала на нас и подавала команды: «Подойдите к нему до его колен!», «Сделай вид, что тебе не нравятся деньги!», «Дети, не ругайтесь, как сапожники, вы же — помещики!», «Представь хоть как-нибудь, что ты ее любишь!», «Не отмахивайся, здесь мухи не летают!», «Меня муж не так на это уговаривал!», и далее в том же духе. В ходе репетиций мы старательно пытались следовать ее указаниям, однако не во всем. Как обычно, проявила себя Мила. Она наотрез отказалась целоваться со мной (Хлестаковым), сославшись, что до спектакля это не нужно. А поскольку целоваться предполагалось в щечку, то и репетировать такие банальные действия не имело смысла. Вербова согласилась, я же в корне был не согласен с таким безответственным отношением своей одноклассницы к постановке. Мила презрительно отворачивалась от всех и бросала короткое: «Нет! С ним — ни за что и никогда!» Зато неожиданно завязались тесные отношения между пионервожатой Лизой и Сережей Терещенко. По роли они были муж (городничий) и его жена. Мы, естественно, над ними прикалывались. Сначала просто шутили над их пылающими взглядами, потом засекали пару раз, как они держатся за ручки, Вадик Тютюник застучал их целующимися в углу сцены... Со временем мы привыкли выковыривать наших «семейных» из различных каморок и ниш за сценой. Наталья Николаевна на все это смотрела достаточно снисходительно. Единственное, что ее потрясло, так это когда мы однажды не смогли дозваться Сережу и Лизу, она сама отправилась их искать, решительно завернув за один из поворотов между кулисами. Ее не было чуть больше минуты. Вернулась она обратно с полубезумным взглядом и поднятыми на лоб очками. Вербова прошла мимо нас, бормоча себе под нос: «Лишь бы не было детей! Лишь бы не было детей!» Любопытно, а что она там увидела?

Для усиления эффекта решено было не просто пробубнить роли, а поразить зрителей. С этой целью к директору были вызваны несколько родителей, в том числе и мой отец. В итоге, все получили особые задания. Некоторые должны были обеспечить предоставление антикварной мебели и утвари XIX века из близлежащего музея и собственных квартир, всем известная подпольная модистка Марика Удумян (мамаша нашей одноклассницы Анаид) обязалась сшить нам сногшибательные костюмы по последним (!!!) парижским выкройкам от Кардена, отец Милы Финогеновой был назначен главным за обеспечение всех транспортом. Моему папе досталось, как обычно, оформительское дело. С него было получено обещание — приготовить красивый лозунг с цитатой из Ленина о Гоголе и несколько пачек денег времен Российской империи, которые пойдут на взятки Хлестакову. Папа всегда серьезно и педантично относился ко всему, что делал, даже если это была явная халтура. С деньгами он сказал, что разберется быстро, а вот какую цитату рисовать? Директриса побарабанила пальцами по столу и серьезно, в упор глядя на отца, сказала:

— Пал Михальч, вы же — коммунист с многолетним стажем. Найдите, выберите. Как авангарду нашего общества я вам доверяю. Красиво должно быть, красиво!

— Тогда ждите, — многообещающе прищурился папа.

Через несколько дней я зашел после школы в мастерскую отца, располагавшуюся прямо за главной сценой Одесского театра оперы и балета. Тот, кто жил или бывал в Одессе, знает, какое это потрясающее в своем великолепии здание. Что там Большой и Мариинка!

Так вот, в мастерской папа стоял над красным кумачовым полотнищем, натянутым на подрамник, и задумчиво изучал несколько слов, написанных на бумажке. Я подошел и прочел че-

рез его плечо следующее: «Н.В.Гоголь с поразительной четкостью и ясностью нарисовал гнилое прошлое нашей страны. В.И.Ленин».

— Ты уже разметил по буквам? — поинтересовался я у отца. Дело в том, что, по технологии, любой знак, даже запятая, на полотнище должны разноситься заранее в соответствии с масштабом и наклоном, иначе будет вариант творчества О.Бендера с его бессмертным сеятелем.

— Угу. — Папа был явно немногословен и погружен в себя.

— А откуда ты взял цитату? Сам нашел?

— Из парткома принесли. Так, сынок, отойди. Мне работать нужно.

Я отошел. Папа взял специальную кисть, макнул ее в белую краску и начал писать буквы. Чтобы не мешать ему, я пошел гулять по закоулкам театра и просидел часик в актерском буфете. Когда вернулся в мастерскую, отец закончил писать текст. Сначала я его прочел так, как запомнил в варианте цитаты. Но, приглядевшись, увидел, что слов на ткани было больше, и сама фраза казалась длиннее. Я еще раз внимательно, по словам, перебрал весь текст. Потом посмотрел на отца. Он явно был доволен своей работой. На алом революционном кумаче свежайшими безупречными буквами были написаны следующие слова: «Н.В.Гоголь с поразительной четкостью и ясностью нарисовал гнилое прошлое и ГИБЛОЕ НАСТОЯЩЕЕ нашей СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ страны. В.И.Ленин». Приплыли! Боже ж ты мойжешь! Чем это грозило в те годы, объяснять не надо.

— Пап, это что?

— А что, что-то не так?

— Да как-то...

— Никто и не заметит. И потом, мне как авангарду сказали, чтобы было красиво. А так очень красиво. Кстати, о красоте...

С этими словами отец взял кисть и быстренько пририсовал в разных местах букеты роз. Потом подумал и добавил несколько гвоздик, поясняя, что это — цветок революции. Видно, по его мнению, красоты не хватало в полном объеме, потому что в трех местах он дополнительно воткнул изображение ромашек. На одной из них изобразил пчелку. Мы опять вдвоем усталились на гениальное творение наглядной агитации. Все это напоминало или афишу индийского фильма, или плакат в магазине к 8 марта, или, на худой конец, свадебный транспарант про совет да любовь на богатой сельской свадьбе.

— Ты понимаешь, сынок, ведь все так и есть в нашей жизни. Ладно, готовьтесь к триумфу, я его чувствую. — Отец вытер кисти и отвернулся.

... Наступила не очень долгожданная суббота. С утра заморосил дождь. Поскольку весь актерский состав сняли с уроков, я не особо торопился. Не спеша встал, не торопясь, собрался в школу. Перед выходом из дома сложил в целлофановый пакет кусок сала, головку чеснока и луковицу. Я собирался проучить Милку за ее отказ выполнить пробные поцелуи.

В школе нам отвели помещение в пионерской комнате для последней репетиции. Все были скованны еще больше, чем в предшествующие дни. Один только Януш Коралов выглядел особенно веселым. Принюхавшись, можно было уловить исходящий от него явный запах крепкого спиртного, скорее всего, самогона. Наталья Николаевна тоже это усекала, но не стала ничего говорить, поскольку что-либо поправлять было поздно — другого Добчинского взять неоткуда. Мы прогнали еще раз все слова и пошли готовиться к выступлению в актовый зал. Когда мы туда вошли, у всех от удивления отвисла челюсть.

Наши родители проявили дикое рвение и не менее дикую фантазию. Для антуража комнаты, где, по идее, протекают все безобразия пьесы, были привезены комоды, старинные, под два метра, зеркала, огромные бронзовые подсвечники, невероятных размеров обитые плюшем кресла, шерстяные ковры, хрустальные и бронзовые вазы, прекрасные столы ручной работы из дорогого дерева, куча каких-то накидок, покрывал, сервиз фарфоровый и прочее, прочее... Такой наш маленький ответ музеям Петербурга. Я вот сейчас со временем понимаю, что так родительский

состав друг перед другом хотел выпендриться насчет своего личного богатства и заодно устроить взаимный обмен опытом по приобретению антиквариата у известных городских старьевщиков. Только почему на большом столе, находящемся посередине сцены, стоял серебристый магнитофон культовой в те годы фирмы «Grundig», и какое он имел отношение к Гоголю, я, вам скажу, до сих пор теряюсь в догадках.

Но это — не все. Прямо напротив входа в зал располагалась стена, на которой висела обязательная наглядная агитация. Посередине — портрет Гоголя с хитрым прищуром, справа от него — каноническое изображение троицы основоположников марксизма-ленинизма с бородами и тоже с хитрым прищуром, слева от Гоголя висели портреты Брежнева с кучей звезд, Андропова в очках с пристальным взглядом и почему-то Тараса Шевченко в папахе с осуждающим взглядом. Под Гоголем был прибит портрет улыбающегося антиалкогольной ухмылкой Горбачева, а под Горбачевым — вырезанный из журнала «Советский экран» и вставленный в рамку портрет Андрея Миронова в обнимку с Анатолием Папановым. Над всей этой безумной портретной галереей был прикреплен изготовленный отцом веселенький транспарант, издали напоминавший цветочную клумбу в период красного заката времен ядерной войны. Еще вчера этого ничего не было. Кто и в каком бреду давал команду на такую композицию? Вредителя так и не нашли.

Первым пришел в себя и зацокал цыган Януш. Он живенько подскочил к сцене и стал любовно ощупывать предметы декора, в уме считая, сколько они могут стоять, если их спереть и толкнуть кому надо. В это время из-за кулис появилась модистка Марика Удумян, и, будучи женщиной решительной, шмякнула Януша по затылку.

— Ваше дело играть, мальчики и девочки, — пропела она. — Мое дело — делать сцену и нарядить вас так, чтобы ваши родители не плакали на вашу в будущем бездарную игру. — С этими словами Марика гневно посмотрела на нас. — Пока вы еще не опозорились, идите сюда, я вас буду в модных людей делать. А то мне еще нужно все расставить из предметов правильно. — Так роль Марики Удумян была определена окончательно. Она стала нашей костюмершей и, заодно, как это нынче называется, дизайнером.

Мы послушно прошли за кулисы. Марика раздала всем полагающиеся наряды и стала ждать, пока мы их наденем. То, что она была великолепной модисткой, знал весь город. Но то, что она смогла шить костюмы времен а-ля Гоголь, да еще так безукоризненно, никто не ожидал. Мы выглядели потрясающе. Особые рубашки с высокими воротниками и пышной манишкой, галстуки и платки — это у ребят. Для девушек Марика сшила платья с глубоким декольте, кучей оборок, рюшек, с какими-то завязочками, бантиками и остальной женской ерундой. Дождавшись нашей реакции, Марика одобрительно посмотрела на нас и довольно произнесла:

— Теперь вам можно хоть куда! Хоть в обком, чтобы там заседать, хоть на кладбище, чтобы за вами поплакали. И там и там лично мне за вас не будет стыдно!

Ободрив нас такими полными оптимизма словами, модистка отправилась наводить лоск на сцене, нервно двигая тяжеленные предметы старины и что-то бормоча себе под нос.

Занавес задернули, и мы стали расхаживать по сцене, привыкая к новой одежде. До начала спектакля оставалось еще сорок минут.

Мимо меня прошла в розовом платье Мила.

— Давай поцелуемся, Марья Антоновна! — Я не удержался, чтобы ее не позлить.

— Отвали! — Мила прошипела очень вежливо, даже интеллигентно.

Мы смотрели в щелку в занавесе и тихо, сообщая, дурели. Зал был переполнен. Наши родители не могли пропустить такого радостного мероприятия, их почетно разместили во втором ряду. В первом сидели все учителя школы. Пустовало три места — для Вербовой (которая сразу сказала, что будет смотреть из зала), для директрисы, а для кого третье, мы понять не могли. Толпа школьников сидела за вторым рядом и дальше, явно готовая к разнузданному издевательствам над нами.

Открытие затянулось минут на десять. Потом в зал энергичной походкой вошла наша директорша, за ней следовала мощная дама средних лет с бриллиантами в ушах, с массивной брошью на левой груди и папкой в руке. Лидия Абрамовна усадила ее на одно из пустых мест, а сама прогрохотала своими мощными ногами-гумбами на сцену.

— Дорогие дети, родители и педагогический коллектив школы № 17! — начала она. — Сегодня в нашей школе впервые за все время, что она для вас работает, будет дан хороший спектакль по пьесе Гоголя «Ревизор». Его сделали для вас ваши же товарищи, которые переживают там, за ширмой, чтобы вам-таки понравилось. Давайте их смотреть и радоваться, что у нас есть что-то вроде театра!

Зал загудел, зааплодировал. Донеслось несколько выкриков, неудобных к воспроизведению для широкой публики. Ицкович все это выслушала, поморщилась пару раз и продолжила:

— А еще у нас, дети, есть гость, которого мы совсем не ждали. Она пришла сегодня ко мне, чтобы тоже видеть то, что будем пытаться, несмотря ни на что, видеть мы вместе с вами. Это — главный инспектор ГОРОНО Резниченко Валентина Семеновна. Так что, ведите себя хорошо, лучше, чем вы это можете! — С этими словами Лидия Абрамовна пробомбила пол в обратном направлении и присела на свое место. Инспекторша при этом встала, кивнула головой в зал и поймала, на свою беду, реплику из недр публики: «Кто пришел из ГОРОНО, настоящее г...но!» Голова у нее непроизвольно дернулась и вжалась в плечи. Начало вакханалии было положено.

Вербова сбегала со сцены, уселась рядом с директрисой, махнула нам белым платочком, и занавес поплыл в разные стороны. Теперь от русички уже ничего не зависело.

— Начинайте! — рявкнула Ицкович.

И мы начали.

Первая сцена изображала нескончаемый поток желавших дать взятку Хлестакову. По ходу действия мне перемещаться по сцене особо не приходилось, поэтому я просто красиво вышел в шикарном костюме «от Удумян» и плюхнулся в уютное антикварное кресло. Марика не просто все расставила и разложила по местам, но и зажгла свечи. В центре стола гордо серебрился «Grundig». Красотища! Я сидел в кресле, ко мне подходили просители, из них Хлестаков вытрясал взятки, якобы поиздержавшись в дороге. Все шло по тексту.

Играли мы, конечно, паршиво, что скрывать. Но разве это важно? Главное, что народ в зале видел своих друзей, которые смогли хоть как-то изменить устоявшийся порядок проведения досуга в школе, и за это готов был нам простить все.

В какой-то момент мне стало скучно. Ну, сколько можно? Ты сидишь, выходят товарищи, дают взятки — сплошное однообразие. Поэтому когда городничий ступил на сцену, уже захотелось немного пошалить.

Мы с Сережей Терещенко озвучили свои роли, потом он с натугой дал мне взятку в виде пачки ассигнаций и застыл в позе древнеримской колонны. Подержав пачку денег в руке и мысленно ее взвесив, я мотнул головой в его направлении и строго спросил:

— А почему так мало, любезнейший товарищ офицер?

Сережа слегка обаддел и явно напрягся — такого вопроса в его тексте не предусматривалось. Он потоптался на месте, покраснел, вздохнул и, будучи честным человеком, ответил как есть:

— А что, я виноват, что твой папа так мало денег нам нарисовал?

Тот, кто немного знает текст пьесы, прекрасно помнит, что никакого папы у Хлестакова не было.

Вербова стала нервно ерзать на стуле и лихорадочно сверяться с текстом Гоголя.

— Уйди, недостойный! — наконец, нашелся я.

Сережа показал мне кулак и счастливо смылся со сцены. В зале зашумели и оценили Серегино движение. Вербова шевелила губами и внимательно изучала имевшиеся у нее листки с ролями, при этом стараясь избегать далеко не ласкового взгляда рядом сидящей директрисы. Что-то у нее, видимо, не совпадало с оригиналом текста, что-то не сходилось, и ей явно было хуже, чем нам.

Через некоторое время подошел черед Добчинского и Бобчинского. На сцену выползла потрясающая и невообразимая пара — аристократичного вида Гарик и типичный конокрад, какими изображают злых цыган в фильмах, Януш. Ко всему прочему, Коралов был уже до такой степени нетрезв, что еле держался на ногах, передвигаясь по сцене зигзагами. Гарик как настоящий друг поддерживал его под локоть и этим спасал ситуацию. Но это еще не все! Вы можете себе представить, как органично выглядят вместе воспитанный еврей и представитель цыганского табора? А если при этом цыган непонятно где раздобыл монокль без стекла, воткнул себе в глаз и скалит желтые кривые зубы? Представили?

Идет роль Януша и его прошение у Хлестакова о признании незаконнорожденного сына: «...Так я, извольте видеть, хочу, чтоб он теперь уже был совсем, то есть законным моим сыном-с и назывался бы так, как и я: Добчинский-с». При этом Добчинский едва не падает на пол. Смотрю в лицо Януша, мысленно представляю его потустороннего сына Добчинского и сам для себя неожиданно говорю:

— Блин, Добчинский, ты бы на рожу свою посмотрел для начала!

Януш, не моргнув глазом через свой монокль, зыркнул в мою сторону и настойчиво произнес:

— Да мне по х...! Хочу, чтобы он был, как и я, Добчинский-с, придурок! Зарежу!

«А что, не жалко, пусть будет!» — искренне подумал я.

— Да мне тоже по х...! Пусть будет, как и ты, Добчинский-с, сволочюги такие, оба причем!

— Спасибо, родненький! — заорал вдруг Добчинский и рухнул лицом на мои колени.

Гарик Ройтман, как по команде, проделал то же самое.

Учитывая, что безвестные строители нашей школы сложили актальный зал с такой акустикой, что даже сломанную спичку можно было услышать, сомнений в правильном восприятии зрителями произнесенных фраз не было. В то время я еще не носил очки и кое-что мог видеть. Публика забилась в экстазе. Директриса и Наталья Николаевна расстегнули одновременно верхние пуговицы своих учительских блузок. Инспекторша ГОРОНО прикрыла голову папкой. Очевидно, на всякий случай. Мой папа указал рукой на цитату Ленина, а мама закрыла лицо руками. Бабушка Ройтмана стала лихорадочно плевать на первый ряд. Отец Милы ошарашенно вскочил и пнул впереди стоящий стул — на нем сидела инспекторша. Она слетела со стула, успела сказать «Ой!» и смачно протерла собой давно не мытый пол нашей столовки.

— Мамочка! — завопил я, потому что Януш не просто свалился мне под ноги, но и больно воткнул в колено припасенную где-то иголку.

— Да! И моя мамочка тоже будет рада, что у нее появился внучек, такой же, как и я, Добчинский! — бился в истерике Януш. — Моя мамочка — теперь бабушка! Чем мы только его кормить будем, кто бы сказал? Где мы денег возьмем на эту гниду, и где б найти мне ту бабу, что его родила? Граждане! Кто она?! Я ее не помню! Я ее не знаю!

Что делать? Там еще играть и играть, а эти двое лежали у меня на коленях и не собирались уходить с них, неся Бог знает какую ахинею. На счастье, другие наши ребята стали выскакивать на сцену и автоматически произносили свои роли. Я также механически им отвечал. Зал ревел, изредка сквозь шум прорывался крик Януша: «Моя мамочка — не просто маман сама по себе, а даже бабушка!» и причитания Гарика: «Ой-вэй, Иерусалим!», на которые бабушка Элла отвечала криками: «Игоречек, ты просто так- сегодня не обедал, кровиночка моя!»

Доиграли сцену. Кто-то задернул занавес. Все актеры затихли. А ведь впереди — еще вторая часть, чтоб много лет жила Вербова и все ее идеи!

Первым пришел в себя Вадик Тютюник. Он быстро оттащил почти неживого Януша от меня и дал ему по ушам, попутно попинав ногами. Потом Гарик устало поднял свою кучерявую голову с моих исколотых колен и тихо, с тоской, сказал:

— Миша, по-моему, мы сделали что-то не то.

Еще бы!

Артисты школьного принудительного драмкружка понемногу расслабились. Им уже можно отдыхать, а мне впереди предстояло обольщать жену городничего Анну Андреевну и дочь его Марью Антоновну, которые шатались рядом с разными выражениями лиц — пионервожатая Лиза с блуждающей улыбкой, словно на пробах в главной женской роли для фильма «Калигула», и Мила, сосредоточенно разглядывающая занавес, как, наверное, доярка смотрит на вымя коровы перед рекордной дойкой, твердо зная, что ей за это дадут Героя Соцтруда и новую болгарскую дубленку. Какое лицо было у меня, честно говоря, не знаю.

Но куда деваться? Появилась активная модистка Марика Удумян и произнесла историческую фразу: «Вас там ждут взрослые, а вы тут плачете, как несостоявшиеся дети Остапа Бендера».

— Тетя Марика, мне бы водички попить, — жалобно попросил я ее.

— Иди, пей! — Она ласково посмотрела на меня. — Вас это все равно не спасет!

Я стогнал за кулисы и достал свой заветный пакет с продуктами. Быстро сжевал кусок сала, почистил и сгрыз половину луковицы, заел двумя дольками чеснока. Случайно взгляд наткнулся на бутылку, к которой прикладывался Януш. Открыл, понюхал. Чистый самогон. Сделал глоток, гадость страшная! По пути на сцену мне попался ползущий на четырех точках опоры Коралов.

— Чем пахнет? — Я наклонился к нему и сделал глубокий выдох. Януш втянул в себя воздух, закатил глаза и сказал: «Домом».

Значит, все в порядке.

...Когда раздвинули занавес, аплодисменты обрушились на наши уши с такой неистовой энергией, что ей бы позавидовали балерины кордебалета из «Лебединого озера» театра города Рыбинска. В принципе, можно было дальше на сцену и не выходить. Мы уже потихоньку вошли в историю, и нам этого хватало. Однако чувство долга перед нашей русичкой, которая так долго хотела сделать великое дело, возобладало.

Сцена обольщения жены городничего прошла просто великолепно. Лиза ничего не придумывала, а всего лишь изображала состояние своих отношений с Сережей. Поэтому мы с ней даже развеселились и успевали подмигивать друг другу по ходу диалога. Скоренько сдавшись в объятия заезжему чиновнику из столицы, Лиза ушла за кулисы, получив в награду любовь зрителей и гром оваций. Директорша, инспекторша и преподаватель русского языка одобрительно кивали нам головой, поскольку им больше ничего не оставалось. Теперь я дожидался выхода Марьи Антоновны, то бишь Милы.

Она появилась с царственным выражением лица и с явным желанием побыстрее смыться со сцены. Преднамеренно не приближалась ко мне, предпочитая обмениваться репликами из разных концов театральных подмостков. По ходу действия нам следовало сближаться друг с другом все плотнее и плотнее, при этом обсуждая всяческую чепуху вроде стишков в альбом провинциальной барышни, воздуха, понимаешь, нездорового, деревенского, атмосферы затхлой провинции, пролетевшую мимо сороку, тракторку термина «любовь» с позиции мужчины и женщины. Короче, деваться ей было некуда, и наши, так сказать, одухотворенные в своем напряжении лица, наконец-то, потянулись навстречу друг к другу в неизбежном поцелуе. Губы вытянулись. Зал замер. Все хотели увидеть главное. Я уже очень близко ощущал запах очень даже приятных валютных Милиных духов. Она нервно теребила бантики на своем платье. Глаза мои невольно косили в весьма приличное пространство округлостей в районе декольте. Повисла знойная тишина. Сейчас, сейчас... Не хватало только нервной дроби барабанов. И тут я выдохнул.

— Сволочь! Фраер пересыпский! — Мила яростно вскочила и рванула в сторону от меня.

— О-о-п-па! — взревел зал.

— Какой кошмар! — вскрикнула Вербова и уронила на пол все листки из пьесы.

— Боже! Как натурально они играют! — взвизгнула инспекторша и быстро прикрыла голову своей папкой. Опытная сразу стала!

— Иди сюда, радость моя! — проорал я и, взбесившись, погнался за своей Марьей Антоновой.
 — Ненавижу! И всегда ненавидела! — Мила понеслась за кулисы.
 — Нет, дорогуша, у нас же любовь, — перепрыгнув через стол, я все-таки успел ухватить Милу за край платья. Платье тут же затрещало, но Мила все равно вырвалась. — Иди ко мне, свет очей моих! Рыбка атласная! Зайчик бархатный! Я тебя увезу в столицу!

— Вали ее! — вопили в зале.

— Что ты с ней мучаешься! — Вы будете смеяться, но это директриса вскочила с места и стала нервно топтать ногами. — Финогенова! Сколько можно не сдаваться, даже я устала и никогда в жизни так не делала! Пьеса уходит!

— Оставьте мою дочь в покое, это вам не проститутка какая-нибудь! — загремел отец Милы.

— Сынок, поласковее надо бы, что ли! — Это мой папа стал давать дельные в такой момент советы.

— Хлестаков! Миша! Мы идем к тебе на помощь! — Из-за кулис выскочила сладкая растрепанная парочка — городничий и его жена — и помчались отлавливать свою вроде бы дочку. Видно, они решили ни в чем не отступать от правды жизни.

Сережа успел перехватить Милу прежде, чем та нырнула за занавес. Развернул лицом ко мне и потащил, несмотря на ее крики и разорванное платье. К ним подбежала Лиза и стала помогать пинками, приговаривая:

— Целуйся! Ишь, недотрога! Нам спектакль заканчивать надо!

Мила всхлипывала. Я приблизился к ней и громко, с чмоканием, приложился к ее щеке.

— Ура! Поцеловались! — заревела публика и стала дико аплодировать.

— Ребята! — восторженно кричала наша Наталья Николаевна и подскочила к сцене. — Спектакль закончился! Вам понравилось?

— Смойся! — в едином порыве прогремели школьники и ломанулись в сторону артистов.

— Стоять всем! Занавес! — скомандовала вскочившая с места Ицкович, перекрывая своим голосом и зрителей, и обезумевших родителей.

Занавес быстро закрылся. Дальше события разворачивались следующим образом: Мила ментально сняла туфлю с ноги и острым каблуком вломила мне по лицу. Кровь побежала потоком. Привыкнув в многочисленных уличных драках звереть от вида собственной крови, я потерял над собой контроль и, не долго думая, помахал кулаком перед ее носом и попал в лицо. Она охнула, прикрыла лицо руками, а когда отняла руки, стало видно, что ее левый глаз весь затек и прямо в мгновение стал фиолетового цвета. Она плакала.

Сережа с Лизой воспользовались моментом, плюнули на окружающих и стали неистово целоваться на глазах у всех. У Лизы образовались мощные засосы на щеке и шее.

Протрезвевший к тому времени Януш, не пойми где, откопал знамя нашей пионерской дружины и стоял с ним по стойке «мирно». Гарик Ройтман быстро опустился на четвереньки возле знамени и стал изображать собачку. И этот человек виртуозно играл стареющей бабушке Бэлле на скрипке произведения Вивальди?

Вадик Тютюник скрестил руки на груди, как Наполеон, и водрузил себе на голову кепку, какую обычно носят жители Кавказа. При этом взгляд его был устремлен в далекое будущее, как у настоящего комсомольского вожака. По-моему, он тоже нашел бутылку Януша и употребил ее до конца.

Когда занавес снова открыли, и народ увидел весь этот плачущий и целующийся паноптикум в разорванных костюмах XIX века, повисла зловещая тишина. Один только учитель физкультуры Владимир Маркович Левенбаум, подрабатывавший в свободное от километровых пробежек время фотографом на торжественных для одесситов событиях, то есть свадьбах и похоронах, бегал вокруг нас и щелкал объективом.

— Во погуляли! Во отдохнули! Во спектакль провели! — восхищалась инспектор ГОРОНО, явно желая быть ближе к народу. Кто-то из толпы отобрал у нее папку и с любовью стукнул ее по голове. Толпа школьников зверела прямо на глазах.

— Дети! Вы же лучше, чем МХАТ и Станиславский с Немировичем-Данченко! — попыталась сделать нам приятное инспекторша. — Вы же меня заставили плакать! Такой успех у зрителей! Мы поедем на фестиваль в Болгарию!

Наши про упомянутых персон даже если и знали, то почему-то восприняли все ею сказанное как оскорбление. На инспекторшу посыпались тычки и совершенно нелитературные выражения. Бедная женщина явно растерялась и присела на корточки. Было видно, что она в данный момент очень пожалела, что пришла в нашу школу на культурное мероприятие школьников. Брошь с ее груди уже кто-то оторвал, но она этого даже не заметила. Ее теснили со всех сторон и все-таки собирались побить.

Ситуацию спасла мудрая Лидия Абрамовна Ицкович. Подхватила за руку инспекторшу и потащила к выходу из зала. Перед дверью обернулась и скомандовала:

— Громите, что хотите! Отдыхайте, дети! Уважаемая Наталья Николаевна, командуйте! Разрешаю! — И выскочила из зала.

— Вперед! — обреченно выдохнула Вербова.

Толпа вознеслась на сцену. Первым полетел на пол и подвергся истреблению магнитофон «Grundig», на останках которого радостно скакала молодежь. А дальше... А вы как думаете, что было дальше? Я вам скажу — разгромили все. Антиквариат разорвали в клочья. Расколотили все абсолютно зеркала, побросав в них подсвечники, рамы из зеркал разломали на части, распотрошили комоды, повываивали ящики, разрезали ковры, разбили сервизы, осколками от них чертили на столешницах правильные буквы, складывающиеся в неправильные вечные слова и сочетания, сами столы побросали вниз в партер. Что с нами случилось? Взыграл южный темперамент? Но я вас умоляю! Ведь есть масса людей, живущих и поужнее нас. Такое впечатление, что в нас проснулось нечто не ведомое никому, даже нашим родным. Они, кстати, сидели на своих местах и меланхолично смотрели на разгром дорогущих вещей, которые собирались передавать нам по наследству. Ни единого слова, ни единой попытки остановить нас. Лишь загадочная восточная женщина Марика Удунян произнесла волшебную фразу: «Для того и нужно богатство, чтобы им пользоваться».

...Оргвыводов со стороны педсовета никаких не последовало. В понедельник директора вызвали в срочном порядке в ГОРОНО. Честно говоря, отправлялась она туда, как на плаху. Слух об ее внезапном визите в руководящие инстанции пронесся по школе моментально. Когда она уже уходила со школьного двора, многочисленные ученики повыскакивали во двор и смотрели ей вслед. Кто-то крикнул:

— Лидия Абрамовна! Вы не волнуйтесь! Если вас накажут, мы все придем в ГОРОНО и объясним им, что они не правы!

— Кто бы вас об этом просил! А то потом вы так объясните, что у государства не хватит денег на восстановление здания вышестоящей организации!

В тот день она не вернулась. Придя во вторник утром, срочно собрала педсовет и предъявила испуганным и готовым к худшему учителям диплом, который гласил, что школа № 17 г. Одессы стала победителем общегородского смотра театральных коллективов учащейся молодежи. Видимо, инспектор Резниченко не столько оценила нашу безусловно талантливую в некоторых моментах труппу, сколько спасенную от избиения собственную фактуру.

— Но если вы думаете, что это все неприятности, так я вам скажу — они только начинаются. — Ицкович прошлась перед молчаливыми учителями и внимательно посмотрела на присутствующую в порядке исключения пионервожатую Лизу. Наверное, мысленно оценивала глубину ее нравственного падения из-за связи с учащимся. Та скорбно молчала. — Мы с вами ставили «Ревизора» и смеялись притом, а теперь они к нам сами приходят. Чтобы вы не плакали, поясню — к нам во время выпускных экзаменов придет специальная комиссия оценивать качество выпускников. — Лидия Абрамовна вздохнула и села за стол. — Эта зараза Резниченко разрекламировала нас так, будто у нас здесь одни ученики гениальнее других. У нас есть какие-нибудь перспективы по данному вопросу?

— Или! Вы еще спрашиваете! — ответила классная руководительница 10 «Б» Елена Николаевна Харлампиева. — В моем выпускном Финогенова и Максименко идут на медаль.

— Час от часу не легче. Зовите ко мне этих влюбленных остолопов, я буду с ними разговаривать, я им объясню, за что надо целоваться в жизни!

Нас с Милой сняли с урока химии и погнали к директору. Лидия Абрамовна сидела за столом и перебирала какие-то бумаги.

— Мила и Миша! Вы такие молодые и я так за вас рада. — Ицкович смотрела на нас очень пристально. — Слушайте женщину! Мне — сорок восемь лет, у меня двое детей есть и трое мужей было, и я имею много болезней. И никогда, хотя мне очень иногда было плохо, никого ни о чем не просила. Так вот, теперь я прошу. Прошу вас, бестолковые вы мои мальчик и девочка. Будет в конце года комиссия, победите вы ее. Не за себя прошу — что я? Всего полгода здесь, у меня здесь нет никаких заслуг. За тех прошу, кто до меня вас в этой школе учил и нервы свои попортил, и из вас, сопливых шкетов с бантиками и цветочками, сделал людей, которые могут не стесняться своих чувств и жить по-человечески. Не подведите, потому что только так и нужно жить!

Мы ушли притихшие. И, в конце концов, не подвели. А как мы могли поступить иначе, если нас об этом просил взрослый человек? Действительно, пришедшая и устроившая на выпускных экзаменах форменный допрос с пристрастием комиссия зафиксировала невероятный факт — средний уровень учащихся нашей школы в сравнении с остальными, как теперь говорят, «раскрученными», оказался настолько высок, что в ГОРОНО просто поразились.

Я не разговаривал с Милой почти полгода с того самого дня, когда ставили «Ревизора». Она делала вид, что меня вообще нет в природе. Я платил ей взаимностью. Только когда нам в конце июня вручали аттестаты зрелости с медалями и по протоколу посадили рядом на соседних стульях, деваться было некуда. Молчать в данной ситуации было крайне неудобно.

— Мила, можно, я тебя спрошу кое за что?

— Ну, спроси. — Первый раз за много месяцев услышал снисходительные, сквозь небрежную улыбку, слова от нее, обращенные непосредственно ко мне.

— Ну, так, это...ты зачем меня туплей саданула тогда?

Мила несколько мгновений молча смотрела в сторону. Потом повернула ко мне свое красивое лицо, и я с удивлением увидел ее мокрые глаза.

— Потому что ты дурак, Миша. Ты — просто большой дурак. Ты так ничего и не понял. Потому что я давно и всегда... тебя... — тихо сказала она, отвернувшись и больше не проронила ни слова за весь вечер.

Я тоже замолчал. Потому что сам осознал, что именно она не сказала мне в то мгновение. И только однажды все-таки произнесла лишь спустя несколько лет ночью в момент неистового познания друг друга...

Через день я уехал в Москву поступать в институт. На железнодорожном вокзале провожали всей компанией. Пришли Сережа с Лизой, Вадим Тютюник притащил свою никем не виденную ранее девушку, Гарик на скрипке пиликал вечные и такие привычные «Семь сорок». Мила тоже пришла. Простояла все время рядом с нами и выглядела грустной. Где-то под конец проводов внезапно ткнулась мне в грудь лицом и сильно схватила меня руками за плечо. Потом отпустила и больше не смотрела в мою сторону. Януш приволок своих неутомимых цыганских родичей, которые распевали песни и пугали пассажиров на перроне шутками и плясками. Было очень весело. А я понимал, что именно сейчас, именно под этим моим родным южным солнцем, под запах распутившейся и дурманящей весь город акации, под заполонившими улицы ароматами первых абрикосов и черешен, под жаркий ветер со стороны моря, под пряный дух копченой рыбы от рядом стоящего Привоза ушло навсегда мое детство. И больше не вернется никогда...

Дальнейшая жизнь у всех актеров легендарной постановки сложилась по-разному, в том числе и печально. Многие из нас уже потеряли своих родителей.

Наш цыган Януш Коралов (Добчинский) через десять месяцев после выпускного погиб, его зарезали во время драки в ресторане. Где он похоронен, никто не знает. Цыганские родственники забрали тело Януша из морга, а дальше — у цыган свои традиции. Обо всем рассказал его малолетний родственник, которого семья Януша уполномочила сообщить об этом в школе. Пацан пришел прямо в кабинет к директрисе и все доложил. Уходя, он авторитетно сообщил, что родня разрешила пяти нашим (они будут дальше по списку) появляться в их районе, и нам за это ничего не будет.

Сереза Терещенко (Городничий) поступил, как и собирался, в воздушно-десантное училище. К моменту окончания военного училища Советский Союз распался, и ему надо было выбирать, в армии какой страны служить. Сереза выбрал Россию. Он воевал в Чечне, дослужился до майора, был жестоко и очень тяжело ранен. Еле выжил, после чего демобилизовался и вернулся в Одессу. Награжден «Орденом мужества». Растит двоих детей. Друзья устроили его работать начальником службы охраны в местном банке. Все у него нормально, главное, живой. Категорически не хочет говорить про войну. Только один раз, когда мы с ним выпили критично много, я ему задал вопрос: «А скольких ты там замочил?» Сереза помолчал и сказал: «Много. Слишком много для одного человека. Я ненавижу войну».

Наш комсорг, Вадим Тютюник (почтмейстер Шпекин), тоже стал офицером, но внутренних войск. Он учился в России, а выбрал войска Украины. Сейчас, уже подполковник, у него второй по значимости пост в нашей городской тюрьме. Такой здоровой, что мой папа однажды сказал, что она похожа на отдельные детали у женщин с картин Рубенса. Встречались мы с Вадиком после школы мало. На мой вопрос, кого и когда он встречал из наших, Вадик усмехается и говорит, что вчера, в камерах № 5, 10, 15 и 21. Таскает однокашникам по блату сигареты, идущие там вместо валюты. По возможности, смягчает своим товарищам режим содержания и никогда не отказывает в дополнительных встречах с родственниками.

Пионервожатая Лиза (жена городничего) проработала в школе еще два года. Потом неожиданно вышла замуж за какого-то араба и укатила то ли в Бахрейн, то ли в Иорданию. Там, к своему удивлению, обнаружила еще трех незапланированных для нее мужниных жен. Но щас! Не на ту напали! Лиза быстренько поняла, что от нее нужно, жутко растолстела и применила весь свой богатый опыт управления нашей дикой школьной пионерией. Теперь она — любимая и старшая жена своего Ибн Хоттабыча, родила ему троих детишек и командует всеми остальными женами. По слухам, они ее жутко боятся. Буквально года полтора назад прислала через наших моряков, заходящих в местные порты на остатках судов некогда великого Черноморского пароходства, письмо и несколько фотографий. Письмо было для всех наших, пересказывать не буду (кроме того места, где она говорит, что сильно скучает за Одессу, и очень хочет так это пройтись летним вечером в мини-юбке по Приморскому бульвару, сесть на лавочку и заплевать все вокруг шелухой от семечек), а фотографии... Если бы не угадывающиеся в гуще жирных складок на лице шаловливые Лизкины глаза, ни за что бы не узнали нашу жену городничего. И вся в золоте, в килограммах золота! Ну — невероятно толстая, ну — огромная такая, мама моя!! Ну — чем же она там питалась, Господи, что ж там жрать дают такого?!!

Тайный скрипач Гарик Ройтман (Бобчинский) закончил Николаевский кораблестроительный институт. Пел и играл на гитаре в институтском ансамбле, когда я приезжал на каникулы, мы с их ансамблем лихо куролесили по ресторанам и клубам. Получил красный диплом и со всей семьей уехал в Америку, в Калифорнию. Владеет очень приличной компьютерной фирмой. Звонит из Сакраменто раз в полгода, материт всю Америку и доверительно сообщает, что у него есть такая новая разработка, что Билл Гейтс скоро или умрет от зависти, или с горя и безнадёги закроет свою хиленькую конторку. Судя по Биллу Гейтсу, тот пока упирается и не сдается, стойко держит оборону от Гарика. Но! Надо знать Гарика! Он умеет готовить операции и доканывать всех, когда ему это нужно. Так что, держись, Гейтс Билл! В личной жизни у Ройтмана просто сказка. Несмотря на все вопли, рыдания, угрозы и проклятия

совсем старенькой бабушки Бэллы, женился Гарик (как это теперь у американцев вежливо называется) на афроамериканочке, чтоб вы все обзавидовались, белые мужики! На последний довод бабушки Бэллы, что избранница — не иудейка, Гарик сказал: «Бабуль, ну, она же такая страшно кучерявая, как и я. Так что, правнуки твои будут ну очень лохматыми, это я тебе гарантирую!»

Я уехал в Москву поступать в МГУ. Поступив, сделал два больших дела — принес огромную радость маме с папой и поставил точку в местечковом споре нашего огромного родственного клана, чьи же дети продвинулись дальше в плане учебы. После этого все затихло. Закончил университет, остался в Москве. Ничего интересного.

Моя несостоявшаяся в спектакле невеста Милочка Финогенова (Марья Антоновна) превратилась в роскошнейшую, умопомрачительной, нереальной красоты женщину. Она блестяще, с отличием закончила юридический факультет Одесского университета, стала работать в суде. Сейчас считается самой грамотной и талантливой судьей не только Одессы, но и всего юга. Абсолютно не удивлюсь, если года через два-три ее переведут в Киев в Верховный суд. Репутация как юриста у нее настолько велика и она сама по себе настолько независима, что на выносимые ею приговоры практически никогда не подают апелляций, и все знают, что купить ее невозможно. В начале девяностых, когда Мила только начала трудиться в суде, к ней пробовали подкатиться и с деньгами, и с угрозами. Надо знать ее характер — она послала просителей в очень дальнюю и далеко не светлую даль. Потом наши из семнадцатой, находящиеся не в ладах с законом ребята, объяснили в своем кругу, что с ней бесполезно о чем-то договариваться, она будет делать, то, что положено и как считает нужным. А еще популярно растолковали, что поскольку она из той же школы, то никогда ни один волос с ее головы на тротуар упасть ни должен. С тех пор от нее отстали, и Мила гордо ходит по родным улицам, заставляя всех мужиков вслед ей оборачиваться, сворачивать себе шеи, грезить о ней ночью и терпеть шипения на себя и на нее своих жен. Мы очень редко видимся с ней. Она — мой самый близкий и верный друг. Личная жизнь у нее не сложилась, прожив два года с мужем, сама подала на развод и сказала, что больше в замужество никогда не пойдет. У нее растет замечательная дочь Настя. Ей уже — десять лет, она — очень красивая девочка. Но это совершенно другая история...

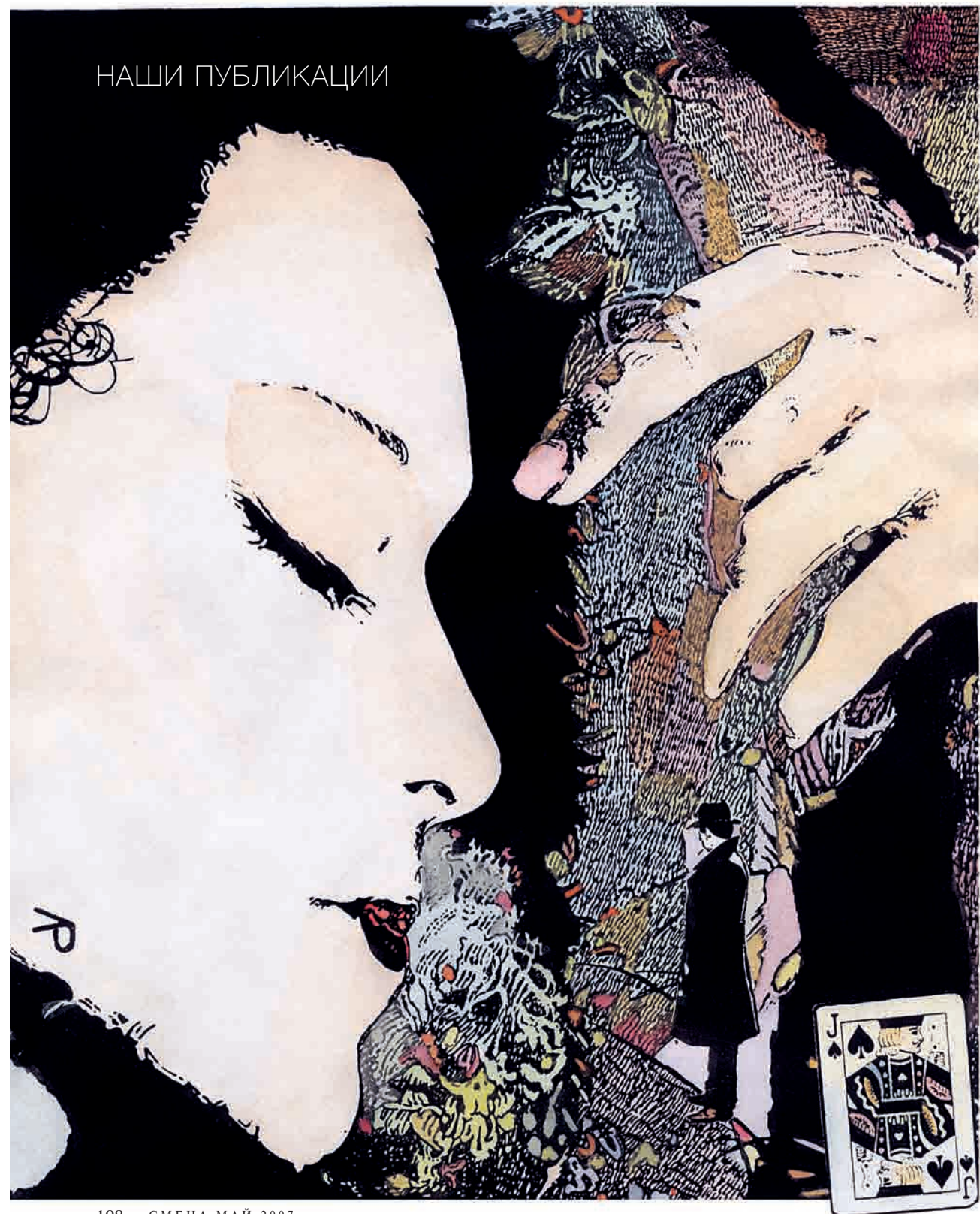
Каждый раз, когда я приезжаю домой, обязательно захожу в свою родную школу. Там много что изменилось, особенно в части состава учителей. Кто, увы, покинул этот свет, кто уехал далеко за пределы страны, кто просто ушел на пенсию. Да, они нас сделали нормальными людьми, потому что, как теперь выясняется, и учили нас очень правильно, и в жизнь вводили грамотно, по-настоящему, по-житейски, без сопливости. Теперь наша очередь благодарить их, стареньких и многих из них одиноких, покинутых своими детьми. Ирония жизни!

Доска почета «Лучшие выпускники» красуется в измененном виде. На ней поубавилось количество молодых людей в военной форме, зато появились гражданские лица, и девичьи — тоже не редкость. На одной из фотографий изображены некоторые участники «Ревизора», в частности, Мила, Сережа, Лиза и я. Только ума не приложу, почему разместили ту самую фотографию из спектакля, на которой у Милы отчетливо виден синяк под набухшим глазом и капающие слезы, а у меня явно проглядывается стекающая кровь. Можно подумать, что нас перед отправкой в большую жизнь прилюдно и сильно поколотили.

В общем, если рассуждать здраво, думаю, хорошо, что мы «Мертвые души» не поставили. А то, чувствуется, мы бы там та-а-а-а-кого наколбасили б, что мама дорогая!

P.S. Все возможные совпадения в названии городов, фамилий, номера школы и т.д. случайны. Автор не несет никакой ответственности за эти совпадения.

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

P

Гайто Газданов

Княжна Мэри

Их всегда было четверо, трое мужчин и одна женщина, и раз в два-три дня они приходили в одно и то же кафе, недалеко от скакового поля, садились за столик, заказывали красное вино и начинали играть в карты. Потому, что все они были очень бедно одеты, и потому, что каждый из них давно перестал заботиться о своей наружности, было трудно определить их возраст. Но все они принадлежали приблизительно к одному поколению, и каждому из них было, конечно, за пятьдесят. Женщина, которая их сопровождала, — или которую они сопровождали, — была всегда в одном и том же черном, лоснящемся платье, худая и темнolica: было очевидно, что ей пришлось пройти в своей жизни через множество разрушительных испытаний. У нее был хрипловатый, низкий голос и особенное выражение какой-то запоздавшей дерзости в глазах, которая теперь казалась явно неуместной. Один из мужчин, человек с черно-седой щетиной на лице, всегда приблизительно одинаковой, так что, получалось странное впечатление — можно было подумать, что он никогда не брился, но, в силу удивительной игры природы, его щетина не делалась ни длиннее, ни короче, как у покойника, — был одет, казалось, раз навсегда, в очень запачканный серый дождевик — зимой, весной и летом. Шляпы, приобретенной, вероятно, одновременно со всем остальным, он никогда не снимал. Против женщины сидел человек в кепке, рыжем пиджаке и черных штанах; он был единственным из четверых, чье прошлое было легко определить по раздавленному носу и расплюснутым ушам, по тому, что он был широк в плечах, и его движения сохранили до сих

Писатель, чье имя два десятилетия назад знали во всем Советском Союзе лишь несколько человек, да и то случайно, сегодня признан классиком русской литературы XX столетия.

Гайто Иванович Газданов (1903-1971), осетин по крови, русский по воспитанию и духу, покинул родные берега вместе с врангелевскими войсками осенью 1920 года. Он — один из немногих эмигрантов, сумевших выдаться от Родины, во Францию, стать по-настоящему русским писателем, виртуозно владеющим словом и умеющим передать в своем творчестве чувства, мысли, смятение, поиски смысла миллионов соотечественников, выброшенных на чужбину взрывной волной революции и гражданской войны. Он — реалист, но ни на кого не похожий. Его насыщенный живым временем, точными деталями, проникновением в каждую душу текст завораживает и втягивает в себя читателя, заставляет переживать за героев и вместе с ними.

Автор девяти романов и пяти десятков рассказов, Газданов вошел в русскую литературу прочно и надолго. Закончивший свой земной путь тридцать шесть лет назад, он, бесспорно, один из самых современных писателей уже XXI века. А его роман «Вечер у Клэр» (1929 г.) ныне включен в школьную программу. Если бы при жизни автора кто-нибудь ему напроорочил подобное, он бы счел это издевкой. Слава Богу, что история неуклонно, пусть и медленно, расставляет все по своим местам.

пор, несмотря на годы, тяжеловатую точность. И, наконец, последний был невысокий человек с дергающимися щеками и особенным выражением лица, тревожным и незначительным в то же время. Он отличался от других тем, что у него было несколько костюмов и два пальто. Но так как все эти костюмы и оба пальто были давно и безнадежно заношены в одинаковой степени, то явное его пристрастие к переодеванию было, в сущности, совершенно напрасной тратой времени.

В начале вечера они все были молчаливы. Мне пришлось — в силу целого ряда случайностей — неоднократно встречать их в этом маленьком кафе возле скакового поля, и первое время все получалось так, что я уходил оттуда вскоре после того, как они там появлялись. Я их, однако, запомнил сразу же, с той ненужной и автоматической точностью, от которой мне было так трудно избавиться, и которая перегружала мою память множеством совершенно лишних вещей. Несколько позже, когда мне приходилось оставаться в этом кафе до ночи, я слышал их разговор за игрой и мало-помалу составил себе приблизительное представление о том, что определяло сложную систему их отношений между собой. Как это ни казалось — в одинаковой степени — печально и оскорбительно, эту женщину с каждым из ее спутников связывало то, что они называли любовью. Насколько я понял, в центре этих — в конце концов, эмоциональных — движений находились женщина и человек в дождевике и шляпе. Двое других, бывший боксер и четвертый спутник, казалось, проводили время в постоянном ожидании счастливого случая, который позволит им занять место ее избранника со щетиной. Было трудно сказать, на что именно они рассчитывали: на скоропостижную смерть их счастливого соперника, на случайный припадок слабости их героини, на ту степень опьянения, когда становится возможным то, о чем в трезвом виде остается только бесплодно мечтать. Так или иначе, но на этой почве между ними никогда не было никаких недоразумений.

Самым удивительным мне показалось то, что человек со щетиной и шляпой, которую он не снимал ни при каких обстоятельствах, пользовался и со стороны женщины, и со стороны ее спутников несомненным уважением, причина которого мне долго была не понятна. Только значительно позже я узнал, отчего это происходило — из короткого разговора, поводом для которого послужили соображения, относившиеся к только что конченной игре в карты. Это был первый спор между ними, который я услышал. И тогда же я заметил, что человек со щетиной, в отличие от своих партнеров, говорил по-французски неправильно и с сильным русским акцентом. Защищая его от нападок бывшего боксера и худенького мужчины с прыгающими щеками, темнолицая женщина сказала своим хрипловатым голосом, что они оба ему в подметки не годятся и что они должны понимать его бесспорное превосходство. Никто из них против этого не возражал, и было очевидно, что они с этим были согласны. Только человек с тревожным и незначительным лицом ответил, что, конечно, он все понимает, но ведь он — тоже не первый встречный, как он выразился.

— Не забывай, что я — артист, — сказал он.

Я думаю, что он должен был тотчас же пожалеть о своих словах, так как женщина не дала ему продолжать.

— Артист? — сказала она с необыкновенным презрением в голосе. — Артист? — Она была настолько возмущена, что перешла на «вы». — Вы — артист? В каких пьесах вы играли? В каких театрах? Когда?

— Я играл... — сказал он чрезвычайно неуверенным голосом.

Было очевидно, что катастрофический для него исход этого спора был предрешен.

— Вы играли двадцать пять лет тому назад, — сказала она, — и вас выгнали из театра потому, что у вас не было таланта, monsieur.

Мне показалось, что лицо боксера побледнело, когда он услышал это слово — monsieur. Худой человек умолк, но женщина продолжала говорить все в том же презрительном тоне. Она, во-первых, отрицала, что человек со щетиной играл не так, как нужно, — в чем его обвиняли партнеры. Во-вторых, по ее словам, если даже допустить, что он играл действительно не совсем так, как следовало, то они, боксер и худой человек, не должны были забывать, что, соглашаясь сесть с ними за стол, он оказывает им честь, и они должны это ценить. Никто ей не возражал, и спор прекратился.

Два слова, «monsieur» и «honneur»*, могли показаться удивительными в устах этой женщины. Но я знал, что идеи иерархического предпочтения сохраняли свою силу почти во всех кругах человеческого общества и среди несчастных, обездоленных людей, на том отрезке их жизни, который отделял их от смерти на улице или в тюремной больнице, понятие о чести или социальном преимуществе упорно продолжало существовать, несмотря на то, что, казалось, давно потеряло какой бы то ни было смысл. Мне хотелось понять, чем объясняется это загадочное и несомненно иллюзорное превосходство человека со щетиной над его партнерами, настолько бесспорное, что они против этого не возражали. Я обратился за справками к гарсону. Он сообщил мне о них все, что знал. Человека со щетиной звали почему-то женским именем — Мария. Бывшего боксера звали Марсель, худощавого человека — Пьер. Имя женщины было Мадден. Худощавый человек действительно в свое время был актером, но очень недолго. Марсель действительно был боксером, и, когда гарсон назвал мне его фамилию, я вспомнил отчеты об его матчах, лет пятнадцать-двадцать тому назад, которые я нашел однажды, роюсь в архивах спортивного журнала. Мадден в свое время была портнихой. Преждевременный конец карьеры каждого из них объяснялся, по словам гарсона, одним и тем же: пристрастием к азартным играм и красному вину. О человеке с женским именем гарсон сказал вещь, которая мне показалась явно неправдоподобной: мужчина, по имени Мария, был известным русским писателем.

Я их увидел еще раз через несколько дней после этого разговора с гарсоном. Был вечер зимнего, холодного дня. На дворе шел мелкий снег, сквозь легкий туман мутно светили уличные фонари. Не знаю почему, все в тот вечер доходило до меня сквозь эту мутную призрачность снега, фонарей, зимних, пустынных улиц. Я шел пешком из одного конца города в другой и, как это уже неоднократно со мной бывало, потерял точное представление о том, где я нахожусь и когда это происходит. Это могло быть где угодно — в Лондоне или Амстердаме — эта перспектива зимней улицы, фонари, мутное освещение витрин, беззвучное движение сквозь снег и холод, неверность того, что было вчера, неизвестность того, что будет завтра, ускользающее сознание своего собственного существования и все преследовавшие меня в тот вечер чьи-то чужие и далекие воспоминания о Петербурге, и эти магические слова — «Ночь, улица, фонарь, аптека», — весь тот исчезнувший

*честь (фр.)

мир, которого я никогда не знал, но который неоднократно возникал в моем воображении с такой силой, какой не было у других воспоминаний о том, что действительно происходило со мной за эти долгие годы, наполненные спокойным отчаянием и ожиданием чего-то, чему, быть может, никогда не было суждено случиться.

И именно в этот вечер я опять увидел их в том же кафе, где они бывали, и куда я вошел машинально, даже не думая, зачем я это делаю. Они сидели, как всегда, за столом и играли, как всегда, в карты. Но, вероятно, от того, что я находился в особенном, необычном расположении духа, они мне все показались не такими, какими казались всегда. И, несмотря на то, что угол кафе, где они сидели, был освещен не больше и не меньше, чем каждый вечер, мне показалось, что они возникают в почти рембрандтовских сумерках, из неопределенного прошлого. Я подумал о том, что в них всех были какие-то элементы вечности: с тех пор, как существовали люди, во всех странах и во все времена, существовало и то, что определяло жизнь каждого из них: вино, карты и нищета; и их профессии — портниха, актер, боксер или гладиатор и, наконец, писатель. И вдруг мне показалось, что я совершенно отчетливо услышал чей-то далекий голос, который сказал по-французски эту фразу:

— Mais ils ne sont sortis de l'éternité que pour s'y perdre de nouveau.*

Я перестал бывать в этом квартале Парижа и в этом кафе и только случайно вернулся туда почти через два года после того, как последний раз видел там этих людей. Их там не было. На следующий раз, через несколько дней, тоже. Наконец, однажды, когда я снова туда пришел, я увидел Марию. Но он был один. Он сидел за тем же столиком, где раньше они сидели вчетвером, перед стаканом красного вина и неподвижными глазами смотрел прямо перед собой. Его, казалось, ничто не могло изменить — та же щетина, та же шляпа, тот же дождевик. И тот же акцент, — я в этом убедился через несколько минут, когда возникло недоразумение между ним и гарсоном, который не хотел больше верить ему в кредит и грозил вызвать полицейского. Я подумал, что судьба дает мне удобный предлог для знакомства, заплатил за его вино и предложил ему выпить еще, на что он немедленно согласился. Я сел против него, заказал себе кофе и спросил по-русски:

— Простите, пожалуйста, что стало с вашими спутниками?

— А? — сказал он. — Вы их знали?

— Да, я неоднократно вас видел здесь всех вместе, это было года два тому назад.

— Да, да, — сказал он. — Это было хорошее время. С тех пор многое изменилось. Они оба умерли — и Марсель, и Пьер. Пьер как-то вернулся домой немного выпивши и забыл закрыть газ в кухне. Марсель умер скоропостижно, на улице — сердце. Мадден сейчас — в больнице, вот уже третий месяц. Почему вас все это интересует?

Потом он, наконец, заговорил о литературе, и тогда стало очевидно, что это действительно было главное в его жизни. Он не сказал мне, что именно он пишет теперь, и только упомянул о том, что он — сотрудник одного из самых распространенных русских журналов и что ему приходится много работать за ничтожную плату. Зато он говорил о другом, о своих прежних произведениях и их печальной судьбе. Он страдал, как мне показалось,

*Но они вышли из вечности, чтобы снова там потеряться. (фр.)

особенной формой мании преследования, впрочем, довольно распространенной: он был жертвой зависти, интриг и безмолвного литературного заговора, в котором участвовали самые разные люди. Одни из них завидовали его таланту, другие боялись его конкуренции, и поэтому, как он сказал, его нигде не печатали. По его словам, он печатался в прежние времена в России, где у него был большой успех. По одному этому наивному выражению «большой успех» можно было судить о его простодушии, как по остальным его высказываниям — о его неиспорченности, против которой оказались бессильны жестокие внешние обстоятельства его жизни и множество других, не менее неблагоприятных вещей. Даже тех, кто делал все, чтобы не дать ему возможности печататься здесь, за границей, он не склонен был очень обвинять.

— Вы знаете, — сказал он мне, — эти люди держатся за свои места в редакциях, это понятно. Другие, помоложе, эти самые модернисты, они из кожи лезут вон, чтобы выдумать что-нибудь необыкновенное. А я — художник. Я пишу о том, что вижу, больше ничего. И это есть настоящая литература.

Через некоторое время я снова встретил его в том же кафе, опять одного. Он никогда не бывал по-настоящему пьян; но с таким же правом можно было сказать, что он никогда не был трезв; он неизменно находился в промежуточном состоянии, похожем на какой-то ускользающий от точного определения переходный момент алкогольной эволюции. Он был близок к опьянению, но не пьян, и в этом было нечто вроде почти математической недостижимости, как в теореме о пределах вписанных и описанных многоугольников. В этот раз он вынул из кармана рукопись, напечатанную на машинке, и дал мне ее, чтобы я ее прочел.

Это был довольно короткий роман — и я читал его с чувством тягостной неловкости. Он был написан от первого лица, и его героиней была женщина. Несмотря на дурной вкус, с которым это было сделано, на невероятное количество многоточий и восклицательных знаков, на явную, нищенскую бедность языка, было очевидно, что выполнению этой книги предшествовало огромное и мучительное усилие воображения. Каждое физическое и душевное состояние героини было описано во всех подробностях. Это было неправдоподобно, но было сделано с необыкновенным богатством деталей и с явной любовью к этому сюжету, который не стоил и десятка строк. Конечно, героиня была очень красивой женщиной, никто никогда не мог оценить ее редкого душевного очарования, и она кончала самоубийством. Роман назывался «Жизнь Антонины Гальской».

В тот день — это было начало февраля — когда он передал мне свою рукопись, я видел его последний раз в моей жизни. Когда я вернулся в это кафе, примерно через месяц, гарсон сказал мне, что он умер в больнице от болезни печени. Гарсон передал мне записку на разграфленной в клетку бумаге, такой же самой, на какой был напечатан его роман. В этой записке, написанной по-французски с орфографическими ошибками, меня просили прийти в это же кафе, тогда-то, в таком-то часу. Записка была подписана Мадлен.

Свидание было на следующий день. Мадлен пришла в своем черном платье, такая же худая и темнелица, как всегда. Но мутные ее глаза были печальны, и в них оставалось больше того запоздалого выражения дерзости, которое поразило меня, когда я увидел ее первый раз. Она говорила мало и с усилием. Она сказала мне, что он умер, что он был известным русским писателем, что

на его имя продолжают приходить письма от читательниц. Она просила меня пойти с ней и взять его рукописи. Он ей сказал перед смертью, что их надо передать именно мне, потому что я был единственным человеком, который его по-настоящему понял и оценил. Мадден не могла захватить их с собой, так как с утра ушла в город и не успела побывать дома. Я пошел с ней.

Мы долго поднимались по узкой каменной лестнице, мимо темных дверей с давно облупившейся краской. Над нами и под нами, в неподвижном холодном воздухе, на разных этажах, слоями стояли запахи кухни, белья, капусты, лука, золы, плыла далекая струя оскорбительно одуряющих духов: по-видимому, некоторое время тому назад наверх прошла какая-то проститутка, и ее одеколонный след пересекал эту вертикальную последовательность удушливых прослоек. На самом вершине лестницы, на последней ее площадке, Мадден отворила дверь, которая, вероятно, никогда не запиралась, и мы вошли в комнату, точно похожую на те, описания которых в бульварных романах мне всегда казались преувеличенными. В ней был земляной пол, две кровати из ржавого железа, разбитое зеркало, выщербленный таз для умывания, две табуретки, гвозди, вбитые в стену вместо вешалок, и маленький узкий стол, на котором стояла керосиновая лампа с жестяным рефлектором.

— Мы прожили с ним здесь вместе много лет, — сказала Мадден. — Иногда к нам приходили друзья, Пьер и Марсель. Они оба умерли, так же, как и он. И все это случилось так быстро, monsieur, так быстро.

Я слушал ее отрывистые слова — и меня вдруг поразила необыкновенная выразительность ее низкого и хриплого голоса. И мне показалось — это было нечто вроде слуховой галлюцинации, — что именно этот голос произнес ту фразу, которой никогда никто не говорил, и которую слышал только я:

— Mais ils ne sortis de l'eternite que pour perdre de nouveau.

Я взял сверток рукописей. Мадден сказала:

— Благодарю вас, monsieur. Он мне сказал, что вы к нему хорошо относитесь. Если я могу вам быть полезной, рассчитывайте на меня.

«Если я могу быть вам полезной...» В этом было какое-то странное смешение понятий, настолько неестественное и почти что жуткое, что мне на минуту стало не по себе. Я поблагодарил Мадден и пожал на прощание ее жесткую руку.

— Он сотрудничал в русском журнале «Парижская неделя», — сказала она, — я не могу вам дать номера этого журнала, я оставила их себе на память.

Я сказал, что я понимаю ее, и ушел.

Я стал разбирать эти рукописи в тот же вечер. Я был один в своей квартире, и, после того, как я побывал в комнате Мадден, я испытывал тягостное ощущение напрасного стыда за все, что меня окружало, и на что я до сих пор никогда не обращал внимания: обои, ковры, вешалки, диван, кресла, ванна, книги на полках. Первая же статья, которую я начал читать, меня удивила. Она называлась «Женщина в сорок лет» и начиналась так: «Время бежит незаметно. Жизнь тклет свою пряжу. Казалось, только вчера вам было двадцать лет. Сегодня вам может быть тридцать два года. Еще немного, и вот уже приближаются фатальные сорок лет. Но не надо отчаиваться. Если вы юны и стройны, то только ваше лицо может выдать ваш возраст, поэтому надо обратить все внимание на макияж».

Дальше шли подробные советы — как следует пудриться, каким должен быть крем для лица и так далее. «Будьте осторожны в выборе красок. Контрасты, — избегайте контрастов! Сглаживайте дефекты. Употребляйте па-

левые тона для век. Одно яркое пятно на вашем лице — рот. Он придает лицу мягкость». «Воздерживайтесь от крепких спиртных напитков». «Если вы будете всегда в ровном настроении, с ясной душой, вы долго еще, на радость тем, кого вы любите, будете юны не только душой, но и туловищем».

Статья была подписана: «Княжна Мэри». Я стал читать дальше — все было приблизительно то же самое. «Культурные нации давно поняли, что массаж лица не только не мешает, а наоборот, способствует культуре духа. Об этом писали еще римляне». «Для массажа подбородка — давите сильнее. Не бойтесь, это безопасно, так как там у вас кость». «Избегайте слишком сильно пудрить нос: от этого он увеличивается в размере».

«В светском разговоре необходимо показать скромный, культурный блеск. Цитируйте стихи. Но не те, которые все знают наизусть. Цитируйте, например, такие стихотворения, как то, которое напечатано в одном из предыдущих номеров нашего журнала:

*Грациозна и смугла,
Вся и счастье и измена,
Улыбаяся прошла
Кадиксанская морена...»*

Потом шли описания туалетов. «Очень элегантен, хотя несколько строг ансамбль из черного крепдешина. Зеленые листья инкрустированы возле талии и по всему манто труа кар». «Вечером носят светлые тона: цикламен, гелиотроп, лиловый». «Платье шемизье классического фасона».

И всюду одна и та же подпись: «Княжна Мэри».

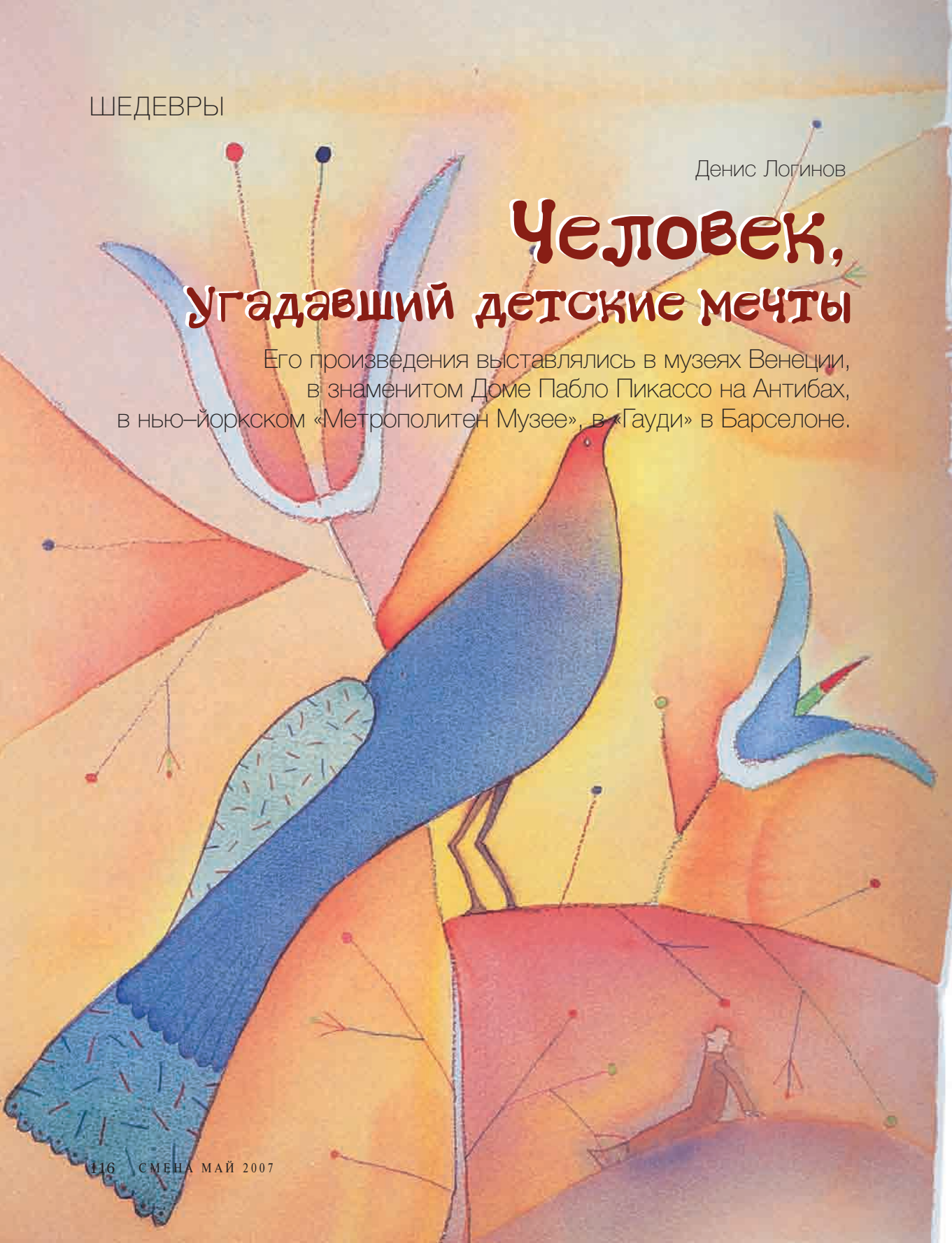
Я отложил рукописи в сторону. В тот вечер я ощутил с необыкновенной отчетливостью, которой потом, позже, не могли восстановить никакие усилия моего воображения, всю призрачность этой человеческой жизни. Все, что казалось чем-то печально неопровержимым и непоправимым в существовании этого человека, все это были неважные, в конце концов, подробности. Все: и жестокая нищета, и одутловатое от вина, небритое лицо, и дряблое мужское тело, и порванный дождевик, и брюки с бахромой, и дурные запахи, и плохое знание французского языка, и невежественность, и полная невозможность присутствовать когда бы то ни было на каком бы то ни было «светском приеме», где надо цитировать стихи и показывать скромный, культурный блеск, — все это было совершенно несущественно. Потому что, когда этот человек оставался один, в том мире, который был для него единственной реальностью, с ним происходило чудесное и торжественное превращение. Все приходило в движение: смещались мускулы, сбегались линии, звучали стихи и мелодии, вспыхивали электрические люстры, в воздухе плыли классические и строгие ансамбли из черного крепдешина, раздавался безупречный французский выговор: вечерний прием у британского посла в Париже, на Rue du Eg. St. Nonore. И если бы у моего бедного знакомого, судьба которого так внезапно пересекла мою жизнь, хватило сил на последнее творческое усилие, то на серой простыне больницы койки, вместо окостеневшего трупа старого нищего, лежало бы юное тело княжны Мэри — во всем своем торжестве над невозможностью, временем и смертью.

*Публикация Станислава Никоненко.
Иллюстрация Филиппа Садового*

Денис Логинов

Человек, Угадавший детские мечты

Его произведения выставлялись в музеях Венеции, в знаменитом Доме Пабло Пикассо на Антибах, в нью-йоркском «Метрополитен Музее», в «Гауди» в Барселоне.

Можно с уверенностью сказать, что ни одной работы бельгийского художника Мишеля Фолона в российских музеях не сыскать.

В Бельгии же его монументальная живопись украшает центральную станцию метро в Брюсселе.

В Англии великолепный пейзаж Мишеля Фолона видит каждый, кто прибывает на лондонский вокзал Ватерлоо.

Он был не только прекрасным художником и скульптором, но и великолепным актером, снявшимся, по меньшей мере, в пяти фильмах. А в 1981 году даже удостоен премии за лучшее исполнение мужской роли в нашумевшей тогда картине «Моя обнаженная любовь».

Легенда французского шансона — Ив Монган — напевал ему свои новые песни, а писатель Филипп Делерм посвятил Фолону романтическую книгу под названием «Человек, который пьет время».

Герой этой книги, чьими глазами мы видим все происходящее, — оживший персонаж акварели знаменитого бельгийского художника. Это человек, живущий в стеклянном шарике, пузырьке воздуха, заключенном в хрупкую прозрачную оболочку. У него нет ни прошлого, ни будущего, ни воспоминаний, ни планов. Но он все-таки выходит из своего вечного детского состояния, потому что встретил родственную душу — человека, пьющего время. Ведь если время течет, значит, его

можно и пить. Но только как воду реки забвения...

Одну из оригинальных скульптур Фолона можно увидеть на берегу Северного моря, в городке Кнокке. Маленький человечек в длиннополом пальто сидит у самой кромки воды на городском пляже. Во время прилива остается видна только его голова в широкополой шляпе, смотрящая в темную морскую даль. В новогоднюю ночь 1999 года Мишель Фолон окружил скульптуру 2000-ми свечей. Их дрожащие пламенные огоньки символизировали вступление человечества в третье тысячелетие.

К этому времени к заслугам Мишеля Фолона прибавилось высокое звание «Посол Мира фонда ЮНЕСКО», а президент Франции вручил

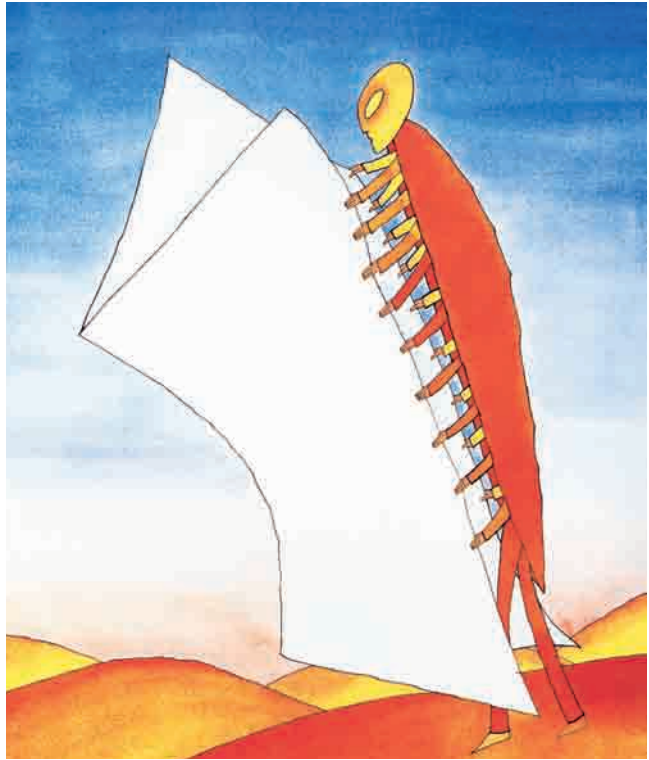
ему высшую награду страны «Орден Почетного Легиона».

Мишель Фолон иллюстрировал книги Мопассана, Кафки, Апполинера, Бредбери. Его рисунки — на страницах всех изданий французского поэта Жака Превра. И, как утверждает сам Фолон, настоящее его призвание — рисовать и делать забавные скульптурки для самых благодарных зрителей — детей — родилось после стихотворения Превра «Как нарисовать птицу».

*Сначала вы рисуете клетку,
В клетке — что-то приятное
для птицы,
А когда птица влетает внутрь,
Осторожно стираете дверцу.
Технология проста и поэтична....*

Фолон нарисовал птицу одним движением карандаша, а поэзия пришла вместе с удивительным розово-лиловым фоном. Рисунок превратился в романтический мир детской мечты, из которого так не хочется уходить.

Семь лет назад в 20 километрах от Брюсселя Мишель Фолон отремонтировал большую заброшенную ферму и открыл там удивительную, известную во многих странах галерею своих картин и скульптур. За несколько лет ее посетило почти треть миллиона человек! В первую очередь она предназначалась, конечно, детям. Но не меньший восторг вызывает и у взрослых людей. Хранители экспозиции «Фондасьон Фолон» (так называется развернутая в десятках залов экспозиция) рассказывают, что однажды в ресторанчике, расположенном неподалеку, устраивался торжественный прием на самом высоком уровне. После изнурительных совещаний в Брюсселе сюда, на вкусную трапезу, пригласили президентов и глав

всех государств Европейского Союза. А перед этим организовали им небольшую экскурсию по галерее Мишеля Фолона. Но экспозиция настолько захватила «сильных мира сего», что начало званого ужина задержалось почти на два часа! А за уставленными яствами столами только и говорили про удивительную коллекцию.

И было еще одно трогательное событие. На выставку картин привезли группу слепых мальчиков и девочек. И сам Мишель Фолон водил их по залам, держа за руки и объясняя, как он нарисовал свою знаменитую птичку, как изобрел многоцветный карандаш, давал подержать в их необыкновенно чувствительных руках свои скульптурки. А дети наперебой тянули к нему свои ручонки, чтобы дядя-волшебник оставил на них свой

автограф. В память того, что они «увидели» своей трепетной душой.

Хорошо известно, что в детском сознании любая картина представляется кусочком реальности, которая только застыла и почему-то не движется дальше. Как будто сказка, прерванная на полуслове. Никто не нарисует так, как ребенок. Ведь он часто не отделяет себя от окружающего мира. Он смешивает краски, цвета и запахи и сам становится всем, к чему прикоснется.

Это прикосновение к прекрасному и загадочному начинается сразу у входа, после того, как посетители как будто проходят сквозь стену, оказываясь лицом к лицу с миром Фолона.

На рисунках, плакатах, на удивительно простых и забавных фигурках длинноносых птичек как бы лежит отсвет дня, то ли едва занявшегося, а, может быть, и угасающе-

го. В залах — большое количество зеркал. В них отражаются картины и скульптуры. Некоторые экспонаты обрамлены большими плоскими зеркальными стеклами, и от этого возникает головокружительное ощущение счастливого цветного полета.

И на всем — зыбкий, неверный розовый оттенок или голубая дымка легкой печали, первое утро мира. Оно теплыми волнами поднимается с земли, как огромный волнующийся от прохладного ветерка занавес.

И если внимательно присмотреться к глазам посетителей, то можно увидеть их желание войти в это волшебство и сладко заснуть там, покачиваясь в зыбком свете.

«Как красиво, ну, до чего красиво», — только и слышится от взрослых и детей.

Но одной красоты для этой выставки недостаточно. Зрителей как бы тянет от одного разноцветного уголка к другому. Их увлекает неутомимый и захватывающий поток, непонятная потребность двигаться, переходить к чему-то более загадочному. И это — поразительно. Ведь в художественные музеи ходят для того, чтобы остановить время перед закованным в раму живописным полотном. А в галерее Мишеля Фолона хочется струиться в пространстве, ничего не понимать и ни к чему не прикасаться, чтобы лучше раствориться и смотреть, смотреть, смотреть...

Художник как бы говорит: «Я — ваш неведомый друг. Я пришел на Землю для того, чтобы создать между нами хрупкую связь. Любовь, дружбу, нежность...»

Наверное, именно для этого в произведениях Фолона существует по-детски круглый и по-детски совершенный мир, где все перемешано в постоянном кружении: тревога и безмятежность, прохлада простыней и головокружительная пропасть водопадов, ясный свет в лесу и темно-зеленая вода угрюмых рек. Все здесь вперемешку. Но счастье и горести этого мира никогда не бывают неподвижными. Сотни больших и маленьких работ, деревянных человечков, корабликов из разноцветных щепочек сами переходят в другие, маленькие мирки. Они вращаются во всех направлениях, сталкиваются и перебегаются.

Иногда какая-нибудь картинка всплывает на поверхность и заглядывает в зеркала, отыскивая себя, ожидая от них ответа. Пока, наконец, вы не выходите из удивительного мира Мишеля Фолона, как из долгого сна, с открытыми глазами в солнечных, теплых лучах.

... В сентябре 2004 года множество людей, прильнувших к телевизорам, плакали, видя репортажи из школы города Беслана. Рыдали и многие жители итальянской Флоренции. А через несколько месяцев флорентийские власти постановили назвать именем «Мальчиков и девочек Беслана» одну из городских площадей.

Потрясенный решением мэрии, Мишель Фолон — художник с мировым именем, специально приехал во Флоренцию, чтобы установить в центре этой площади свою новую скульптуру — «Человек Мира». Человек, для которого нет границ, не существует чужой боли и чужих трагедий.

Поразительная символика! Город-музей, в котором творили Данте и Петрарка, Боккаччо и Микеланджело, Леонардо да Винчи и Макиавелли, город, переживший тиранию Медичи, родина капитализма, первой общеевропейской валюты и первой в мире забастовки. Флорентийцы, как никто дру-

гой, знают — история не бывает плохой или хорошей. История — это то, что было. Даже если было в далеком от Италии, маленьком североосетинском городке.

«Для меня каждый год — как ребенок, бегущий навстречу», — сказал однажды Мишель Фолон. Он был уже неизлечимо болен. Но и прикованный к постели безжалостной лейкемией, собрав последние силы, рисовал на листочках бумаги своими особенными четырехцветными карандашами летящих в небесном мареве сказочных аистов.

Потом, счастливый от того, что удалось еще хоть что-то сделать для детских улыбок, для мира из которого он скоро уйдет, засыпал недолгим сном. И однажды заснул навсегда...

...На ферме «Фондасьон Фолон» за густой зеленью хрипели вечерние петухи, сквозь облака светило тусклое, красно-фиолетовое, настоящее «фолоновское» солнце.

Во дворе, возле копии «Человека Мира» маленький мальчик пытался разгадать, куда же смотрит своими полосочками-глазками бронзовый человек.

И вспомнилось, как два года назад на этом же, до предела заполненном народом дворе, великий художник отправился в свой последний путь.

Уезжающую колонну траурных автомобилей, как и положено, когда прощаются с прекрасными людьми, все провожали аплодисментами.

И только Изабель, маленькая слепая девочка, тихо сидела на плечах у папы. Она тянула вверх ладошку, на которой, как ей казалось, еще сохранилась розовая птичка, нарисованная Мишелем Фолоном.

И ТАКАЯ ЖИЗНЬ

...Та сигнализация, с которой все и началось, была настоящим бичом многоэтажного дома по улице 800-летия Москвы. Она визжала от малейшего дуновения ветерка, выдергивая из сна всех жильцов по три-четыре раза за ночь. Владелец, нагловатый молодой парень Тимур, не реагировал ни на замечания, ни на просьбы отрегулировать систему и даже на ночной обстрел авто сырыми яйцами – он просто переставил машину под густое дерево, где она благополучно продолжала орать.

Страдали все, особенно старики, которых в доме было много, и родители нескольких грудничков, поднимающих крик каждый раз, стоило сигнализации заработать. Народ не высыпался. Напряжение накапливалось...

Анастасия Климская

Будни авт киллера

— Эх, взять бы монтировку да разукрасить эту заразу... Но страшно! — эта фраза прозвучала со скамейки, где собрались пенсионеры, как раз в тот момент, когда Олег Медведев (фамилия изменена) рылся в карманах в поисках магнитного ключа от подъезда. Это и стало моментом «икс».

Окна квартиры Олега выходили на другую сторону, но сирена раздражала и его. Один раз он пытался поговорить с Тимуром, но сразу понял, что это бесполезно. Нужно действовать, но как? В рамках закона управы практически не было, в этом уже убедились те, кто писал заявления участковому. Оставалось либо действительно взять монтировку (а это уже подсудное дело), либо терпеть дальше.

А если... а если не монтировку?..

Следующей ночью, около двух часов, проклятая сирена в очередной раз завывала, и почти сразу же раздавался страшный грохот, и полыхнуло пламя. Весь дом вскочил с кроватей, бросился к окнам и увидел яркий факел под деревом, крона которого тоже занялась огнем. Горела та самая «десятка», принадлежащая Тимуром. Сам Тимур уже несли в одних трусах на улицу, зачем-то держа в руке кухонный топорик. Преступника он, конечно же, не нашел, да и не было его поблизости: по словам приехавших оперативников, сработало самодельное взрывное устройство, замкнутое на сигнализацию. К счастью, никто не пострадал — машина стояла далеко от окон и пешеходной дорожки.

Наверное, Тимур имел врагов и помимо жильцов дома. Во всяком случае, шума он поднимать не стал, а просто купил через месяц новый автомобиль и поставил его на стоянку на соседней улице. Во дворе дома установилась благодатная тишина.

Комментирует зам. начальника
следственного отдела ОВД
В.Б. Григорьян:

— Автомобильный киллер — это профессия, даже целая «ниша» в криминальном мире. Спрос на данных специалистов достаточно велик, ведь далеко не каждый решится (и может себе позволить) «заказать», допустим, зловредного начальника, а вот его машину — милое дело. И дешевле, и никаких убийств, ведь машина, не человек, это, просто кусок металла, которому не больно.

К пресловутым «подставам» автокиллеры никакого отношения не имеют. Их цель — повреждение или уничтожение транспортного средства, а вовсе не «развод» бедолага на деньги. Все оплачивает заказчик, и цена зависит от марки автомобиля, сложности задания, погоды, наличия поблизости представителей ГИБДД и так далее.

**Вот самые популярные
способы расправы.**

1. «Считка». В качестве орудия преступления используется крупногабаритный автомобиль (МАЗ, КАМАЗ, КАЗ). Либо спецтехника (бульдозер, снегоочиститель, трактор, автокран, асфальтоукладчик и т.п.). Машину, на которую поступил заказ, просто сдвигают другой машиной с места, толкают до препятствия (например, до стены) и с силой впечатывают в него, расплющивая иногда в гармошку. Даже при наличии свидетелей выглядит это так, будто нетрезвый водитель здорового грузовика наехал сдуру на мирную легковушку.

2. «Убить двух зайцев». Орудия — те же, но способ другой. Нужный автомобиль таранят так, чтобы он врезался в рядом стоящую машину. В результате, владелец лишается своей собственности и вдобавок оплачивает ремонт со-

~ и такая жизнь

седу, ведь сейчас на автогражданку мало кто полагается.

3. «Изъятие». Орудие – эвакуатор. Жертву увозят за город и сбрасывают в определенном месте с обрыва, под которым находится свалка. Машина обычно бьется вдребезги, но выглядит это так, словно угонщики (ведь вначале-то заявляют об угоне) избавились, наигравшись, от ненужной «тачки».

4. «Так и было». Орудия – инструменты и ловкие руки. Машина аккуратно разбирается на запчасти, которые разбрасываются в радиусе 500 метров от места преступления.

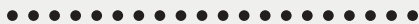
5. «Нападение стаи обезьян». Орудия: монтировка, кирпич, бейсбольная бита, металлический прут и тому подобное. Машина быстро, коллективными усилиями, уродуется до неузнаваемости.

6. «Химия». Автомобиль и асфальт под ним щедро поливаются серной кислотой.

Конечно, это далеко не все, ведь человеческая фантазия безгранична.

Совершенно не удивительно, что автовладельцы, наслышанные о деятельности «истребителей машин», сами организуются в группы для защиты своей собственности и действуют иногда весьма эффективно. В описанном случае, полагаю, на преступников напала именно такая группа.

Хозяевам же машин, особенно дорогих иномарок, можно посоветовать только лучше следить за своими автомобилями и, по возможности, не оставлять их вне гаражей и охраняемых стоянок.

Следующий взрыв прогремел на другом конце города и уничтожил «фольксваген гольф». Хозяин этой машины повалился останавливаться поздно вечером под окнами и весело сигнальте, оповещая о своем приезде даму сердца. И частенько уже за полночь.

Если бы все это происходило в детективном романе, и дело вел бы толковый опытный сыщик вроде Эркюля Пуаро, он, конечно же, быстро установил, что в доме, рядом с которым рванул злосчастный «фольксваген», проживала мама Олега Медведева. Но ОВД были разные, опергруппы выезжали тоже разные, да и мало ли в Москве всяких ЧП происходит, на все сыщиков не напаешься.

После третьего взрыва, уничтожившего красавицу «ауди», которая регулярно перегораживала всем выезд из двора в районе Филевского парка, Олег остановил возле его дома высокий молодой человек с приятной улыбкой и сразу, без предисловий, сказал:

– Слушай, нормальные люди так не делают. Это – дилетантство. Ты что, думаешь, ноу-хау открыл? – Парень засмеялся. – Да таких Робин Гудов до тебя было море. Но взрывать-то зачем? Ты что, мечтаешь с ФСБ пообщаться или просто боевиков насмотрелся?

Олег растерялся, и не знал, как реагировать. Незнакомец не проявлял ни малейшей агрессии, был настроен весьма дружелюбно, но чувствовалось, что все это дружелюбие мгновенно испарится, стоит лишь ответить что-нибудь не так. И чем все кончится, Бог знает.

– Понимаешь, но они... своими сиренами... – сдавленно пробормотал неудачливый борец за тишину.

– Да понимаю я! – Его собеседник махнул рукой. – Я сам так на-

чинал, бензобаки пробивал железнодорожным костылем. Было, было, не спору. Но если ты хочешь нормальных результатов, действовать надо профессионально. Все должно выглядеть, как ДТП, в крайнем случае, как простое хулиганство, но не как теракт с применением взрывчатых веществ!..

Оказывается, Олега вычислили еще после первого случая благодаря забавному совпадению: к профессиональным «автокиллерам» обратился жилец квартиры, выходящей окнами прямо на орущую «десятку», а через сутки снял заказ, объяснив, что машину взорвали. Это крайне заинтересовало ребят, и путем несложного расследования они выяснили имя негодяя. Оpozнав в нем начинающего «коллегу», посмеялись и забыли. Второй взрыв встревожил их сильнее. После третьего они решили: надо что-то делать.

— Ты бомбы сам собирал? — вечером того же дня, за ужином в небольшом кафе, спросил Олега новый знакомый, Сергей.

— Ну, да... Я ж приемник могу собрать, радицию. А чем бомба сложнее?

— А саму взрывчатку где берешь?

— Это *** (вещество, по понятным причинам, не называю — прим. автора), купил с рук по объявлению в газете.

Сергей расхохотался:

— Как я люблю этот город! Буквально все можно купить!.. А теперь послушай, что я хочу тебе предложить...

...Чем больше Сергей рассказывал Олегу о деятельности «автокиллеров», тем больше тому хотелось заняться новым делом. Особенно его поразило, что, оказывается, «убийцы машин» придерживаются определенного кодекса благородства. Например, не

берут заказов на уничтожение автомобилей, принадлежащих малообеспеченным семьям или одиноким женщинам с детьми, инвалидам, молодым отцам, старикам. Конечно, так образцово ведут себя далеко не все, некоторым безразлично, чье перед ними транспортное средство, лишь бы поломать в свое удовольствие.

В общем, Сергей Олегу понравился, и на предложение работать вместе он согласился, поскольку все равно сидел на случайных заработках.

— Пока будешь «бойцом», — сказал Сергей. — Если все пойдет нормально, станешь «бригадиром», тогда самому ломать ничего не придется.

Но на самом первом задании, куда Олег отправился в составе группы из пяти человек, его поставили на шухер. Объект им достался сложный — дорогой джип «лексус», припаркованный во дворе жилого дома почти в центре Москвы. Окна квартиры владельца (на втором этаже) выходили прямо на машину, и сделать что-либо незаметно, не привлекая внимания, было крайне сложно.

Часы показывали 0:55, когда группа подъехала в нужный двор и тихо, под прикрытием деревьев, приблизилась к автомобилю. Окна хозяйской квартиры еще светились, там работал телевизор. Бригадир, молодой парень невысокого роста, жестом велел Олегу обойти дом и стоять у подъезда на случай, если кому-то придет в голову выйти проверить машину. Олег подчинился, поэтому того, что, собственно, делали с джипом, он не видел. Около часа со стороны двора не доносилось никаких звуков, потом «дозорного» позвали. И только по пути обратно бригадир рассказал ему о проведенной операции:

— Такие тачки, сам понимаешь, ломать нельзя. Да еще под окнами. Все должно быть тихо. Поэтому через... — он посмотрел на часы. — ... через тридцать пять минут срабатывает устройство поджога, и «лексусу» — крышка. Там везде горячая смесь, и под капотом тоже. Не бензин, простой огнетушитель не возьмет. Пока разберутся, что к чему, выгорит до остова.

Второе задание они выполняли в ту же ночь, в другом районе города. Там все было просто.

Олегу даже разрешили поучаствовать. Подержанный «дэу» прицепили на буксир, вывезли за МКАД и сбросили в овраг, и без того уже заваленный ржавым железом.

Под утро бригадиру позвонили на сотовый телефон и назначили третий объект — «альфа ромео», стоящий у ограды оптового рынка. Вот тут Олегу удалось проявить свои творческие способности и использовать для «убийства» припаркованную рядом грузовую фуру с логотипом рынка, которую просто дотолкали до нужной машины и впечатали ее в стену магазина. Легковушке пришел конец, а фургон (у которого, на первый взгляд, просто отказали тормоза) почти не пострадал.

Днем Олег отсыпался, а вечером выехал на новое дело.

Постепенно работа, казавшаяся поначалу крайне увлекательной, больше похожей на какую-то игру, стала привычной. Даже криминальные сводки по телевизору, в которых иногда мелькали его «жертвы», он перестал смотреть — надоело. В конце концов, рассуждал молодой человек, эта работа не навсегда, рано или поздно появится другая, вполне законная, а эта забудется, как и остальные случайные подработки.

Примерно за год, что Олег посвятил автокиллерству, от его руки пало более 250 автомобилей — капля в море, если учесть, сколько сейчас автотранспорта колесит по Москве. Ни разу их группу даже не пытались задержать, хотя в нескольких случаях были свидетели.

Платили за работу неплохо, и Олег даже задумался о покупке собственной машины. Но совершенно неожиданно все закончилось!

Ранним утром, находясь на очередном «задании», Олег вдруг заметил группу мужчин, которые, стоя в отдалении, наблюдали за «бригадой». Почувствовав неладное, он предупредил «бригадира», но было уже поздно. Завязалась драка, в результате которой пострадали три человека, включая Олега — он лишился глаза. Но на этом неприятности не закончились: позже, днем, при обращении в травмпункт, его задержали и — после предъявления множества улик — он дал показания.

ИЗДАЛЕКА

Светлана Марлинская

«ДА СОХРАНИТСЯ ИМЯ МОЁ...»

Царевна Софья Алексеевна

— ...и возлагаю на тебя схиму, в коей будешь
именоваться ты...

Сестра Сусанна, инокиня Новодевичьего монастыря,
внезапно открыла глаза и приподнялась на своем ложе.
Смерть была уже совсем близко, стояла у изголовья:
вот-вот оборвется тоненькая ниточка жизни.

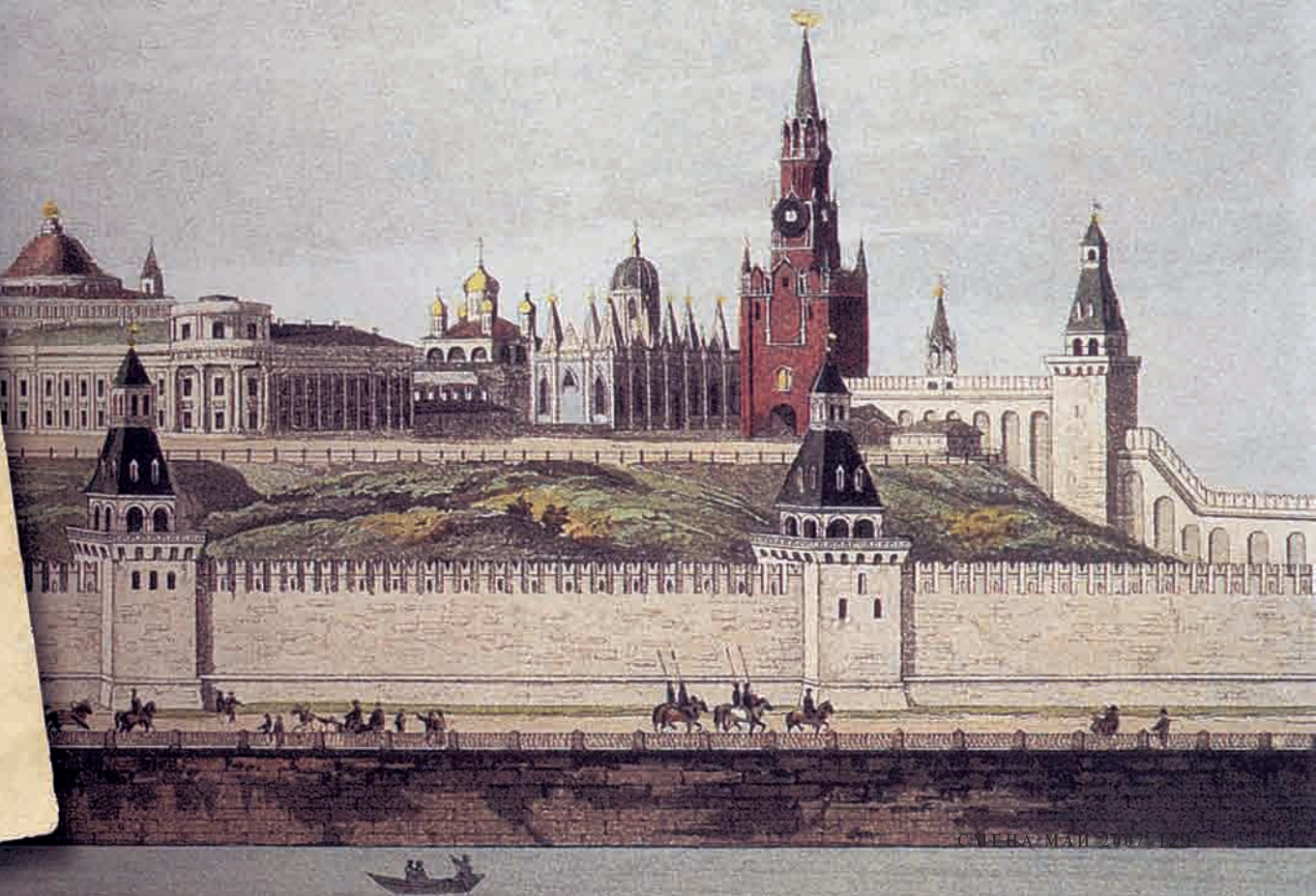
Но нужно успеть еще одно, последнее, самое важное...

— Софья, — шевельнулись бескровные губы
инокини. — Софья...

— ...будешь именоваться ты схимонахиней Софией, —
нараспев продолжал архимандрит Московский.

— Слава тебе, Господи!

Последние силы ушли на крестное знамение...

Якое весеннее солнце било в подслеповатые окошки кремлевского терема. Софья зажмурилась — и еще шире распахнула глаза. Праздник нынче, Светлая Пасха! Значит, службу стоять не в тереме, в особой палате, а в домово́й церкви, с батюшкой и матушкой, с братьями и сестрицами. И трапезничать потом вместе...

Софья соскочила с высокой постели, наскоро перекрестилась и бросилась к окну. Так и есть: праздник! Вон как птицы гомонят. Распахнула тяжелую створку и всей грудью вдохнула такой знакомый и любимый московский воздух.

— Ох-ти, Господи, — раздался позади нее испуганный голос, — негоже так поступать, царевна! А как простынешь?!

— Не простыну, мамушка! — весело отозвалась Софья. — Ништо мне не сделается! А на воле-то как хорошо...

— Чего ж там хорошего-то? — ворчливо заметила нянька Агафья, пестовавшая царевну с рождения. — Еще и снег не весь сошел, зябко, сыро... Вот лето наступит, пойдешь в садик с сестрицами...

Агафья решительно захлопнула окошко и накинула на воспитанницу теплую душегрею. Софья досадливо вздохнула: опять взаперти! И угораздило ж ее родиться царской дочерью! Боярышням да простолюдинкам хоть есть чего дожидаться: свадьбы. А ей? Либо в тереме состариться, либо в монастырь удалиться.

У государя Алексея Михайловича, прозванного «Тишайшим», шестеро дочерей да двое сыновей. Всего детушек государыня Мария Ильинична, из старинного рода Милославских, родила шестнадцать, да восемь, волею Божией, скончались в младенчестве. Сыновья беспокоили: здоровье слабое, дух весьма некрепок, а младший, Иван, и вовсе главою скорбный. Зато дочери, словно в насмешку, были здоровехоньки. К чему сие царевнам?

Замуж их, испокон веков, не выдавали: заморские женихи в государстве Российском тогда еще были не в чести: не православные. Свои же для царской крови считались слишком худородными. На обособленной женской половине, среди исключительно женского окружения, в молитвах и постах,

в занятиях рукоделием, в чтении церковных книг да в невинных девичьих забавах проходила жизнь... безвозвратно и бесследно.

Вот только Софья, подрастая, все чаще привлекала к себе отцовское внимание. Всегда умела настоять на своем, подчинить своей воле братьев и сестер. Выделялась и внешне: крепкая, резкая, лишенная малейших признаков девичьей нерешительности и застенчивости. И смысленая, ох, смысленая! В добрую минуту разрешил ей отец присутствовать при занятиях братьев с наставником — Симоном Полоцким. Так пока Федор с Иваном в буквах путались, сестрица их уже грамоту освоила, а самой всего-то девять годочков исполнилось.

И государь-батюшка, невзирая на недовольство окружающих, позволил Полоцкому заняться воспитанием царевны по-настоящему. Мудрый царь понимал: сыновья слабы, бояре при них все по кускам растащат, о пользе государственной не радея. Пусть братьям Софья дельное что присоветует, хоть бы и втихомолку.

Ожиданий отца она не обманула: училась легко и радостно, шутя осваивала языки, так что, вскоре получила разрешение пользоваться достаточно обширной царской библиотекой. Читала царевна взахлеб — на греческом, польском, латыни и, конечно, на русском. Герои древности — Византия, Рим, Запад, — вот что подстегивало воображение юной царевны.

А однажды батюшка дозволил взглянуть на театральное представление...

— Ну, виданное ли дело?! — привычно ворчала нянька Агафья, собирая с полу светелки гусиные перья. — Девица должна молиться или за пяльцами сидеть! А ты, свет мой, все пишешь, да пишешь... Эдак и умом тронешься, да и грех, чай, вирши-то складывать. От лукавого это...

Софья ее не слышала. Вирши сами складывались в ее голове и выплескивались на бумагу. Она писала свою пьесу, на манер тех, что видела в театре. Жаль, маменька скончалась, теперь рядом с батюшкой другая — мачеха. Молодая, красивая, да худородная: всего-то двести лет Нарышкины в боярах числятся. Но падчериц не обижает, хотя и не любит.

Ну, и они ее не больно-то привечают. Тем паче, батюшка при молодой жене про детей от прежней супруги совсем забыл. Только на нее и смотрит,

Царь Алексей Михайлович, 1629-1676.

*Царь Федор
Алексеевич,
1661-1682.*

только ею и дышит, особенно после того, как она ему сыночка родила, Петрушу. Ох, заморочила ведьма нарышкинская царя-батюшку, одурманила ласками греховными, оплела речами сладкими, опоила винами заморскими! Вся Москва только об этом и шепчется.

Софья отложила перо и нахмурилась. Все вирши, да вирши, чтение да рукоделие... А ведь уже девятнадцать лет исполнилось — перестарок. Что с того, что умна, что ковер, сотканый ее руками, лежит в царской горнице — для вящей отцовской гордости. Царица Наталья иголку в руки взять толком не умеет, сама дура-дурой, а замуж за государя вышла и женское счастье сполна вкусила. Кому лучше?

В дверях послышался какой-то шум, приглушенные голоса, вроде бы даже вскрики. Софья прислушалась: что там стряслось. И тут в ее светелку влетела сестра — царевна Катерина, простоволосая, зареванная, страшная...

— Батюшка померли! — выкрикнула она и завывала в голос.

Софья так и обмерла...

За гробом отца несли на носилках нового царя — благоверного Федора Алексеевича, хворого, безусого отрока, всего-то шестнадцати лет от роду. Бояре пристойно вздыхали: ничего, Бог управит. Первому Романову, Михаилу Федоровичу, тоже шестнадцать лет было, когда его на престол возвели, а процарствовал в благолепии тридцать с лишним лет. Хотя здоровья был не богатырского... Зато ближних бояр всегда слушал...

Федор Алексеевич, надев шапку Мономаха, преобразился: хоть и хворый, а умудрился и влюбиться, и жениться, да все — против воли бояр. Жену взял, как и покойный батюшка, худородную — Агафью Грушницкую, красавицу-полячку. То-то загомонили на Москве, вспомнив недоброй памяти Маринку Мнишкову, «царицу» заморскую.

Софья помалкивала, жену брата привечала, перенимала от нее иноземную моду и манеры, а сама тихонько, незаметно освобождала Федора от дел государственных, прилежно в них вникая. Пусть Федор царствует — она будет править.

Но тут после тяжелейших родов скончалась царица Аграфена, а через день умер и младенец ее — царевич Илья. Федор Алексеевич так и не оправился от этого удара — занемог окончательно. Тут уж Софья решительно отодвинула всех и находилась подле брата почти неотлучно. Она кормила и поила его из своих рук, давала ему лекарства и всячески хлопотала над ним.

Но царь есть царь, хоть на престоле, хоть в постели. Так и оказалась Софья среди бояр, военачальников да иных государственных лиц. Уж и льстила она им, уж и подлаживалась и помалкивала — когда нужно, и говорила — тоже впопад. Окружение царя только диву давалось: до чего светла умом да славна благочестием царевна. А та лишь усмеялась про себя: мудрено ли умом да добродетелью светиться, коли учителем был сам Симеон Полоцкий?

Однажды Симеон составил гороскоп, в котором говорилось, что «вознесется царевна на высоту небывалую». Она тогда усомнилась:

— Разве есть путь на Руси, на котором женщина может вознестись и прославиться?

В ответ Симеон поведал ей историю Пульхерии Августы, дочери греческого кесаря Аркадия, которая после смерти отца стала править империей вместо своего брата, скорбного головою. Что ж, с головой у родных братьев царевны действительно не все ладно, что у Федора, что у Иоанна.

Софья про сию Пульхерию не забыла и ликовала в душе, когда тугодумные бояре смиренхонько принимали решения «по воле государевой». А волю-то эту кто царю Федору внушил? То-то и оно...

Но однажды подняла глаза и... Сердце так и рухнуло вниз, точно с горюшки покатилося. Намедни вернулся из Польши князь-воевода Василий Васильевич Голицын, муж — ума государственного. Да и внешней привлекательностью Бог князя не обидел: хорош был Василий Васильевич, точно сказочный витязь. Ни разу еще не доводилось царевне повстречать такого мужчину...

— Мамушка, неужто я непригожа? — с утра огорошила Софья вопросом старую няньку. — И ростом не вышла, и лицом неказиста...

— Окстись, дитяtko, — перепугалась Агафья, — с чего это ты? Личико белое, шейка кругленька, сама, слава Богу, в теле. Да такой красоты, такой неказанной...

Царевна махнула рукой. Шейка, вишь ты, кругленька, сама — в теле. Правда, дородство женщины на Руси всегда ценилось, многих девиц специально откармливали, чтобы не меньше пяти пудов весили. А личико... Личико московские красавицы щедро размалевывали: белили, румянили, брови сурьмили, ресницы красили.

Ей малеваться недосуг, да и не для кого. Князь Василий... ах, князь Василий в Польше, небось, насмотрелся на тамошних красавиц. Да и законная супру-

*Царь Иоанн
Алексеевич,
1666-1696.*

Стрельцы.

князь Василий увидит царевну в сарафане да с лентой на голове. Ленту нужно повязать синюю — в цвет глаз...

Мужа дельного, значит, пригласить для приличной беседы — стыд? А сестрицам родным, Катерине да Марфе, которые после смерти батюшки только польское платье и носят, да в светелки свои певчих приваживают — им не стыд? Да последняя судомойка в Кремле знает, чем царевны занимаются!

Ничего, привыкнут к тому, что у нее, Софьи, совсем другие гости в терем захаживают. А если кто бурчать начнет, братец Феденька такому рот-то быстро заткнет. Лучше в Москве молчать, чем в Сибири ворчать...

Стукнула дверь в передней горнице, послышались голоса. Софья задохнулась на секунду от волнения, потом взяла себя в руки, опустила на стул с высокой спинкой, скрестила руки на груди. Так оно девице приличнее будет.

— Звала, государыня-царевна? — осведомился вошедший князь Василий. — Так вот он я, холоп твой верный.

Глаза их встретились. Но Софья уже справилась со сладким мороком, ответила пристойно:

— Звала, батюшка. Присаживайся, разговор у нас с тобой долгим может быть. А говорить хочу о том, о чем при самом государе беседовать неместно.

— Слушаю, государыня.

— Женить нужно царя, хватит ему вдовствовать. России наследник престола нужен, да не нарышкинский пащенок, а нашего, Милославского корня. Царевич Иван молод еще...

га его, княгиня Евдокия, слыла одной из первых красавиц на Руси. Ну, и что? Слова молвить путного не может, лебедушка белая. А Софья говорит — у князя Василия очи загораются, на ланиты румянец набегают...

— Мамушка, — позвала Софья, — поди-ка ты к братцу Феденьке да скажи, что мне князь Голицын нужен для беседы важной. Пусть поведлит ему прийти сюда...

Нянька аж побелела:

— Да ты в уме ли, дитяtko? В девичью горницу — да мужчину?! Стыд-то какой...

— Иди сей же час! — прикрикнула Софья. — Не тебе, дуре темной, решать, что мне в своих покоях делать! И возвращайся побыстрее.

Нянька, ворча и охая, удалилась. А Софья, решившая было для встречи с князем надеть новое — польское! — платье, вдруг передумала. Ни к чему сие. Хотя в Польше паненки щеголяют затянутой в корсет талией, да полюбнаженной грудью, пусть пока

— Не зря тебя, царевна, Софьей назвали, — тихо ответил князь. — Мудра ты, государыня...

— Не рано ли государыней величаешь, князь? — усмехнулась Софья.

— В самый раз, — вернул тот ей усмешку.

«Ох, красив, ох, грех-то, прости, Господи!»

Но если бы был князюшка только пригож, сумела бы царевна совладать со своими чувствами. Только второго такого, как Голицын, во всей Руси не сыскать. Дом его, первейший в Москве, устроен совершенно на западный манер: с изящной мебелью и огромной библиотекой. Все прибывавшие в Московию иностранцы непременно были гостями Голицына и приходили в восхищение от общения с этим умнейшим человеком.

Муж ума отменного, государственного, рода — знатнейшего: потомок в пятнадцатом колене великого князя литовского Гедиминаса. Немудрено, что пленил он Софью. Слушала его, как некогда Симеона Полоцкого: ликуя и загораясь душой. Его бы планы — да в жизнь воплотить! Батюшка покойный начал было, да не успел. Может, теперь время настало?

То, что она любит князя Голицына, Софья поняла лишь тогда, когда пришлось ему отъехать к войску в Малороссию ради безопасности южных рубежей России. Вернулся через год — с подписанным Бахчисарайским мирным договором, за что был пожалован царем Федором Алексеевичем большими земельными владениями. А царевной — особой ее благосклонностью...

Кто был больше потрясен в начале их романа, неясно. Софья со всем пылом отдалась любимому, безоглядно и ни о чем не жалея. А князь... Сорок с лишним лет прожил, всегда любил женщин, но такую встретил впервые: пылкую, страстную, неутомимую и... умную. Не думал Василий Васильевич, что станет так восхищаться женским умом, тем паче, что доселе и не сталкивался с ним. Хотя ум у его любовницы был уж точно не женским — государственным.

Ну, с какой, скажите на милость, женщиной, мог бы он после опустошающих ласк обсуждать свои сокровенные идеи: справедливое налогообложение крестьян, регулярная дворянская армия, правый суд? Кому мог повелевать о давней мечте: искоренить устаревшее, тянущее Россию назад «местничество», при котором высокие посты распределялись не по уму и не по способностям, а исключительно «по древности рода»? Только с ней, с его «царь-девицей», понимавшей с полуслова его мысли и развивавшей их дальше — до воплощения в жизнь.

А какие письма она ему писала! Пронзительно-нежные, восторженные, полные любви!

«...А мне, свет мой, веры не имеется, что ты к нам возвратишься; тогда веры пойму, когда увижу во объятиях своих тебя ...»

Свет мой, батюшка, надежда моя, здравствуй на многие лета! ...Велик бы мне день тот был, когда ты, душа моя, ко мне будешь.

*За гробом отца несли на носилках
нового царя — благоверного Федора
Алексеевича, хворого, безусого
отрока, всего-то шестнадцати
лет от роду.*

Герб Романовых.

ной. Только... невместно было царевне венчаться со своим «холопом», даже если этот «холоп» самого высокого происхождения.

Хотя... Найди князь Василий в себе силы отправить супругу Евдокию в монастырь и обвенчаться с возлюбленной Софьей, она сумела бы заставить бояр примириться с этим браком. Царь Федор Алексеевич, братец Феденька, ни в чем любимой сестре не перечил, поддержал бы. Особенно после того, как она сосватала ему юную красавицу Марфу Апраксину. Теперь бы наследника дожидаться — тогда сводному братцу Петрушке одна дорога: под клобук...

Тело новопреставленного царя Федора несли стольники в санях, а за ним в других санях несли молодую вдову Марфу Матвеевну. Всего-то два месяца и побыла царицей... Софья только одна из царевен, в противность обычаю, шла за гробом и так громко голосила, что прикрывала вопль целой толпы черниц, которые, по обряду, должны были причитывать над умершим.

И возвращаясь домой, Софья всенародно вошла:

— Брат наш, царь Федор, нечаянно отошел со света отравой от врагов. Умилосердитесь, добрые люди, над нами, сиротами. Нет у нас ни батюшки, ни матушки, ни брата царя. Иван, наш брат, не избран на царство. Если мы чем перед вами или боярами провинились, отпустите нас живых в чужую землю к христианским королям...

Если бы мне возможно было, я бы единым днем тебя поставила перед собою.

А что, свет мой, пишешь, чтобы я помолилась, будто я верна, грешная, перед Богом и недостойна, однако же дерзаю надеяться на его благоутробие, хоть и грешная...»

Еще бы не грешная! Нянька Агафья, почитай, с колен не вставала, молила Богородицу и всех святых, чтобы помиловали ее ласточку да направили на путь истинный. Только... теми же руками, какими крестное знамение творила, отворяла двери в светелку царевны для князя, а потом стерегла покой любовников. И письма князя к царевне передавала исправно...

Он отвечал — и вполтину не так одухотворенно, но его письма были для нее глотком свежего воздуха, лучом света, смыслом жизни. Даже ее безмерное честолюбие отступало перед силой ее любви: ради своего князюшки она бы, не задумываясь, отдала жизнь. Да что там жизнь — она бы свободой пожертвовала, кабы смогла стать его законной же-

Горе ее было непритворным, а горло то и дело перехватывало спазмом страха: на царство избрали не шестнадцатилетнего Ивана, а десятилетнего Петра, «волчонка», «нарышкинское семя». Сам-то еще мал, да при нем матушка, Наталья Кирилловна, а при матушке — весь род Нарышкиных, многочисленный, наглый, жадный до богатств и почестей. Возьмут верх — прощай, власть, прощай, любовь, прощай, сама жизнь...

Оттого и кричала царевна об отраве: смутить народ, настроить против Нарышкиных, а там, Бог даст, Иван на трон сядет. А ей что при Федоре, что при Иване — править по-прежнему, рука об руку с другом сердечным, зазной непреходящей, князем-воеводой Голицыным, от которого... ох, от которого неспрадна она теперь, дите носит.

И дите это травить придется, грех смертный на душу брать, иначе... Иначе и подумать страшно, как все обернется. Вон, и сейчас в толпе голоса раздаются: негоже, мол, царевне появляться на людях да еще в голос плакать. Ничего, гоже. Вырвавшись на волю из постылого терема, возвращаться туда она не собиралась. Совсем другое было на уме ее: посадить на трон брата Ивана и — править.

Легко сказать: посадить на трон. Иван, хоть и старше Петра на шесть лет, но слабоумен, болезнен, да еще и подслеповат. Петрушка-волчонок — по годам ребенок, а по уму... Востер, ничего не скажешь, да и здоров, окаянный, еще как здоров! В самый день смерти Федора, как только удар колокола возвестил Москве о кончине царя, бояре съехались в Кремль, и большинство их уже было на стороне Петра, лишь некоторые поддерживали право первородства Ивана.

Патриарх Иоаким как самое почетное лицо после царя поторопился возвестить народу с Красного крыльца Кремля:

— Да будет великим государем-царем Петр Алексеевич!

Новоизбранный царь находился в это время в хоромах, где лежало тело Федора. Патриарх и святители отправились к нему, нарекли царем и благословили крестом, а потом посадили на престоле, и все принесли ему присягу, поздравляли его с восшествием на престол и подходили к царской руке. Пришлось и Софье поздравить — а куда денешься? Вот тогда-то и решила смутить народ воплями об отравлении царя Федора. И — смутила.

Верные люди разбежались по стрелецким полкам с вестью, что Нарышкины задушили царевича Ивана и злоумышляют теперь на царевича Петра, чтобы посадить на престол кого-нибудь из своих. Вечно недовольные стрельцы, казалось, только того и ждали: бунт вспыхнул, как сухая солома, через считанные часы им была охвачена уже вся Москва.

Стрельцы ворвались в Кремль, требовали «выдать им Нарышкиных головою». Царица Наталья Кирилловна, по совету патриарха, вышла в сопровождении бояр на Красное крыльцо, держа за руки царевичей Иоанна и Петра. Не помогло. Стрельцы уже не желали останавливаться, поднимали на копья всех неудобных, а заодно — и вовсе невинных людей. Затем разбежались по городу и три дня кряду тешились убийствами, грабежами и поджогами.

*Два венца грезилась ей —
царский и брачный. Станет
царицей, никто и пикнуть
не посмеет, коли обвенчается
с князем-воеводой.*

Эта кровавая волна и вынесла Софью на самую вершину власти. По воле стрельцов, стало на Руси аж два царя — Иоанн и Петр, а над ними — она, правительница, государыня-царевна. Настоящая владычица земли русской... Надолго ли?

А на все воля Божья! По этой-то воле не пришлось Софье совершать смертный грех: травить дитя в утробе. Выкинула младенчика в один из тех дней, когда стрельцы на Москве буйствовали. Может быть, поэтому отказалась свершить то, о чем ей в уши дудели князь Иван Хованский да боярин Федор Шакловитый: извести под корень весь нарышкинский род.

Все вспоминался Борис Годунов да убиенный им (им ли?) царевич Дмитрий. Нельзя царскую кровь проливать, от такого деяния смута в государстве делается великая, да долгая. А ей сейчас смута не нужна, дел важных -

*Новодевичий
монастырь.*

наиважнейших нужно успеть сделать немерено. А если Петрушка, чертенок вертлявый, сам себе где шею свернет или в речке утонет, — так за то она, Софья, ответа не несет. То — воля Божья.

Семь лет практически безраздельно царствовала она. По сути, впервые после княгини Ольги русской землей управляла женщина. Если бы не смуты, не бесконечные свары боярские да не козни окаянных Нарышкиных! И не только их.

Смута, смута... Стрельцы много воли взяли, а их предводитель, князь Иван Хованский, и вовсе задумал несусветное. Донесли верные люди, что пожелал Ивашка женить сына на одной из царевен, а затем и на трон посадить. Нужды нет, что царевны поведения блудного. Нет уж, ни одной из сестриц княгиней Хованской не быть! Да и самим Хованским надобно урок дать, чтобы другим неповадно было...

Судили князя боярским судом по обвинению в государственной измене. В селе Воздвиженском, аккурат в день ангела правительницы, отрубили го-

лову и ему, и его сыну. Считай, обезглавили все стрелецкое войско. Тут же Софья призвала дворянское ополчение, «ради защиты живота нашего и трона родительского». И неделю спустя торжественно вступила в Первопрестольную как законная правительница, Богом избранная. Как та греческая цесаревна Пульхерия...

Ох, не единожды потом вспомнит Софья сию цесаревну, «поверяя её судьбою собственную жизнь». Семя было брошено в добрую почву и дало пышные всходы, да только... Да только, видно, и из сходного семени на Руси другие совсем цветы вырастают. Или сорняки их глушат... не прополотые вовремя.

Но пока все шло на удивление гладко, даже недоброжелатели Софьи это признавали. Да и советника такого у русских царей доселе не было. Князь-лапушка, Василий Голицын, подле престола своей возлюбленной государыни обрел новую, грозную, но мудрую силу. Ужесточилась борьба с произволом местных властей, взятками, поборами. Женщины, убившие своих мужей, уже не карались страшной смертью — «окапыванием», что означало зарывание виноватой живьем в могилу. Простой народ государыню-царевну только что не боготворил.

Но и сословия повыше были не в обиде. Софья повелела всемерно развивать торговлю с иноземными странами, а чтобы страна богатела и процветала, указала наладить в России свое производство. Стали сами изготавливать дорогие ткани: бархат, атлас и парчу, которые ранее привозили из-за моря, а для обучения русских мастеров выписывались специалисты-иностранцы.

И строили, строили... В начале ее правления, то ли случайно, то ли нет, — полыхнул в Кремле пожар немалый. Сгорели дотла деревянные хоромы Петра Алексеевича и царевен, занялся и первопрестольный Успенский собор. Насилу успели людей спасти, а сколько добра сгорело — и вспомнить страшно.

Через три года на месте погоревших были выстроены новые хоромы для царя Петра и его матери, а для царевны Софьи и других меньших царевен возведены трехэтажные каменные палаты, в нижнем этаже которых была устроена, по приказанию Софьи, комната, «где сидят с боярами и слушают всякие дела». Царица Наталья тогда сильно осерчала, кричала, что «скоро-де царевна трон к себе в светлицу перетащит!» Ну, покричала-покричала, да и затихла.

Зато все так и ахнули, когда возле верхнего Красного сада и новых хором царя Петра возвели церковь Святых Петра и Павла, обновили Грановитую, Золотую, Ответную и другие палаты. Батюшка бы порадовался: то, что он только начал, Софья за несколько лет завершила. Кремль сиял величием, какого не было никогда доселе.

И не только он... Москва стала истинно столицей русского православия, храмом России, алтарем которого как раз и был Кремль. Без счета было в Златоглавой церковью, с утра до вечера плыл над ней величавый перезвон колоколов. А через Москву-реку перекинули Каменный мост, считавшийся чудом столицы наравне с Иваном Великим.

Ну, это все в камне, это все — глазу утеха, душе радость. Но и науки при ней, при Софье, в небрежении отнюдь не находились. Открылась Заиконоспасская академия, любимое детище наставника Софьи Симеона Полоцкого. Завелись на Москве пушечно-литейные и стеклянные заводы, выделка своего оружия, сахароварение, ботанические сады... А сколько еще задумывалось в беседах задушевных, заполночных с сердечным другом, советчиком умным, князем Голицыным!

И все это — исподволь, с улыбкой приятной, со словами льстивыми. Не ломать заведенные обычаи, а потихоньку переделывать их, приучать русский народ к иным обычаям. Бояре хоть и ворчали, однако каменные хоромы исправно строили, в атлас и парчу российские рядились сами и рядили своих жен. А иноземцы... так для них особая Немецкая слобода за Яузой выстроена, зря они глаза никому не мозолят, пусть... живут. Все казне прибыль.

Ох, знала бы Софья, чем обернется для нее эта слобода, этот кусочек Европы на окраине Москвы! Отправила бы всех иноземцев подальше — на Волгу-матушку, в Нижний Новгород. Не знала... И только усмехнулась, когда дожили ей, что зачастил братец Петруша к немцам, почитай, днюет там и ночует. А пускай — может, споят его там, благо пить он мастак. Или утопнет на лодчонке своей — туда и дорога.

Князь Голицын, политик изрядный, смог даже давние свары с Польшей решить к обоюдному удовольствию, даже заключил с гордыми поляками Вечный мир. Согласно выговоренным князем Василием условиям, Речь Посполитая юридически признала переход Киева к Русскому государству и подтверждала принадлежность ему Левобережной Украины, Смоленских и Северских земель. Западным границам отныне ничто не угрожало. Равно как и восточным: Нерчинский договор с Китаем уладил отношения с Поднебесной ко взаимному удовлетворению.

Но вот рубежи южные... Постоянные набеги татар со стороны Крыма давно уже следовало пресечь. А для этого — выжечь каленым железом это осинное гнездо злобных и алчных турецких пособников. Воевать Крым нужно — вот что. А кому этим заниматься, как не князю-воеводе? Только вот как расстаться с ним надолго?

Переломила себя, вняла уговорам других советников. Отправился князь Голицын Крым покорять. Софья чуть ли не сутками напролет перед иконами поклоны земные клала, чтобы уберегли ее лапушку, свет ее очей от несчастья какого. Хорошо, хоть весточки регулярно слал.

«...Письма твои, врученны Богу, к нам все дошли в целости из-под Перекопу... Я брела пеша из Воздвиженскова, только подхожу к монастырю Сергия Чудотворца, к самым святым воротам, а от вас отписки о боях: я не помню, как взошла, читала идучи, не ведая, чем Бога благодарить за такую милость его и мать его, Пресвятую Богородицу, и преподобного Сергия, чудотворца милостивого...»

Вымолила... Войско вернулось с полпути: татары подожгли степь. А может, и не татары... Против огня и безводицы было бесполезно новейшее по тем временам вооружение армии: ружья с кремниевыми замками и «винтовые пищали». Войско бесславно вернулось, а на воеводу дождем посыпались милости и награды, как если бы он был истинным «победителем агарян».

Ждала Софья своего князя еще и для того, чтобы посоветоваться с ним по делу наиважнейшему: о продлении династии. Женила она брата Ивана, невесту выбрала из старобоярского рода Салтыковых. Всем была хороша молодая царица Прасковья: бела, дородна, лицом пригожа. Да вот царь... Неспособным оказался Иван к супружеской жизни, отчего новобрачная извелась вконец.

Злые языки поговаривали, что даже девства молодую лишил... братец Петруша. Вот уж воистину мал, да удал. Софья, когда донесли об этом, лишь плечами пожала: пускай резвится, дурачок, ежели понесет от него царица Прасковья, так дитя потом на троне окажется — вместо самого Петра. Пра-

вильно говорят: деверь невестке — первый друг. Да только не получилось по-софьиному, родила царица дочь Анну. И что теперь?

— А теперь, Софьюшка, надобно царице Прасковье помочь, — спокойно ответил князь Василий в ответ на рассказ своей возлюбленной. — Есть у меня на примете молодец один, говорят, сила мужская в нем — необыкновенная. Вот и определим его к царской чете в спальники. А там... как Бог даст.

— Грех ведь, Васенька, — засомневалась Софья.

— Ох, милая, в народе-то как говорят? Грех — пока ноги вверх, а опустил — Бог и простил, — рассмеялся князь, притягивая ее к себе. — Отмолим, чай, не впервой...

Не впервой, это верно. Только не думали, не гадали, что — в последний раз так-то вот любятся, забыв про все на свете. Наутро Софья встала, будто росой умытая, спокойная, собранная — правительница! И повелела готовить новый манифест — как бы ответ на челобитную стрельцов о венчании ее на царство. Хватит с нее временной власти, пора и о постоянной подумать!

Два венца грезилась ей — царский и брачный. Станет царицей, никто и пикнуть не посмеет, коли обвенчается с князем-воеводой. Братец Петруша с потешными мужиками забавляется, в селе Преображенском баталии разыгрывает, да на Кукуе сутками пьянствует. Братец Ванечка — слабоумный, только молитвами тешится, что жена со спальником живьем живет — не видит. Царица Прасковья вот-вот вторично от бремени разрешится ...

Времени не хватало — все враз исполнить, медлительна была Русь, ох, медлительна! А поспешишь — людей насмешешь, так еще предки говаривали, а они, чай, не глупее нынешних бояр были.

Вот и со вторым Крымским походом поспешили, предупреждал князь Василий, что нельзя пока татар воевать, нужно сил набраться. Гневался сильно, даже шапку об землю кидал в боярской Думе. Но... пришлось подчиниться.

И хотя на сей раз русская армия выступила в поход ранней весной и избегла огненной ловушки в степи, удалось только добраться до Перекопа. Каменная сова с ворот по-прежнему неприступной крепости равнодушно взирала на русское войско, а по Москве же носились слухи, что крымский хан

*Царь Петр
Алексеевич.*

откупился от Голицына двумя бочками золотых монет. А царица Прасковья вновь дочку родила — Катерину...

Ничего не вышло с брачным венцом. Опередила Софью царица Наталья, женила сыночка Петрушу на Евдокии Лопухиной. А, по российским понятиям, женатый человек — совершеннолетний муж. Нужды нет, что как был Петр вздорным мальчишкой, так им и остался, да и жену не часто видел. Зато все громче раздавались голоса в его окружении, что пора бы власть передать законному царю, что царские скипетр да держава — не для бабьих рук ноша.

И Софья решила упредить удар, убрать раз и навсегда с дороги Петра. Как и в первый удачный для себя раз, она сделала ставку на стрельцов. Казалось, осечки не будет — теперь во главе их стоял ее верный слуга Федор Шакловитый. Из покоев Софьи в стрелецкие полки поползли слухи, что Нарышкины опять обижают Милославских: обещают-де не только «известить» царевича Ивана, но называют «великую государыню царевну «девкою», не ставят ее ни во что.

Но, как ни старался Шакловитый, не озлобились стрельцы против «царевниных супостатов». Отказались подписать челобитную к Софье, дабы венчалась

на царство, «отшибив» Петра от престола. Ну, что ж... Нашлись смельчаки, взялись «известить волчонка смертью», но... опоздали. Куда больше нашлось тех, кто поспешил предупредить молодого царя об опасности. А Петр...

А что — Петр? Бросил мать, беременную жену Евдокию и своих «потешных» солдат, вскочил на лошадь и в одной рубашке умчался в Троице-Сергиеву лавру: бери его там голыми руками. Опять промедлили, опять опоздали. На защиту молодого царя

неожиданно встало высшее духовенство: архимандрит и патриарх. Святейший патриарх даже напомнил Софье, что она — всего лишь правительница при государях.

И вот уже воспрявший духом Петр написал брату:

«Срамно, государь, при нашем совершенном возрасте, тому зазорному лицу государством владеть мимо нас».

Призывал брата государство наше успокоить и обрадовать вскоре жестко и окончательно, показав, кто есть кто. То ли сам додумался, то ли кто из его советников подсказал, но волчонок внезапно обернулся молодым, сильным волком — вожаком всей стаи. А стая требовала крови... Пока — немногих оставшихся рядом с Софьей людей. Уж лучше бы возжелали ее смерти: страшно, но еще страшнее ждать, что лишат жизни ее друга сердечного, князя Василия.

— Уезжай, батюшка мой, — молила она его не раз и не два. — Схоронись где-нибудь, спаси себя. Сердце за тебя ноет.

Князь только головой качал:

— Нет уж, государыня моя, вместе с тобой останусь. На плаху — так на плаху, на все воля Божья. И не проси, не побегу: невместно Гедеминовичу от поддых людешек прятаться.

Месяц лишь минул с позорного бегства Петра в Лавру, а уже всем казалось странным, как это они почитали за государыню всего-навсего женщину, так ловко вывернувшуюся из мрака терема на свет Божий...

— От Петра, от царя проклятушего! Ох, нужно было придавить его в колыбели...

Князь рукой закрыл рот правительнице:

— Окстись, государыня, не множь грехов!

— Да куда уж больше-то, Васенька! — почти простонала Софья. — Вот Бог и карает...

— С Богом судиться не будешь...

Не тронули в тот раз князя, потребовали головы другого близкого Софье человека — боярина Федора Шакловитого. Софья и грозила пришедшим за ним стрельцам, и умоляла о милости — все впустую. Схватили, отвезли к Петру в Лавру и после нечеловеческих пыток — казнили. Как вора казнили, в пыли, на обочине дороги... Той самой дороги, по которой Петр с торжеством возвращался в Москву, Москву покорную, раболепствующую, забывшую о еще недавно всесильной правительнице.

Месяц лишь минул с позорного бегства Петра в Лавру, а уже всем казалось странным, как это они почитали за государыню всего-навсего женщину, так ловко вывернувшуюся из мрака терема на свет Божий... Семь лет правила Россией — будто и не было этих семи лет. Коротка память человеческая, ох, коротка!

В полном отчаянии Софья вновь обратилась к стрельцам, еще оставшимся в Москве:

«Злые люди рассорили меня с братом, выдумали какой-то заговор на жизнь младшего царя... Вы, стрельцы, за вашу службу получили важные награды, и я к вам всегда была милостива. Я обещаю вам награду, если останетесь мне верны и не будете мешаться в это дело, а те, которые будут непослушны и начнут творить смуту, будут наказаны...»

Поздно...

Князь Голицын не выдержал пытки ожиданием: отправился навстречу своей судьбе, навстречу Петру — с повинной. Готов был голову сложить, лишь бы не тронули его государыню-царевну. Но молодой царь и видеть его не пожелал, не то что — выслушать. С дороги поворотили князя в дальнюю ссылку. Говорили: помиловали.

За что — помиловали? За верную службу государству российскому? Ой ли? За князя заступился двоюродный брат, Борис Голицын — любимец Петра, вышивоха и балагур известный. Обвинение в измене ложилось пятном на весь род Голицыных, — вот и упробил князь Борис не казнить родственника, а выслать с глаз долой. Заодно и с Софьей разлучить. Только и успела последнее, прощальное письмо передать с верной оказией. С последней верной оказией.

А неделю спустя велено ей было ехать в Новодевичий монастырь и «вести себя там тишайше». О постриге пока не заикались — и на том спасибо. В тридцать два года оказалась бывшая владычица Руси там, где смолоду боялась оказаться: за монастырскими стенами. И не монахиня, и не свободная.

Могла бы тогда Софья заняться одним делом, к которому у нее был явный талант. Многие говаривали, что «царевна могла бы сравниться с лучшими

*А какие письма она ему писала!
Пронзительно-нежные, восторженные,
полные любви!*

писателями тех времен». Но отлучение от всего, что составляло суть азартной, неукротимой природы царевны, подкосило ее. Любое иное занятие казалось теперь мелким, никчемным, не достойным той высоты, с которой она только что была сброшена. Так и тянулись бесконечные годы, время длилось однообразно до исступления.

Зато по-прежнему кипели страсти за стенами монастырскими. Скончался болезненный и слабоумный «старший царь» — Иван, оставив после себя — себя ли? — трех дочерей. Умерла царица Наталья Кирилловна, хоть как-то сдерживавшая бешеный нрав Петра. По Москве пошла слухи, что молодой царь хочет переделать царство на иностранный лад.

Почувствовав тяжелую руку молодого царя, ненавидевшего все русское, прадедовское, да еще и на расправу скорого, засомневались те, кто отрекся от Софьи ради ее сводного братца. Того ли властителя на престоле укрепили, ту ли от престола отринули?

Может, еще не поздно вернуть? Тем паче, что «чертушка», царь-государь Петр Алексеевич изволили в заморские страны отбыть — учиться. Да виданное ли это дело, чтобы помазанник Божий чему-либо у басурман учился? Своих пакостников в Немецкой слободе мало? То ли дело было при государыне-правительнице Софье Алексеевне!

Стрельцы двинулись походом на Москву, «освободят государыню-царевну и спасать Русь от антихриста, а коли понадобится — извести его совсем». Ах, ежели бы они это сделали тогда, когда еще был жив Шакловитый, да князь Голицын не отправился в ссылку!

Срочно возвратившийся Петр железной рукой подавил мятеж. Но начал не с пыток и казней стрельцов, а с издевательств над боярами, паче всего — над знатнейшими. Петр собственноручно отрезал им бороды, силком брил и заставлял переодеваться в европейское платье. Лучше бы бил, да за эти самые бороды таскал! Боярская Москва замерла в ужасе перед таким неслыханным поруганием дедовских обычаев.

А потом пришел черед и остальных. Девять лет не видевший обитательницу Новодевичьего монастыря брат явился к ней для решительного объяснения: стрельцы действовали от имени Софьи, хвалились даже, что имеют «грамоту, царевниной рукой писанную, в коей звала она их идти на Москву и вновь ее на царство сажать».

— Не писала я никому, — безучастно роняла Софья. — Поклеп сие.

— А вот допросим твоих прислужниц, выясним — клеветы ли. Тебя на трон стрельцы посадить хотели!

— Эко диво! Я на сем троне семь лет сидела, али забыл, братец?

— Не забыл. И как ты всегда моей смерти желала — помню!

— А ты — моей. Допрашивай, братец. У твоих катов ангелы чертями станут.

— Ангелы, говоришь? Сама ты ведьма! Дознаюсь до истины — быть тебе в самом глухом скиту черницей!

— На все воля Божья, — по-прежнему равнодушно отвечала Софья.

Столица превратилась сперва в пыточную, а затем — в кровавый эшафот. Но ни один человек не показал — даже под самыми страшными пытками, что бывшая правительница хоть как-то участвовала в «злоумышлении на царскую персону».

В гневе на «запирающихся» Петр перешел все границы — собственноручно пытал, сам казнил. На Красной площади одним ломали руки и но-

ги колесами, другим рубили головы, большинство — вешали. В один день в селе Преображенском лишилось голов сто десять человек. Этим занимались, по приказанию царя, бояре, а сам он, сидя на лошади, смотрел на это зрелище.

Тела казненных лежали неприбранные полгода — до весны, и только тогда велено было зарыть их в ямы близ разных дорог в окрестностях столицы. А под стенами Новодевичьего монастыря повесили сто девяносто пять человек. Перед окнами Софьиной кельи братец Петруша велел повесить троих, вложив в руку каждого стрелецкую челобитную о вступлении царевны на престол.

Только келья та уже была не царевны Софьи, а инокини Сусанны. Когда постригали ее, Софья молчала, стиснув губы, как делали все, насильно постригаемые. Настиг ее все-таки монашеский клобук, но горше всего было то, что имя отобрали, то имя, под которым она уже вошла в историю.

...Воет за окном кельи зимний ветер, раскачиваются обледенелые тела казненных стрельцов. И жить не хочется совсем, нет ни сил, ни желания. Уснуть бы — и не проснуться, наконец-то, обрести покой. Только не будет ей покоя, пока носит чужое имя. И молитвы тут не помогут, ни смириться, ни простить она не в силах.

— Да сохранится имя мое, — вновь и вновь беззвучно шепчет она. — Да не забудут меня и деяния мои... Господи, вразуми, Господи, наставь...

Даже за стены обители проникали мирские слухи. Царицу Евдокию постригли в монахини и отправили в Суздаль. Нужды нет, что родила царю наследника, что никогда не перечила венценосному супругу. Неудобна, немилла — с глаз долой, заживо похоронена...

Ох, Петруша, ох, братец, круто забирает, как бы не надорвался! Шведов воевать надумал, а сам с турками еле-еле справляется. Столицу, вишь, новую решил ставить — на болотах да кочках. Москва, стало быть, тоже неудобна стала...

Только еще разочек бы побывать в Кремле, в любимых садах, вдохнуть московского — особенного — воздуха, послушать праздничный благовест! Поздно. Все реже поднимается с ложа, все меньше нужно пищи брэнному телу. Конец скоро. Только вот... похоронят как инокиню Сусанну — и гинет она навеки.

— Схиму принять желаю, — прошептала как-то прислужнице. — Скажи настоятельнице, пусть постригут в схиму... перед смертью.

Радостным, звонким июньским днем инокиня Сусанна приняла схиму под именем Софьи. Сутки спустя сестры Новодевичьего монастыря закрыли ей глаза и проводили в последний путь.

Первая российская женщина-правительница прожила сорок шесть лет. Имя ее помнят до сих пор.

ТВОРЕЦ И ЖЕНЩИНА, ДРУГАЯ

Прекрасная дама

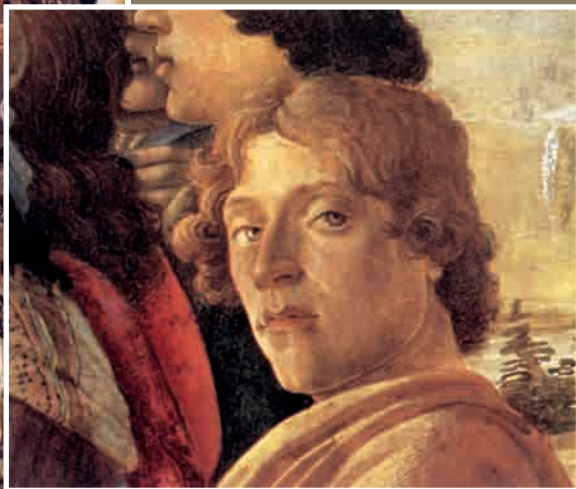

Ирина ОПИМАХ

Боттичелли

Мы все знаем этот образ завораживающей женственности, полный поэзии и музыки, земной и возвышенный, — образ прекрасной девушки с тонким одухотворенным ликом, изящным станом, летящими локонами. А создал его знаменитый флорентиец Сандро Боттичелли. Вот уже более пяти веков прошло со дня смерти художника, а искусство его не потеряло своей прелести и пленительной чистоты, и по-прежнему восторженные юноши мечтают, чтобы встретила им девушка, подобная той, что вдохновляла великого итальянца...

Весна. 1478 г. *

Герцог Лоренцо Медичи давал прием в честь дня рождения своего любимого брата Джулиано. Дата была серьезная — Джулиано исполнилось шестнадцать лет! Во дворце Медичи собралось множество гостей — ведь во Флоренции все любили и почитали Лоренцо. Давно уже в палаццо Медичи не было такого веселья — после того, как умер Козимо Медичи, дед Лоренцо и Джулиано, в доме царили траур и печаль. Огромное состояние Козимо перешло по наследству к его сыну Пьеро, но тот был слишком слаб духовно и физически, чтобы управлять огромной финансовой империей Медичи. А когда он, вслед за отцом, умер, флорентийцы пришли к внуку Козимо Лоренцо, дабы поручить его заботам Флоренцию — все видели, что молодой герцог чрезвычайно умен и вполне способен взять на себя правление городом. Вскоре Лоренцо стали называть Великолепным. Он действительно был великолепен, этот юный Медичи, — прекрасно вел дела семейного банкирского дома, был образован и привлекал при своем дворе лучших ученых, философов, художников и поэтов того времени, да и сам был не чужд сочинительству — писал стихи и прозу. Флорентийские прожигатели жизни с восторгом распевали его куплеты: «О, как молодость прекрасна, но мгновенна. Пой же, смейся! Счастлив будь, кто счастья хочет! И на завтра не надейся!»

И вот теперь гости молодых герцогов веселились и радовались жизни. Был среди них и молодой художник Сандро Боттичелли, один из любимцев Лоренцо.

Боттичелли родился в 1445 году в семье кожевника Марианно ди Джованни Филипепи. Казалось бы, жизнь в простой семье мастерового была predetermined заранее. Но,

*Симонетта
Веспуччи (?),
1478 г.*

как это часто бывает, судьба распорядилась по-своему, подарив мальчику любовь и интерес к живописи и рисованию. Он был настолько увлечен этим, что решил даже пройти учебу в школе живописи фра Филиппо Липпи, а после ее окончания сразу был признан одним из лучших художников Флоренции. Его высоко ценили при дворе Медичи и всегда приглашали на праздники. Лоренцо Медичи очень любил этого красивого юношу и чувствовал, что когда-нибудь его имя войдет в историю.

Сандро участвовал и в высоких собраниях, где лучшие умы Флоренции обсуждали вопросы философии, искусства и литературы, читали стихи и критиковали или восхищались картинами местных художников, а также творениями античных мастеров.

И в тот вечер Сандро с удовольствием примкнул ко всеобщему веселью — ведь он был так же молод, как и его высокие покровители, герцоги Лоренцо и Джулиано.

Вдруг двери открылись, и в зале появилась новая гостья. При дворе Лоренцо было много красивых женщин, но такой тут еще не видели. Прелестницу звали Симонетта деи Каттанеи. Ей было всего шестнадцать лет, и недавно она, дочь богатого генуэзского купца деи Каттанеи, вышла замуж за флорентийского торговца Марко деи Веспуччи, кстати, двоюродного брата известного путешественника Америго Веспуччи, оказавшись таким образом в столице Тосканы. Появление очаровательной Симонетты на празднике не прошло незамеченным — оба брата Медичи были сражены ее красотой. С тех пор Симонетта стала постоянным украшением праздников и увеселений, которые так любили при дворе Медичи. Симонетта была не только хороша внешне, но отличалась умом и тонким обхождением. По свидетельству современников, она была добра и приветлива, приятна в обхождении и с дамами, и с кавалерами.

Герцог Лоренцо часто бывал занят государственными делами, зато Джулиано всегда рядом с ней — он поклонялся Симонетте, воспевал ее в своих стихах, всячески старался ей угодить. А муж — он, как и Лоренцо, тоже постоянно был занят, но не политикой, а своей торговлей, и позволял жене проводить время, как ей заблагорассудится.

28 января 1475 года, казалось, вся Флоренция вышла на улицу, дома в тот день остались только старые и немощные — на площади у собора Санта-Кроче шел рыцарский турнир, джостра, в честь Прекрасной Симонетты, как ее стали называть в городе. Конечно же, победил Джулиано, не даром на его знамени была изображена она, его любимая Симонетта, в образе Афины Паллады! И конечно же, царица праздника наградила своего преданного рыцаря,

а сентиментальные флорентийцы со слезами на глазах наблюдали эту трогательную сцену. Все, кто там был, навсегда запомнили юного красавца в ослепительном наряде из серебряной парчи, украшенном жемчугом, и его Прекрасную даму.

Сандро Боттичелли тоже был очарован юной Симонеттой, и когда Медичи попросили написать для них ее портрет, он с удовольствием принялся за работу. Он уже не способен был думать ни о ком другом — в его фантазиях, в его душе живет только ее прелестный облик. Его мадонны и Венеры удивительным образом похожи на Симонетту, и он не мог с этим ничего поделать — лишь одна она царилась в его душе, лишь она одна вдохновляла его кисть. А братья Медичи, да и все их окружение, где высоко ценились искусство античности, поэзия и философия древних мыслителей, с восторгом принимали его полотна — им очень нравилась тонкая манера письма, музыкальность его живописи, струящиеся линии, изысканность композиции и музыка, словно звучащая с его картин.

Джулиано и Симонетта... Казалось бы, этим влюбленным предначертано было стать счастливыми и любить друг друга вечно, но судьба распорядилась по-другому...

В начале 1476 года у Симонетты появились первые признаки чахотки. Испуганные родственники решили увезти ее из Флоренции на юг. Оба брата Медичи постоянно писали ей и с волнением ждали вестей о ее здоровье. Но несмотря на все усилия врачей, смерть не пощадила Прекрасную Симонетту, и в апреле 1476 года она умерла. Ее оплакивала вся Флоренция, ведь подруга молодых Медичи уже давно стала символом города, символом красоты и молодости. И только ее муж быстро утешился — очень скоро после по-

хорон молодой жены он снова женился, на сей раз на обычной, во всех отношениях заурядной женщине — видно, быть супругом красавицы-символа не так уж приятно и довольно утомительно.

Прекрасная Симонетта умерла, но в душе Боттичелли она продолжала жить. Художнику так хотелось выразить свое восхищение этим изумительным нежным образом, что он решил увековечить прекрасную Симонетту и свои чувства к ней, и начал работать над картиной «Весна». В этой картине — все, что он пережил. И его друзья, и любовь, и Симонетта — вот она тонкая, изящная и печальная, зябко кутается в плащ, и Джулиано — он в образе Меркурия, и фрески Мазаччо, и уроки великого жизнелюба фра Филиппо Липпи, и мощное обаяние Леонардо да Винчи, с которым Сандро подружился, еще учась в мастерской Андреа Вероккио. И прекрасные образы, созданные античными мастерами, и удивительные пейзажи его любимой Тосканы. Все силы художника, весь его темперамент живописца были направлены на создание картины, ставшей гимном Красоте и Любви.

*Она бела, и в белое одета,
Убор на ней цветами и травой
Расписан; кудри золотого цвета
Чело венчают фобкою волной.
Улыбка леса — добрая примета.
Никто, ничто ей не грозит бедой.
В ней — кротость величаяя цафицы,
Но гром затихнет,
вскинь она ресницы.*

Работая, Боттичелли вспоминает строки Анжело Полициано, лучшего поэта при дворе Медичи, строки, посвященные Симонетте...

В центре картины под зеленым сводом стоит Венера. Она одета, как одевались богатые флорентий-

ки на праздники. Справа от нее — три грации, танцующие на цветущем лугу — символ щедрости и красоты. За ними — юноша с жезлом, в крылатых сандалиях, Меркурий, вестник богов. В правой части картины — богиня плодородия Флора, весна, несущая Земле новую жизнь и цветение. За ней — летящий зефир, теплый весенний ветер, преследующий юную нимфу Хлоу. Хрупкие и невесомые, поэтичные и музыкальные образы, легкие, плавные движения. Мы словно слышим музыку, у каждого персонажа — своя мелодия, и все сливается в единый гимн Красоте и Любви...

Наступил 1478 год. В городе стало беспокойно. Ощущение беды, несчастья было словно разлитое в воздухе. Поползли недобрые слухи. Уж очень многих раздражало то, что Медичи стали столь могущественны, богаты и влиятельны. А старинные и самые грозные соперники Медичи, тоже флорентийцы, банкиры семейства Пацци просто выходили из себя и мечтали, как бы насолить счастливым конкурентам. С большим удовольствием поддерживал Пацци и Ватикан, которому тоже надоело смотреть, как растет слава герцогов Медичи. Во дворце Пацци зрел заговор. «Надо спешить, — кричал Франческо Пацци, — время не ждет!» Наконец, решили: в одно из апрельских воскресений, во время службы в

*Мадонна
дель Магнификат
(Мадонна Величание).
1485 г.*

церкви Санта Мария дель Фьоре, верные люди Пацци подберутся поближе к братьям Медичи и заколют их — в толпе это будет сделать легко, легко будет и скрыться. Даже мудрый Маккиавелли, много повидавший на своем веку, был потрясен коварством заговорщиков. В «Истории Флоренции» он с ужасом рассказывает, как люди Пацци провозжали молодого Джулиано в храм, как развлекали его шутками, как откровенно лестили, не забывая при этом ощупать юного герцога, проверяя, нет ли при нем кирасы. И уже в церкви, слушая мессу, они продолжали забавлять доверчивых Медичи, заглушая их бдительность, а потом, улучив момент, нанесли удар. Джулиано упал замертво, а Лоренцо, к счастью, удалось спастись — он успел выхватить меч, отбилась от заговорщиков и скрылся, при этом его друзья, философы, ученые, поэты, которые были в тот день на службе, буквально прикрывали его своими телами.

Лоренцо Медичи жестоко отомстил своим врагам — по всему городу, рассказывает Маккиавелли, можно было видеть тела убитых, которых «несли насаженными на копья или волокли по улицам»... Только вот боль от потери горячо любимого брата все не утихала. А флорентийцы размышляли над мистическим совпадением двух дат — Симонетта умерла 26 апреля 1476 года, а Джулиано был заколот 26 апреля 1478-го. Судьба позволила Джу-

лиано прожить ровно два года после смерти возлюбленной...

Боттичелли получил новый заказ, неожиданный, но срочный — написать фреску с портретами казненных главарей заговора. Из-за этого заказа ему приходится отвлечься от своей «Весны». Но она тут, в его мастерской. Рядом с застывшими на холсте мертвыми заговорщиками. Жизнь и смерть, красота и уродство — они всегда рядом, уж так устроена наша жизнь. (После падения Медичи та фреска Боттичелли была разрушена, а «Весна» живет...)

Прошло десять лет, и Боттичелли приступил к работе над самой знаменитой своей картиной — «Рождение Венеры». Его Венера, богиня Любви и Красоты, — опять она, Симонетта. «Не мучайся, душа непосвященная, из одного с Венерой вышла лона я...», — художник снова и снова вспоминает строки его любимого поэта Полициано, вдохновленные Симонеттой.

В центре полотна, в раковине, стоит Венера. Богиня Любви и Красоты только что родилась из пены морской. Зефиры своим дуновением направляют раковину к берегу, а там ее уже встречает нимфа с роскошным покрывалом. Богиня еще, по сути, девочка, но в теле ее уже явно видна чувственность и победительная женственность. Да, она — небожительница, богиня, но она и вполне земная, эта очаровательная девочка. Впереди у нее — вся жизнь, и сколько же ей, той, что только рождена из пены морской, еще предстоит пережить. И счастье, и горе, и разочарования — все, что есть в жизни каждого смертного.

Вот и в жизни Боттичелли всего было отпущено сполна — и гениальных свершений, и горя, и разочарований.

В 1481 году он был приглашен в Ватикан, участвовать в росписи Сикстинской капеллы. Эта работа при-

*Благовещение.
1490 г.*

несла ему славу и многочисленные заказы — теперь его знали не только во Флоренции, но и по всей Европе. В 1492 году умер, в страшных мучениях, Лоренцо Медичи. Флоренция, утратив мудрого и просвещенного правителя, попала под власть неистового доминиканца Савонароллы. В проповедях монаха было столько страсти, столько иступленной веры! Этот сорокалетний монах, уроженец Феррары, ставший настоятелем монастыря Сан-Марко, в своих проповедях обличал лживых, продажных пап в лице Александра VI Борджиа, известного своими пороками, папских приспешников, мирскую власть, погрязшую во грехе и забывшую Бога в погоне за роскошью и земными благами. Не нравилась ему и флорентийская Синьория, не отстаивавшая, как он полагал, интересы народа должным образом. На какое-то время и

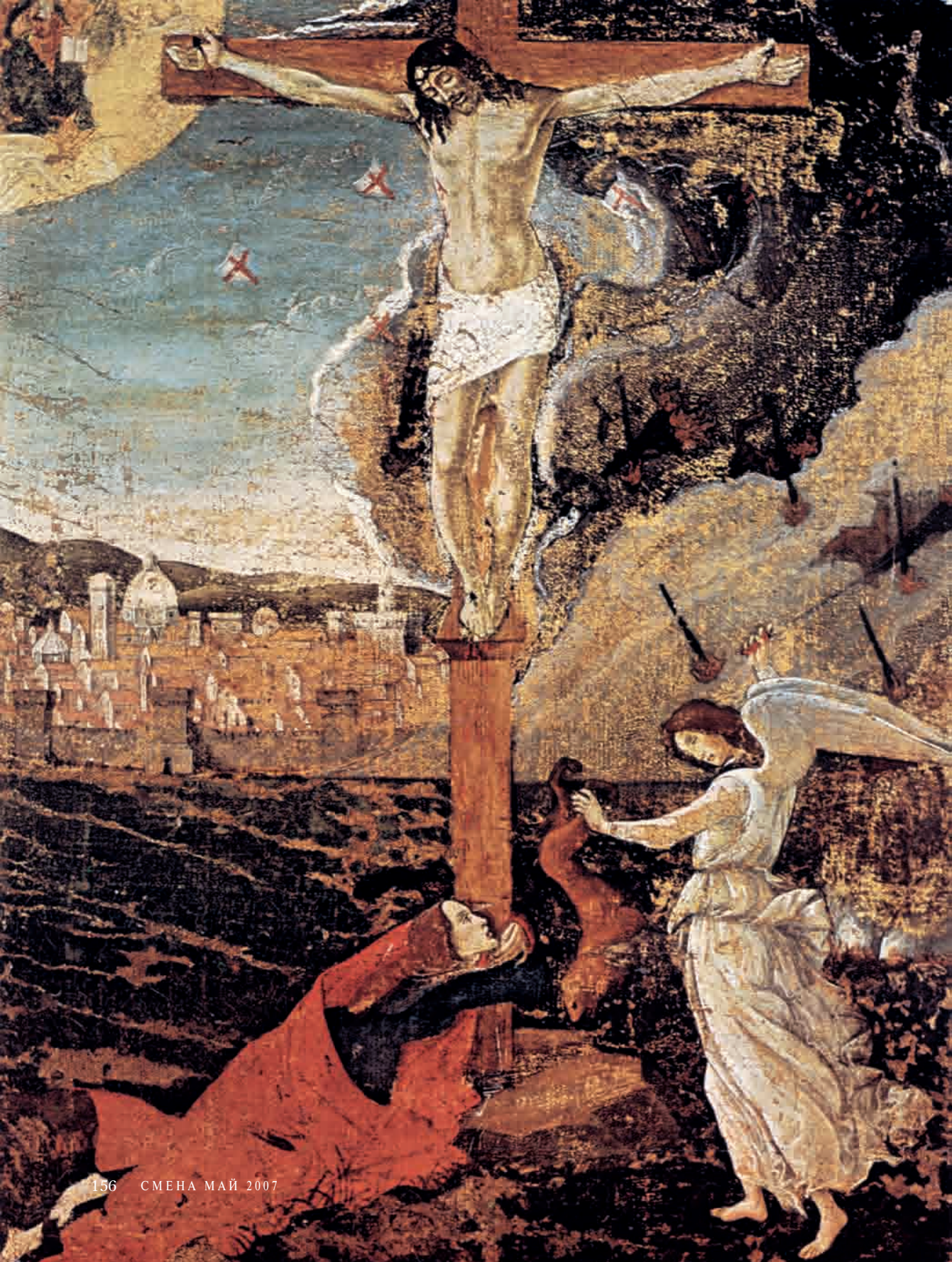
Боттичелли поверил его страстным обличениям, заворуженно наблюдая, как горят в пламени заложенных по приказу Савонароллы костров книги, картины, написанные на античные, языческие, сюжеты, музыкальные инструменты, предметы роскоши — символы «суеты сует», порождения дьявольского начала.

В 1496 году Боттичелли пишет большую картину «Клевета». Художнику необходимо сказать людям, прокричать, чтобы услышали: нет, ничто не может остановить невежество, когда оно идет рука об руку с обманом, коварством и завистью. Обольстительная Клевета не выпустит из своих рук несправедливо обвиненного, а Справедливость — вот она, стоит в стороне, робкая и слабая, и кто способен узнать в этой увядшей потухшей женщине черты прекрасной Венеры, Симонетты?

*Клевета.
Деталь: Истина
и Раскаяние.
1495 г.*

~ творец и женщина, другая

В 1490-х годах Боттичелли сделал в своем творчестве резкий поворот — теперь он создает картины только на евангельские сюжеты, языческим богиням на его полотнах места нет. Нет и той поэзии, музыкальности, что ранее были присущи его кисти — теперь все строже, суше, трагичнее.

Казалось, Савонаролла всегда будет править во Флоренции, казалось, она никогда не выберется из его благочестивых, но таких душных, смертельных объятий. Однако ход истории непредсказуем. Рим отлучил Савонаролла от церкви, и Флоренция, в страхе, что сия участь постигнет и весь город, отступилась от неистового доминиканца. Вскоре он был арестован и приговорен к казни. И вот 23 мая 1498 года бывший настоятель Сан-Марко корчился в огне на площади Синьории при огромном стечении народа, еще растерянного, не знающего, радоваться или печалиться.

Был растерян и Боттичелли — Савонаролла своими проникновенными речами смутил его душу, воспитанную в гуманистических традициях, господствовавших при дворе Медичи. Ведь так сложно примирить — да это просто невозможно! — идеи ценности человеческой личности, науки, просвещения, поэзии с аскетизмом, отказом от красоты, любви, счастья, с проповедью всепоглощающего служения Богу, со всем тем, к чему звал Савонаролла. Художнику трудно было найти новые ориентиры, новый смысл жизни, трудно было подойти к краскам и взять в руки кисть.

Последней его работой стало «Распятие». Фигура распятого Христа словно летит над городом, странно похожим на Флоренцию. Слева вверху — Бог-Отец, посылающий вперед ангелов со щитами, на которых начертан крест, а справа — дьяволы, мечущие из черного облака горящие факелы. В нижней части картины —

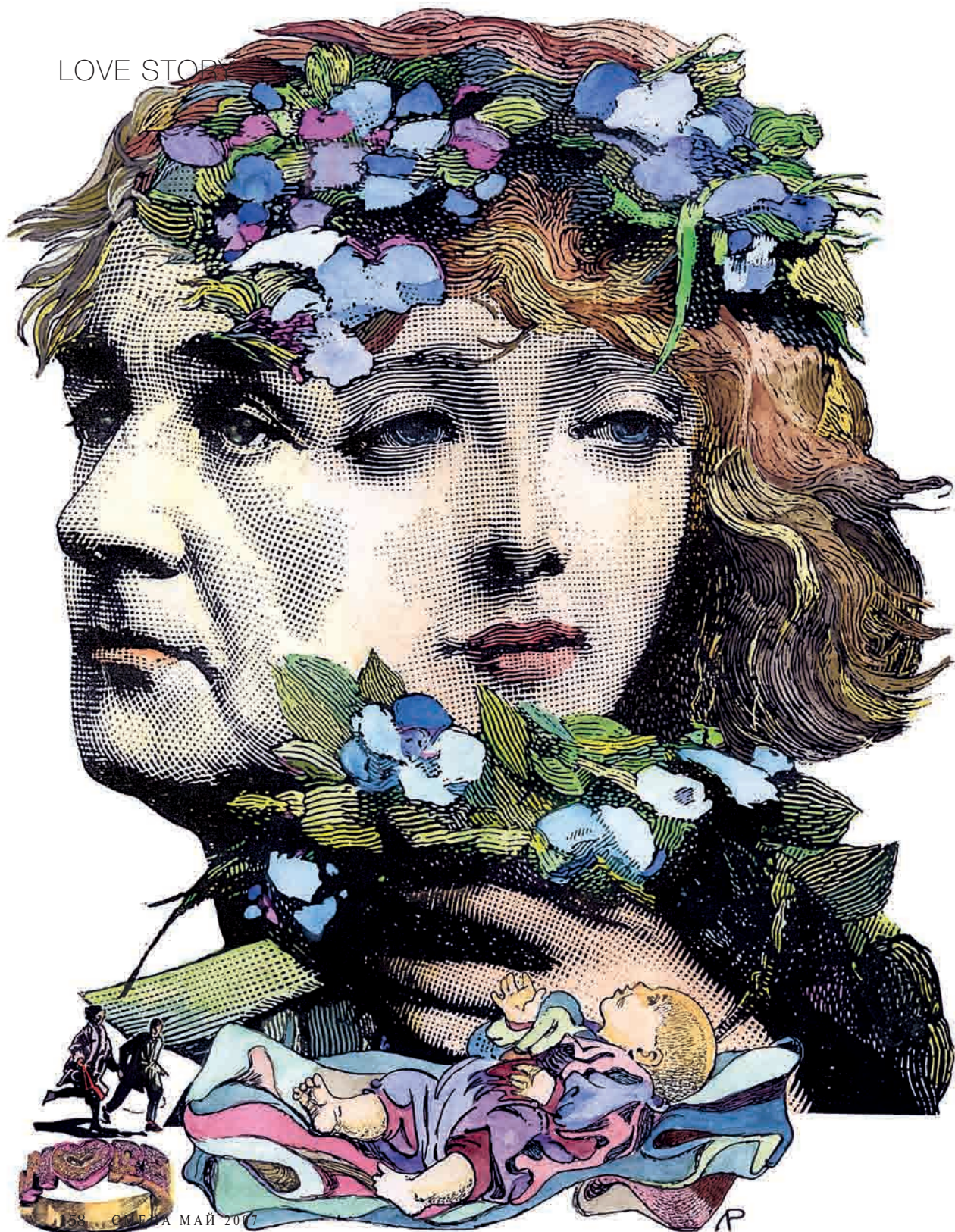
рыдающая Магдалина, иступленно обнимающая подножие креста, и ангел. Флорентийцы, современники художника, легко понимали символику картины: рыдающая Магдалина олицетворяла раскаявшуюся Флоренцию, которую, конечно же, только Божие вмешательство уберегло от страшного несчастья — таким несчастьем могло стать вторжение войск известного своей патологической жестокостью Чезаре Борджиа, сына папы Александра VI; в последний момент он отказался от похода на город.

Всю свою жизнь Боттичелли посвятил Флоренции — он почти не покидал любимый город, за исключением того времени, что проработал в Ватикане. Последние десять лет Боттичелли тяжело болел. Он жил в доме своих братьев, пребывая в полном забвении — во Флоренции теперь у всех на устах были Микеланджело, Леонардо и молодой Рафаэль. Старому Сандро уже ничего не хотелось, он почти не писал, многое забыл, но память о братьях Медичи и прекрасной Симонетте жила в его душе, и ему очень хотелось быть похороненным рядом с усыпальницей Симонетты.

Великий итальянский художник Сандро Боттичелли умер в 1510 году, оставив потомкам множество удивительных по красоте и совершенству исполнения работ. В «Книге мертвых» цеха врачей и аптекарей есть запись: «Сандро Боттичелли скончался 17 мая 1510 года, похоронен во Флоренции, на кладбище церкви Всех святых».

Прошли века, но, как и тогда, во времена расцвета Флоренции, жив рожденный художником «боттичеллевский» образ, вдохновленный давно ушедшей в небытие Прекрасной Симонеттой, живо чарующее искусство, пожалуй, самого поэтичного и самого музыкального художника Раннего Возрождения.

LOVE STORY

P

Светлана Бестужева-Лада

Брачные тайны

Глава первая.

Семейная история

Вадим Сергеевич посмотрел на часы и глубоко вздохнул. Девятый час, давно пора домой, а он все сидел в своем кабинете и занимался текущими делами. Да нет, не занимался, а придумывал себе все новые и новые вопросы, которые, якобы, необходимо было немедленно решить. Не хотелось ему домой, ну, совершенно не хотелось.

Еще пять лет тому назад он с удовольствием оставлял офис и ехал ужинать с неослабевающим удовольствием. Тогда он все делал с удовольствием: раскручивал бизнес, ловко уходил от всевозможных «крыш» и как бы покровителей, причем умудрялся ни с кем не портить отношений, покупал, ремонтировал и обставлял квартиру, покупал подарки жене и единственному сыну.

Единственному... Вадиму Сергеевичу всегда хотелось иметь большую семью, чтобы за стол садилось человек пять, не меньше. И он, и жена Инна были единственными детьми, ни братьев, ни сестер. Да и других родственников было, прямо скажем, не слишком много. Родители Инны погибли в автокатастрофе, когда она еще в школе училась, воспитывала ее тетка, да и та рано умерла от диабета.

У самого же Вадима ни теток, ни дядек отродясь не было, он и отца-то не помнил. Отец, конечно, где-то был, алименты от него до того, как сыну исполнилось восемнадцать, приходили регулярно. Но потом — как отрезало. Были еще в деревне родители матери, у которых Вадим проводил каждое лето.

После смерти стариков аккуратно по их участку прошла федеральная трасса. Вот тут-то Вадим впервые проявил деловую хватку: смог получить такую компенсацию, что хватило на открытие первого кафе.

За первым последовало второе, потом — еще одно, потом — ресторан... Через несколько лет заведения «У Сергеича» стали самыми популярными в старинном российском городе на Волге. Все знали: «У Сергеича» не отравят, не обсчитают, да и готовят отменно.

Да и семейной жизнью Вадим был доволен не меньше, чем деловой. Женился по любви, на скромной, хорошенькой девушке, нежной, ласковой, отменной хозяйке. Детей, правда, лет пять не было, но потом и это наладилось: родился сын, долгожданный, выстраданный. Сергеем назвали, чтобы традицию продолжить.

Но больше Инна рожать не могла. Врачи только руками разводили: диабет, всякие осложнения бывают. Радуйтесь, что один ребенок появился, здоровенький, крепенький, ничего такого не унаследовал... пока.

Они и радовались...

Инна работала воспитательницей в детском саду, отлично шила, вязала, о том, что существуют прачечные и химчистки, даже слышать не хотела. И хотя после рождения Сережи сильно расплнела, из прежней тростиночки превратилась в пышную матрону, легкости движений и сноровки не утратила.

И появившиеся большие деньги ее не изменили. Работу бросать она не собиралась, обновки по-прежнему шила и вязала сама, к предложению мужа купить дом за городом относилась с веселым скепсисом: наверняка соскучился по грядкам, еще и корову заведет, а то и двух, с него станется. В конце концов, Вадим махнул рукой и купил трехкомнатную квартиру в пяти минутах ходьбы от места работы жены.

С тем же энтузиазмом Инна взялась за обустройство нового жилья, а потом часами протира-ла, полировала, мыла свою чудо-квартиру, категорически отвергая все предложения мужа взять домработницу, хотя бы на несколько часов в день, хотя бы для стирки и уборки.

— Для чего я зарабатываю деньги? — сердился иногда Вадим Сергеевич. — Отдохни, научись получать от жизни удовольствие!

— Так я же получаю, Вадичка, — искренне отвечала Инна. — Это же такое удовольствие: вкусно вас накормить, застелить постели свежим бельем...

Сын Сережа рос на удивление послушным, хотя и шустрым мальчишкой. Уроков практически не готовил, но четверки в дом приносил крайне редко, в основном, по литературе, которую не любил. Потом увлекся спортом, записался одновременно чуть ли не в полдюжины секций и какое-то время от усталости засыпал на ходу, не в силах сделать окончательный выбор.

— Тебе-то самому что больше нравится, сынок? — допытывался Вадим. — Чем хочешь заниматься?

— Всем! — не задумываясь, отвечал Сергей. — Мне все нравится.

— Так не бывает.

— Бывает. У меня — так.

— И что, ты собираешься всем заниматься одновременно?

— Если получится.

— Не получится.

— Спорим, получится.

Спорить с сыном Вадим благоразумно не стал. Время само все определило: к тринадцати годам Сережа окончательно выбрал бокс. После этого последовательно заработал перелом носа, вывих челюсти, легкое сотрясение мозга и прочие сопутствующие этому виду спорта «прелести».

Кроме того, оброс внушительной мускулатурой, за какой-то год вымахал до ста восьмидесяти сантиметров и перестал бояться вообще чего бы то ни было. К литературе, правда, испытывал по-прежнему стойкое отвращение. Пока не познакомился с Алиной... Аленькой.

Произошло это в десятом классе. Сергей возвращался домой после тренировки и услышал, как в темном дворе кто-то зовет на помощь. Не долго думая, кинулся туда и обнаружил, что двое подвыпивших «качков» явно обижают какую-то девчонку. С обидчиками он разобрался, что называется, на «раз-два-три» и только потом обнаружил, что спасенная им юная особа — Алька из параллельного класса.

До этого времени он на нее и внимания-то не обращал, как, впрочем, и вообще на девчонок. В его шкале ценностей девочки находились где-то после удачной утренней пробежки и непосредственно перед кружкой пива, которое он терпеть не мог. Но как только увидел эти темные заплаканные глаза...

В общем, Сергей доставил Алину непосредственно до двери квартиры, смущенно выслушал излившийся на него по пути поток благодарностей и быстро сбежал. А наутро, войдя на школьный двор, увидел устремленный на него сияющий взгляд темных глаз. После уроков просто не мог не

проводить Алечку до уже знакомой двери. А там с изумлением услышал собственный голос: он приглашал Алину погулять вечером по набережной. Благо тренировки в этот день не было.

Месяц спустя Сергей привел Алину домой и познакомил с родителями. То есть не познакомил, а поставил перед фактом:

— Мы собираемся пожениться, когда закончим школу.

Вадим Сергеевич чуть было не вспыл, но поймал укоризненный взгляд жены и... остыл.

В конце концов, ничего страшного не происходило. Первая любовь, первая девочка в его жизни, первый мальчик — в ее. Погуляют, подрастут, десять раз передумают. А если не передумают... Что ж, случается, что первая любовь становится единственной и длится всю жизнь.

Правда, родители Алины, точнее, ее мать придерживалась совершенно иной точки зрения. Впрочем, в родной семье, бестолковой и довольно скандальной, Аля всегда чувствовала себя не слишком уютно: старшая сестра, признанная красotka, откровенно третировала «несносную девчонку», отец пил, мать вконец отупела от вечного безденежья и рукоприкладства супруга.

В один далеко не прекрасный день она буквально ворвалась в квартиру своих потенциальных родственников и наговорила такое... Сергей вспыхнул и хлопнул дверью после первых же фраз, Алина заплакала и убежала невесть куда, только Инна Ивановна с поразительным спокойствием выслушала монолог-истеричку, густо пересыпанный нецензурщиной:

— Переманили девку своими ворованными деньгами! Она и подстилка для вашего сыночка ненаглядного, и прислуга дармовая! Хорошо устроились, сволочи! Алька у вас днюет-ночует, в родной дом уже дорогу забывать стала, меня, мать, видеть не желает! А я, значит, отдувайся за все — и по дому, и на работе, и за мужем ухаживать? Все одна?

— А как же сестра Алины? — поинтересовалась Инна Ивановна.

— А что — сестра? Что — сестра? Ей замуж пора, свою семью создавать, как она жениха найдет, если дома сидеть станет? Да и работа у нее трудная, нужно спать подольше, хорошо питаться, за собой следить.

Про работу Аиды — старшей сестры Алины — в городе знали, кажется, все. Очень красивая, до невозможности избалованная матерью, девушка желала стать либо манекенщицей, либо фотомоделью, не прилагая к этому никаких усилий. Она совершенно искренне считала, что красивее ее нет во всем мире, что женщины могут ей только молча завидовать, а мужчины, независимо от возраста и толщины кошелька — немедленно падать к ее длинным стройным ногам и уже никогда не подниматься.

Пока же она числилась главной фавориткой самого известного местного авторитета, который, впрочем, не спешил покупать любовнице квартиру или машину, ограничивался походами-поездками во всевозможные рестораны и не слишком дорогими подарками. Зато обещал устроить ее в престижное модельное агентство буквально на следующей неделе, вот только эта неделя что-то все никак не наступала.

— Адочку не трогайте, она здесь ни при чем! Алька обязана мне во всем помогать, а она — ишь, как ловко устроилась! Небось, и муженек ваш ее не пропускает, то-то у него никаких баб на стороне вроде бы нету. А зачем ему на стороне, когда дома все под рукой, а жена-дура под носом у себя ничего не видит...

Когда поток этого мутного красноречия начал иссякать, Инна Ивановна вздохнула и сказала: — Бедная вы, бедная! Как же вас жизнь замучила, если вы так озлобились!

Когда гостья, наконец, убралась, прихватив с собой рыдающую Алину, супруги какое-то время молча сидели в кухне за столом напротив друг друга.

— С такими вот детьми у меня в садике всегда проблемы, — заговорила, наконец, Инна Ивановна. — Они не злые, а — озлобленные, потому и хотят, чтобы всем было так же плохо, как им. Их не наказывать нужно, а жалеть, таких только лаской вылечить можно... Девочка-то совсем пропадет, если мы от нее отступимся. Попробую как-нибудь ее мать уговорить, урезонить.

Наверняка она Алечку по-своему любит и добра ей желает, вот и будем вместе стараться. Ничего, все образуется, вот увидишь...

Зная жену, Вадим Сергеевич в таком исходе событий даже не сомневался.

В общем, некоторое время спустя Аля стала в доме своей, и Вадим Сергеевич не раз и не два дивился терпению и такту Инны Ивановны. Та терпеливо, ненавязчиво обучала Алину практически всему — умению вкусно и быстро готовить, красиво сервировать стол, вязать, шить, вышивать... При этом к тяжелой, грязной работе девочку не подпускала, умудрялась все делать сама, как бы играючи, как бы незаметно...

А потом все рухнуло, как говорят, в одночасье. Инна Ивановна поскользнулась на блестящем кафельном полу своей роскошной кухни и упала. Перелом шейки бедра сам по себе — не подарок, хотя в возрасте сорока пяти лет вполне излечим. Но падение каким-то образом спровоцировало вспышку и стремительное развитие диабета.

Молодая еще женщина ушла из жизни после трех месяцев непрерывных страданий. Больница — дом — снова больница, и никакого улучшения. Даже очень сильные лекарства уже практически не снимали почти невыносимые боли. И все-таки Вадим Сергеевич на что-то надеялся, приглашал одного за другим самых известных врачей, обращался к экстрасенсам, целителям, даже каким-то замшелым деревенским бабкам. Тщетно.

По странной, точнее, страшной иронии судьбы, Инна Ивановна скончалась за три дня до собственной серебряной свадьбы, и давно ожидаемый праздник обернулся сплошным кошмаром для близких. Прощаясь, Вадим Сергеевич надел на холодный, восковой прозрачности палец жены кольцо с бриллиантом — его подарок на юбилей. И впервые в жизни напилась: сознательно, страшно, по-черному. Как жить дальше, он просто не знал.

Кроме жены, в его жизни не было других женщин, он даже не задумывался над тем, что подобное возможно. Хотя вокруг рушились казавшиеся незыблемыми семейные союзы, коллеги-бизнесмены заводили молоденьких любовниц... Но одна мысль о том, что кто-то войдет в его опустевший дом, будет спать рядом, да просто — хозяйничать на кухне, где все напоминало об Инне, была для молодого еще вдовца невыносимой.

Он практически забыл о том, что сыну нужны тепло и участие, замкнулся в своем горе, приезжал домой только спать. А через полгода обнаружил, что Сергей замкнулся, отдалился от него, стал жить какой-то своей жизнью. И первое место в ней занимала Алина, фактически уже его жена. Они ждали, когда обоим исполнится восемнадцать, только тогда можно было пожениться без особых трудностей и нудной бумажной волокиты.

— И на что вы будете жить? — поинтересовался как-то Вадим Сергеевич, поняв, что намерения молодых вполне серьезны. — Вам еще в институт поступать, пять лет учиться...

— Дворником буду работать, — огрызнулся в ответ Сергей. — Тебе на шею не сядем, не волнуйся.

Сидевшая рядом Алина молча положила руку ему на плечо, и Сергей тут же сбавил тон:

— Я бы пошел на вечерний, но тогда в армию загребут.

— Совершенно не обязательно приносить огромные жертвы, — не без раздражения заметил Вадим Сергеевич. — Прекрасно можешь подрабатывать у меня.

— Грузчиком? Или шофером?

— Серженька, — нежным голосом вмешалась Алина, — твой папа, наверняка, хотел сказать, что при твоём знании компьютера...

Вадим Сергеевич бросил на будущую невестку благодарный взгляд. Именно такой вид работы он и подразумевал, просто не слишком удачно построил фразу. А эта умница моментально нашлась и исправила взрывоопасную ситуацию.

— Можно и по-другому, — уже спокойно произнес он. — Я где-то читал, что раньше государство оплачивало учебу молодых людей, а потом они этот долг постепенно возвращали. Я ведь понимаю, что просто так деньги ты у меня не возьмешь...

— Правильно понимаешь, — буркнул Сергей. — И не волнуйся, пока не станем самостоятельными, детей заводить не будем.

Алина слегка покраснела, встала и отошла к плите, где у нее что-то варилось.

— А я и не волнуюсь, — пожал плечами Вадим Сергеевич. — Мы с твоей мамой семь лет были женаты, когда ты родился.

Как всегда, при мысли о жене-покойнице больно сжалось сердце, и Вадим Сергеевич полез за сигаретами.

— Дай и мне, — вдруг протянул руку Сергей. — А то за своими идти неохота.

Вадим Сергеевич поперхнулся табачным дымом.

— Ты что... куришь?

— А ты только сейчас об этом узнал, да?

— Представь себе.

— Представил. Ты вообще обо мне что-нибудь знаешь... теперь?

Вадим Сергеевич побагровел, не столько от гнева, сколько от острого чувства стыда. Действительно ведь, забыл о парне совершенно!

— Прости, Сережа, — тихо сказал он. — Понимаешь, я очень люблю твою маму... То есть любил...

Вдруг на голову его легла легкая прохладная женская рука.

Алине было пронзительно жаль этого уже не чужого, а как-то странно близкого ей мужчину, еще не старого, но с сильной проседью, которая появилась у него совсем недавно. Как же он любил свою жену, если до сих пор так переживает! Может быть, и Сережа такой же: молчун и скуповатый на ласку, но в глубине души любящий и беззащитный перед горем? Бедные ее мужчины!

Впервые Алина мысленно объединила своих будущего мужа и свекра в нечто единое. И с этого вечера уже не могла думать иначе. «Ее мужчины» — сильные, надежные и... беспомощные. Ее любимые мужчины...

Этот вечер надолго определил их дальнейшие отношения. Вадим Сергеевич стал возвращаться из офиса раньше, ужинал вместе с сыном и его невестой, обсуждал с ними возможности поступления в институт, предстоящие выпускные экзамены. Теперь его интересовало все: и какой проходной балл в том вузе, который наметил для себя Сергей, и какое платье наденет Алина на выпускной бал, и какие изменения нужно будет сделать в квартире к свадьбе.

— Я хочу шить такое платье, чтобы в нем потом можно было бы в ЗАГС пойти, — степенно рассуждала Алина, хозяйничая за столом. — Глупо ведь выбросить несколько тысяч на одноразовый наряд, а потом тратить еще столько же на другой...

— Доченька, свадьба бывает один раз в жизни, — возражал Вадим Сергеевич. — Давай сделаем одно платье к выпускному балу, а второе...

— Ну, что вы! Там же и фата понадобится, и перчатки, и букет... И потом, мне так хочется обвенчаться...

— Ну, и обвенчаетесь, какие проблемы? Жаль, нам с Инной это в голову не пришло. Хотя тогда за подобные вещи по головке бы не погладили.

— Сережа не хочет, — быстро шепнула Алина.

Вадим Сергеевич с изумлением посмотрел на сына:

— Это почему?

— А я же некрещеный, — безмятежно заявил тот. — Алька — крещеная, а я — нет. Как буд-то ты этого не знаешь.

— Знаю, конечно. Но ведь можно и окреститься...

— Вот еще, стану я попу врать! Он же спросит: веришь ли? А я...

— А ты не веришь?

— Не верю, — уже чуть более агрессивно отозвался Сергей. — И не могу верить во все эти чудеса, единство в трех лицах и так далее. Не могу — и все...

— Сerezенька, — тихо перебила его Аля, — ты же не собираешься становиться священником или монахом, правда? И в храм тебя никто силком тащить не собирается...

— Да? А венчаться ты как будешь?

— А ты веришь в то, что штамп в паспорте связывает людей на всю жизнь?

— Ну, ты даешь! — весело хмыкнул Сергей. — Нет, конечно. Главное, чтобы любовь была...

— Вот-вот. Мы с тобой друг друга любим, правда?

— Ну, правда...

— Не «ну», а точно. Так неужели тебе трудно ради этой любви пятнадцать минут в церкви провести и крестик надеть? Если бы тебя крестили, как меня, младенцем, вообще не о чем было бы сейчас разговаривать, обвенчаться-то ты согласен.

— Все, Алька, закончили базар, — хлопнул Сергей рукой по столу. — Сдаем экзамены, подаем документы в институт, поступаем, а потом... Потом, шут с вами со всеми, окрещусь, обвенчаюсь, вокруг костра попрыгаю и в бубен побью. Чтоб уж, значит, наверняка.

— Чтобы наверняка, — вздохнула Алина, — нужно подождать, пока мне восемнадцать исполнится. Мама разрешения ни за что не даст, а без разрешения...

— Ну, так подождем, подумаешь! Зато потом так-к-ую свадьбу закатым! Все равно меньше года осталось: я родился в октябре, ты — в апреле. Сдадим летнюю сессию и...

— Перестань, — замахала руками Алина, — еще сглазишь! Школу еще нужно закончить...

— В институт поступить, — подхватил Сергей. — Не бойсь, прорвемся! Ты знаешь, я пораженный не признаю...

Выпускные экзамены оба сдали достаточно легко и без троек. То есть Сергей сдал без троек, а Алина закончила школу с серебряной медалью. Подвела математика, с которой девочка была в довольно сложных отношениях. Но унывать по этому поводу Аля не собиралась, наоборот, искренне радовалась:

— Слава Богу, никогда в жизни больше не придется заниматься ни алгеброй, ни геометрией, ни этой самой клятой тригонометрией! Потерянное время! Четырех правил арифметики мне для жизни как-нибудь хватит, да и в детских садах высшая математика пока не нужна.

Алина собиралась стать... воспитательницей в детском саду. Маленьких детей она любила самозабвенно, совсем как Инна Ивановна. И вообще Вадим Сергеевич с какой-то боязливой радостью замечал в невесте сына все больше и больше сходства с обожаемой женой.

Платье для выпускного бала Алина сшила сама, правда, деньги на материал дал Вадим Сергеевич. Шила долго, бесконечно что-то переделывала, пересмотрела невероятное количество модных журналов и просто иллюстрированных изданий. Но дело того стоило.

Когда Вадим Сергеевич увидел Алину в начале выпускного вечера, то узнал только потому, что она стояла рядом с парадно-подтянутым Сергеем. Но это была не привычная, знакомая до мельчайших черточек девчонка, а настоящая красавица в длинном платье и с живыми цветами в гладко причесанных волосах. Атлас цвета слоновой кости красиво облегал тонкую талию, широкие рукава ниспадали до запястий, где были прихвачены манжетами, как и пояс, расшитыми искусственным жемчугом. Действительно — хоть сейчас под венец!

Увы, люди предполагают, а жизнь распорядится по-своему. На вступительных экзаменах в строительный институт Сергей недобрал два балла и почти сразу получил повестку в армию. О том, чтобы попробовать уклониться от выполнения «гражданского долга», у него даже мысли не возникло: не так воспитывали.

На проводах Алина рыдала так горько, словно готовилась не к двум годам ожидания, а к вечной разлуке. Сергей растерянно топтался возле своей юной невесты, не зная, как ее утешить. Только под конец попросил:

— Алька, ты меня дождись, ладно?

Она подняла на него заплаканные, опухшие глаза и ответила:

— Я не оставлю Вадима Сергеевича одного.

Глава вторая.

Долгое ожидание

Письма от Сергея приходили часто, практически — каждую неделю. Он попал в десантные войска, и, похоже, был вполне доволен своей новой жизнью. Никаких «страшилок» в армии он не обнаружил: то ли ему повезло с соседями по казарме, то ли звание мастера спорта по боксу, точнее, способность за себя постоять, отбивала — в прямом и переносном смысле — всякую охоту у «дедов» покуражиться над «салагой».

Писал он своей невесте, но... на адрес родителей. Впрочем, это было естественно: Алина свое обещание не оставлять Вадима Сергеевича выполняла неукоснительно. Тот только диву давался, как эта хрупкая девушка успевает и учиться, и помогать по хозяйству матери, точнее, вести все хозяйство, и заботиться о будущем свекре. Квартира сверкала, стирка-глажка производились как бы сами по себе, обед и ужин оставалось только разогреть в микроволновке.

Единственное, что по-настоящему тяготило Вадима Сергеевича — установившаяся неестественная тишина в доме. Дни он проводил на работе, а вот вечера... Вечерами все чаще становилось тоскливо. Не спасал ни телевизор, ни чтение, ни даже новая игрушка — компьютер с играми Сергея. Раскладывать до бесконечности пасьянсы Вадим Сергеевич не мог, туповатые забавы с шариками-крестиками раздражали, а более сложные игры как-то не осваивались.

С друзьями же у Вадима Сергеевича всегда было, мягко говоря, сложно. Двух одноклассников, с которыми он был по-настоящему близок, давно разбросало по разным городам в совершенно противоположных концах России. Большинство однокурсников тоже разбегались в поисках удачи еще на заре так называемой «перестройки», а оставшиеся, за редким исключением, не могли простить процветающий бизнес человеку, ничем, казалось бы, от них не отличавшемуся.

Те же немногие, которым тоже удалось подняться, не понимали стремление весьма и весьма состоятельного человека остаться как можно более незаметным. Ни загородного особняка, ни «крутой» иномарки, ни телохранителей, ни молодой любовницы. С Вадимом Сергеевичем невозможно было «закатиться» в какую-нибудь роскошную сауну. Устроить «вечерок для своих» в дорогом закрытом ресторане. Всласть погулять «на лоне природы». Как был скучным, практически непьющим «женатиком», так и остался, несмотря на преждевременное вдовство.

Так прошел год. В один из дней поздней слякотной осени отец Алины, как говорится в сводках происшествий, «ушел из дома и не вернулся». Просто исчез где-то между своей работой — оптовым складом — и родной квартирой.

Это внезапное исчезновение опостылевшего вроде бы алкоголика и буяна странно подействовало на мать Алины: она слегла чуть ли не на месяц с диагнозом «острое нервное расстройство». А потом и вовсе угодила в стационар, правда, стараниями Вадима Сергеевича, платный и относительно комфортный, но... Дурдом он дурдом и есть, живут там иногда долго, но выздоравливают крайне редко.

Красотка Аида, так и не сделавшая карьеру фотомодели и перешедшая от одного местного авторитета к другому, решила попытать счастья в столице, а стартовым капиталом для этого сделала... родительскую квартиру. При ее связях во вполне определенных кругах продать «по доверенности» пусть и запущенную, но двухкомнатную, в центре города квартиру особого труда не составило.

Алина вместе с матерью-инвалидом и находящимся в розыске отцом оказалась прописанной в половине деревянной хибары где-то на окраине города, куда ее и выбросили вместе с нехитрыми пожитками буквально на следующий день после продажи квартиры.

Вадим Сергеевич не успел вмешаться — так быстро все произошло, а когда захотел все-таки помочь, Алина уговорила его этого не делать: «друзья» сестрицы были людьми незамысловатыми, и все проблемы решали одним-единственным способом — силовым.

Полгода длилось это мучение — попытка хоть как-то устроиться в развалюхе с печным отоплением и «удобствами» во дворе. От денежной помощи Вадима Сергеевича Алина категорически отказывалась, хотя он сто раз мог купить ей любую квартиру в любом районе.

— Почему, ну, почему ты такая упрямая? — спрашивал он будущую невестку при каждой встрече. — Мы ведь уже почти родственники. Хорошо, я куплю квартиру на имя Сергея, если ты такая уж щепетильная, запри свою избушку на курьих ножках и живи в нормальных условиях.

— Вот вернется Сережа, тогда и посмотрим, — отвечала Алина, не глядя на собеседника. — Я уже почти привыкла. И мама, кажется, поправляется, скоро ее выпишут...

— Ей тоже нужны человеческие условия...

— Хватит того, что вы платите за ее лечение.

— Я напишу Сергею.

— Это ничего не изменит.

Это действительно ничего не изменило. Сергей ответил, что Алина — самостоятельная и совершеннолетняя, что следует уважать имеющиеся у нее принципы, и вообще, жилье — это, конечно, важно, но не стоит возводить его в смысл жизни.

Чужие принципы Вадим Сергеевич, разумеется, уважал, но... Но считать Алину чужой уже не мог. И был уверен в том, что Инна обязательно поддержала бы его, что она нашла бы убедительные слова, уговорила бы юную гордячку... Если бы Инна была жива.

В годовщину ее смерти Вадим Сергеевич впервые отправился на кладбище, не считая тех, вымученных, визитов на девятый и сороковой дни. Отправился с тяжелым сердцем, предпочитая помнить жену живой и близкой, а не «читать ее память», убирая могильный холмик и приводя в порядок памятник и ограду.

К огромному изумлению Вадима Сергеевича, ничего не пришлось приводить в порядок. Белоснежный памятник сиял чистотой, в цветничке перед ним среди густой и короткой зеленой травы яркими пятнышками были разбросаны маргаритки и еще какие-то цветочки, вокруг — ровный желтый песок, чугунная оградка и маленькая скамеечка внутри нее аккуратно покрашены...

— Самая присмотренная могилка на кладбище, — раздался за ним низкий голос. — Уход за ней... как за актрисой какой.

Вадим Сергеевич резко обернулся. В нескольких шагах от него стояло существо, похоже, женского пола, в каких-то невообразимых лохмотьях, грязное и нечесаное. Больше всего Вадима Сергеевича, однако, поразили глаза этого существа — большие, ярко-голубые и очень осмысленные.

— Дочка тут ее приходит, — продолжила бомжиха. — Хорошая девочка, добрая, наверное, мать так воспитала, сразу видно. И уберет все, и камешек вымоет, и свечку поставит, и помолится, и мне, грешной, обязательно что-нибудь подаст. Хотя сразу видно — не из богатеньких, сама копейки считает.

Вадим Сергеевич машинально вынул из кармана какие-то деньги и протянул бомжихе. Купюры мгновенно исчезли в ее лохмотьях.

— Дай тебе Бог здоровья, миленький, — пробормотала она. — Сестра тут твоя, что ли?

— Жена... — с трудом проговорил Вадим Сергеевич.

— Ишь ты, горе какое! А кольцо, однако, на правой руке носишь... Она для тебя еще живая, правда? Молчи, сама вижу. А дочка у вас хорошая, замечательная дочка...

Вадим Сергеевич молча кивнул. Дочка... Значит, Алина постоянно ездит сюда. И ведь ни словечком не обмолвилась, ничего не рассказала.

— Как вас зовут? — неожиданно спросил Вадим Сергеевич у бомжихи.

Та не удивилась, рассмеялась:

— Зовут зовуткой, а кличут — уткой. Зачем тебе?

— Может быть, помочь... с работой?

— И-и, милый, какая из меня теперь работница! Спиваюсь я, сам, небось, видишь. Оно и ладно, надоело уже все.

— Но...

— Не переживай. За заботу, конечно, спасибо. А у тебя, милоч, все еще хорошо будет, я вижу. Сын еще родится...

— Да? — недоверчиво усмехнулся Вадим Сергеевич. — А как насчет внуков?

— И внуки у тебя будут, и сын, я вижу. Все будет. Только с плеча не руби, горячку не пори, да на Бога уповай. Все и сладится...

Бомжиха повернулась и почти мгновенно исчезла в густой кладбищенской зелени.

«И сын, значит, будет, — с горькой иронией подумал Вадим Сергеевич. — Конечно, мне только и осталось, что на старости лет все снова начинать. Господи, чего только не наплетут с пьяных-то глаз...»

Вечером он так и не дождался Алины, рассеянно поужинал, рассеянно посмотрел телевизор и рано лег спать. Заснул — и почти тотчас же услышал звонок в дверь, настойчивый, тревожный и одновременно робкий. Господи, кто это на ночь глядя?

Впрочем, ночь уже заканчивалась, в окна просачивался пасмурный рассвет. Значит, сам не заметил, как заснул. Вадим Сергеевич, не спрашивая, распахнул дверь и остолбенел. На пороге стояла Алина. Растрепанная, грязная, заплаканная и... босая.

— Что случилось? — выдохнул он.

Алина опустила на пол возле двери и отчаянно, по-детски зарыдала. Сквозь эти рыдания пробивалось нечто совершенно бессмысленное:

— Мама... поздно пришла... печку керосином... вытащить не успели...

Вадим Сергеевич почти на руках внес девушку в квартиру и больше часа пытался как-то успокоить. Но рыдания Алины не утихали, перешли в самую настоящую истерику, и он, перепуганный, вызвал «скорую», которая на сей раз оправдала свое название и приехала с рекордной скоростью — через пятнадцать минут. Пожилой уставший врач молча сделал Алине какой-то укол, а потом негромко сказал медсестре:

— Помоги девушке умыться, что ли...

Та повела уже бессловесно-покорную Алину в ванную, а Вадим Сергеевич задал, наконец, мучивший его вопрос:

— Что с ней?

— Сильный стресс, — отозвался врач, слегка оживившийся после того, как в его кармане оказалась крупная купюра. — Я бы даже сказал — сильнейший. Пару часов назад коллеги с другой подстанции на пожар в слободу выезжали. Думаю, девушка ваша оттуда прибежала, не случайно вся в копоти.

— Она что-то пыталась сказать о пожаре, — вспомнил Вадим Сергеевич.

— Домишко деревянный там сгорел. То ли проводка подвела, то ли с сигаретой кто-то зашел...

— Она что-то говорила про печку...

— Стресс у нее. Ну, кто в такую погоду печки топят, сами посудите. Она вам, простите, кем будет?

— Она будущая жена моего сына, — с холодком в голосе ответил Вадим Сергеевич. — Сын сейчас в армии.

— А-а, ну, значит, под присмотром будет. Укол я ей сделала сильный, может до вечера проспать. А там, простите, только время поможет. Там ведь кто-то погиб, на пожаре этом. Женщины на какая-то...

— Это ее мать, — тихо проговорил Вадим Сергеевич. — Недавно из больницы выписали.

Тут вернулась медсестра с почти уже спящей, зато умытой и причесанной Алиной, на кото-

рой вместо закопченного платья был надет махровый халат Инны Ивановны, так и висевший в ванной комнате.

— Уложите вашу невестку спать и, по возможности, последите за ней. Дома, кроме вас, кто-нибудь есть?

Вадим Сергеевич покачал головой.

— Я вызову сиделку. Хорошая женщина, помогала моей жене, когда та бедро сломала...

— Ну, и ладно, — покладисто согласился врач. — Покой, только покой. До свидания.

— До свидания, — машинально отозвался Вадим Сергеевич.

Алину уложили в Серезжиной комнате, и Вадим Сергеевич, тут же вызвав сиделку, долго курил на кухне. Потом решительно тряхнул головой и позвонил знакомому полковнику милиции, чтобы получить хоть какую-то информацию.

Вопреки ожиданиям, информация он получил почти сразу и достаточно полную. Деревянный домишко, вторая половина которого давно пустовала из-за аварийного состояния сооружения, загорелся часов в девять вечера. Пожарные приехали как раз вовремя для того, чтобы спасти... девушку, рвущуюся в самый огонь. Она кричала, что там осталась ее больная мать, рыдала, умоляла спасти пожилую, беспомощную женщину...

— Так убивалась, — хмыкнул полковник, — что некоторые даже подумали: сама подожгла. Матушка-то у нее была головой скорбная, с такой возиться молодым не очень-то интересно. Да еще хибара эта... А ты, Сергеич, с какого бока интересуешься?

— С такого, — резко ответил Вадим Сергеевич, — что эта ваша злоумышленница — Серезжки моего невеста. И я точно знаю, что на преступление она не способна.

— Да? — искренне удивился полковник. — Твоя, значит, почти родственница? А что в такой халупе живет?

— А то, что сестрица ее старшая последней сволочью оказалась...

Вадим Сергеевич вкратце рассказал историю квартирных мытарств Алины. На другом конце провода полковник только присвистнул:

— Ну, дела! А что ж ты мне раньше не позвонил?

— Она же и запретила. Гордая очень. Матушку ее я, правда, в приличную лечебницу определил, а дальше уже ничего сделать не мог. Ничего, теперь сделаю. Квартиру я куплю, конечно же, на Серезжку куплю, чтобы лишних разговоров не было, а ты помоги девочку там прописать. Все равно ей новый паспорт делать и все такое... Пока спохватится — уже штамп о прописке стоять будет.

— Я могу и штамп о браке организовать, — серьезно предложил полковник.

— Не сомневаюсь. Только потом они с Серезжкой мне, старому, голову оторвут. За злоупотребление, значит, знакомствами.

— Что, оба такие принципиальные?

— Оба, — со вздохом подтвердил Вадим Сергеевич.

— Значит, в тебя пошли, — неожиданно заключил полковник. — Или в Инну твою, царствие ей небесное.

— Наверное...

— А где она сейчас будет жить?

— У меня, где же еще? Только что «скорая» уехала, сейчас сиделку жду. Серезжкина комната все равно свободная.

— Ладно, все сделаю. Только сестрице ее прописку устраивать вообще нигде не буду, не взыщи. Пусть, если вернется, сама старается, коли такая шустрая.

— Да мне бы век о ней не слышать! А за помощь — заранее спасибо. Заходи как-нибудь, Инну помянем, поговорим не о делах.

— Зайду, — искренне пообещал полковник. — Вот самые неотложные дела разгребу — и зайду. Давно не виделись.

Оба прекрасно знали, что все это останется только мечтами: свободного времени у полковни-

ка не было уже тогда, когда он носил лейтенантские погоны. И что увидятся они, скорее всего, на свадьбе... если, конечно, до этого не произойдет что-нибудь из ряда вон выходящее. Двух-то школьных друзей они похоронить уже успели...

Алина поправлялась долго. Исхудала почти до прозрачности, была неестественно молчаливой и почти все время спала. Она и не ела бы ничего, если бы Вадим Сергеевич буквально силком не впихивал в нее все мыслимые и немыслимые деликатесы, которые только мог раздобыть. В его ресторане один из поваров вообще готовил только для Алины — крохотные порции, но по десять-двенадцать блюд в день.

Наконец, врач, который наблюдал Алину все это время, сказал, что кризис вроде бы миновал, но хорошо бы отправить девушку в санаторий, закрепить результаты лечения и развить, так сказать, успех. Радостный Вадим Сергеевич притащил домой целую кучу красочных проспектов лучших санаториев мира и... обнаружил, что Алина действительно поправилась.

— Никуда я не поеду, — слабым, но решительным голосом заявила девушка. — Не нужны мне никакие санатории.

— Так ты никогда не поправишься, — рассердился Вадим Сергеевич. — Что за детский сад, в самом деле! Поедешь, как миленькая.

— Не поеду, — еще более твердо сказала Алина. — Я здесь все запустила, семестр вот-вот закончится, нужно сессию сдавать.

— Возьмешь академический отпуск, подумаешь!

— Не хочу.

— А что ты хочешь? — повысил голос Вадим Сергеевич. — Стать инвалидом? Это — в лучшем случае, между прочим. Про худший даже говорить не хочу, хватит с меня Инны...

Он осекся, резко встал и вышел на кухню. Алина догнала его и тронула за локоть.

— Не сердитесь, дядя Вадим. Мне, правда, не нужен санаторий, честное слово. Не хочу никуда ехать, буду здесь гулять, принимать витамины, хоть рыбий жир пить. Только не отправляйте меня никуда, пожалуйста... — Она замолчала и опустила на первый попавшийся стул.

— Девочка моя, — растроганно произнес Вадим Сергеевич, — я же хотел для тебя... Ну, успокойся, никуда никто тебя силком не отправит. Только обещай, что пока поживешь тут, не будешь ничего делать по дому и вообще...

— Обещаю. Я все буду делать потихонечку... то есть буду делать только то, что вы разрешите. И потом... мне же пока все равно негде жить.

— Успокойся, есть. Пока ты болела, тебя уже прописали по новому месту жительства... взамен сгоревшего. Квартирка небольшая, но уютная, отсюда недалеко, я сам проверял.

— Все-таки вы купили квартиру, — пробормотала Алина.

— Ничего я не покупал, — попробовал вывернуться Вадим Сергеевич. — Тебе дали...

— Дядя Вадим, вы же, простите, врать не умеете. Кто это мне сегодня что-нибудь бы дал? Максимум — компенсацию, и то...

— Хорошо, купил. Но компенсацию тебе действительно дали, и именно на нее и делается ремонт. Я ведь тебя немножко знаю, правда?

Алина слабо улыбнулась и кивнула:

— Правда. Но в санаторий я все равно не поеду.

Молодость есть молодость. Встав на ноги, Алина действительно начала быстро поправляться. Смогла подготовиться к зимней сессии и благополучно ее сдать, а на зимние каникулы Вадим Сергеевич повез ее в Альпы, на горнолыжный курорт. Как ни возражала Алина, на сей раз ей пришлось подчиниться: будущий свекор мог быть таким жестким, что ему позавидовал бы иной боевой генерал.

Эта неделя для обоих пролетела, как волшебный сон. Домик-игрушка с двумя спальнями, кухней и гостиной внизу, который снял Вадим Сергеевич, оказался настолько уютным и удобным, что ходить на какие-то дискотеки или в многочисленные бары просто не хотелось.

Оба учились кататься на горных лыжах, что называется, «с нуля». Оба весело падали, еще более весело преодолевали самые примитивные маршруты наравне с маленькими детьми, оба приходили с этих тренировок, вывалившись в снегу.

Алина наслаждалась каждым мгновением солнечных, слегка морозных дней, запахом снега и хвои, живым огнем в камине, обедами в облюбованном ими небольшом ресторанчике. А Вадим Сергеевич... Вадим Сергеевич наслаждался еще и тем, что его девочка так безмятежно счастлива.

В один из вечеров они сидели в гостиной возле камина. Алина пила полюбившийся ей цветочный чай, а Вадим Сергеевич наслаждался темным пивом, которым славилось это австрийское местечко.

— Ну, и славно, — улыбнулся он. — Вернемся домой, все пойдет своим чередом, а через полгода и к свадьбе пора будет готовиться. А что по этому поводу пишет Сережа?

— Ничего не пишет, — пожал плечами Алина. — Вы же знаете Сережу. Он уже все решил, я ему фактически жена, а регистрация...

— Но для тебя-то это имеет значение?

— Венчание — да, имеет. Регистрация... Это же — чистая формальность, дядя Вадим. Только для того, чтобы дети родились в законном браке.

— Ну, от желания иметь детей вы хотя бы не отказываетесь?

— И об этом, — негромко отозвалась Алина, — нужно спрашивать у Сережи. Он пишет только о своих успехах в боевой и политической подготовке.

— В чем дело, девочка? — спросил Вадим Сергеевич, приподнимая голову Алины за подбородок. — Что ты недоговариваешь? Раздумала выходить замуж за Сергея? Разлюбила?

— В том-то и дело, что ничего не происходит, — услышал он тихий шепот. — Я пойду спать, ладно? Уже поздно...

— Иди, конечно. Ты, наверное, сегодня слишком долго каталась на лыжах и устала.

— Наверное...

Вадим Сергеевич отправился спать много позже. Он сидел, глядя на тлеющие угли, курил и думал о том, что никогда, наверное, не научится понимать женщин. Возможно, Алина все еще не оправилась после страшной гибели матери. А возможно... Возможно, она разлюбила Сергея — если вообще любила его по-настоящему. А может, влюбилась в кого-то другого...

При этой мысли Вадиму Сергеевичу почему-то стало больно. Странно. Алина ведь ему все-таки — не настоящая дочь.

А кто она ему?

Глава третья.

Венский вальс

Дома все быстро вошло в привычную колею. Алина снова повеселела. С азартом взялась за учебу и с не меньшим — за домашние дела. Вадим Сергеевич облегченно вздохнул: конечно, у девочки просто были отголоски нервного перенапряжения, а уж перспектива недалекой свадьбы способна выбить из колеи и вполне зрелую, уравновешенную женщину.

Правда, в обустройстве новой квартиры — той самой, купленной на имя Сергея, Алина проявила значительно меньше энтузиазма. Казалось, ей было все равно, в какой обстановке жить в дальнейшем. Но однажды вечером Вадим Сергеевич сказал то, что давно собирался сказать.

— Знаешь, ведь в той квартире на самом деле буду жить я.

На какое-то время Алина остолбенела.

— Ну, посуди сама: я один, дома, в принципе, только ночую. Выходные впоследствии планирую проводить с вами... то есть с внуком или внучкой. Зачем мне эти хоромы?

— Но...

— Нет, конечно, окончательное слово — за вами. Или как ты сама, наверное, понимаешь —

за Сергеем. Но все-таки логичнее вам с самого начала жить просторно и... начинать готовить детскую и все такое. А в той квартире можно сделать для меня очень даже приличную берлогу. Кухня большая — считай, вторая комната...

— А если... если вы снова захотите жениться? — выдавила из себя Алина, густо залившись румянцем.

— Думаю, тогда и будем решать эту проблему, — усмехнулся Вадим Сергеевич. — Пока что-то не хочется.

И с этого разговора Алину словно подменили. Она притащила в дом кучу журналов по интерьеру и дизайну, часами над ними сидела, что-то мудрила на компьютере, освоив специальную программу для архитекторов. В результате всех этих изысканий появился необыкновенно элегантный и очень оригинальный проект того, что в России принято называть «студией».

— Н-да, — только и сказал Вадим Сергеевич, оправившись от первого потрясения. — Хоромы.

— Вам не нравится? — огорчилась Алина.

— Ну, что ты, конечно же, нравится. Я даже думаю, ты поторопилась с выбором профессии. Тебе бы в архитектурном учиться...

— У нас нет архитектурного. И я плохо рисую.

— Зато хорошо интерьеры создаешь, — хмыкнул Вадим Сергеевич. — Теперь займись перепланировкой этой квартиры.

— Зачем? — искренне изумилась Алина. — Спальня есть, гостиная есть, кухня на месте...

— А детскую...

— А детскую еще рано. Нужно будет — Серезину комнату приспособим.

— Ну-ну. Тебе виднее.

А время летело так, что, казалось, недели сливались в месяцы. Уже и Сергей в своих не слишком частых посланиях больше рассуждал о том, как станет жить «на гражданке», чем об «успехах боевой и политической подготовки». Уже была отделана «студия» для Вадима Сергеевича. И, наконец, наступил апрель, а с ним — и день рождения Алины. Девятнадцатый.

Вадим Сергеевич решил: у девочки должен быть праздник по полной программе.

Только вот какой? Сама Алина традиционно ничего не хотела: ни гостей, ни застолья, ни вообще шумихи. От вопросов о подарке просто отмахивалась. Наконец, Вадим Сергеевич написал сыну и спросил совета у него. Ответ был, мягко говоря, неожиданный:

«Алька всегда мечтала о море и о Вене. Почему о Вене — без понятия. Я прикидывал, чтобы в свадебное путешествие поехать на Кипр, к этому ее морю. А на день рождения можно подарить поездку в Вену. Только одну не пускай».

Что ж, идея была замечательная. Вадим Сергеевич продемонстрировал Алине письмо жениха.

— Видишь, обсуждать тут нечего. Съездим в Вену денька на три. Там и отметим — в каком-нибудь ресторанчике в венском лесу...

— Почему в лесу? — засмеялась Алина.

— Потому что больше я про Вену ничего не знаю. А ты, кстати, могла зимой сказать, что мечтаешь Вену посмотреть: мы же через нее могли полететь.

— Мало ли о чем я мечтаю, — грустно вздохнула Алина.

— Поделись. Вдруг смогу помочь?

Алина промолчала и свернула разговор на какие-то бытовые мелочи, а потом и вовсе ушла — что-то там конспектировать.

Путевки Вадим Сергеевич приобрел, как говорится, самые-самые. Да еще освободил себе дополнительные два дня, чтобы показать Алине Москву. Впрочем, он и сам с удовольствием посетил столицу, в которой не был, как минимум, лет пять.

А потом — Вена — город музыки и великих музыкантов, город фиакров и запряженных в них гарцующих белых лошадей. Чарующая и прекрасная, как сама музыка, с непременным ароматом кофе, яблочного штруделя и уже зацветающими садами.

Номера для них были забронированы в отеле «Адмирал», почти в центре города, рядом со знаменитым Рингом, музеями и Оперой. Двухкомнатные апартаменты, выдержанные в стиле «ампир», но вполне современные по оснащению. Алина при виде обитой ситцем светлой комнатки, где стояла кровать под самым что ни на есть настоящим пологом, пришла просто в детский восторг.

— Господи, — с каким-то благоговением прошептала она, — это же как — у принцессы из сказки.

— Ну, не думаю, чтобы под матрасом тут была горошина, — засмеялся Вадим Сергеевич. — Но если все-таки она там окажется...

— То — что?

— То поменяем номер.

— Нет! — чуть ли не взвизгнула Алина. — Не надо ничего менять, умоляю! Тут так прекрасно...

— Да я шучу, не волнуйся. Ты очень устала? Может быть, сейчас ляжешь спать, все-таки разница — три часа, у нас сейчас — полночь. А вот завтра...

— Я не хочу спать, — прошептала Алина, глядя на него одновременно сияющими и умоляющими глазами. — Ну, вот ни капелюшечки.

— Тогда собирайся, пойдем посмотреть вечернюю Вену...

Они неторопливо прошли по старинным венским улицам Картнерштрассе и Грабен, осмотрели искусно подсвеченные руины римской эпохи, полюбовались дворцом Хофбург, бывшей зимней резиденцией императорской династии Габсбургов... О том, чтобы осмотреть его подробно, речи не было: подвернувшийся гид объяснил на прекрасном русском языке, что этот дворцовый комплекс объединяет почти двадцать дворцов и столько же дворов, каждый из которых — архитектурный шедевр.

— Сюда нужно приходиться с утра, — добавил гид. — Обыкновенная экскурсия длится часа три. Но мы можем договориться на завтра, я проведу для вас персональную...

Вадим Сергеевич вежливо поблагодарил, но от конкретного ответа уклонился.

А у собора Святого Стефана Вадим Сергеевич увидел один из знаменитых венских фиакров и не мог устоять перед искушением подарить Алине еще и это удовольствие. Впрочем, он и сам чувствовал себя если не мальчишкой, то уж точно восемнадцатилетним юношей, а не солидным, уважаемым бизнесменом средних лет.

Фиакр катил по знаменитому Рингу или Рингштрассе — бульварному кольцу в Вене.

Кучер время от времени указывал кнутовищем на проплывавшие мимо здания и пояснял по-английски:

— Ратуша, биржа, опера, театр, музей, парламент...

Вдруг Вадим Сергеевич вспомнил, что кто-то рассказывал ему о знаменитом символе Вены — колесе обозрения, сооруженном более века тому назад и до сих пор вполне исправно действующем. Кое-как удалось объяснить кучеру, что еще хочется увидеть, и фиакр резво покотился в нужном направлении — к любимому месту отдыха венцев Парку Пратер.

Через полчаса, замирая от восторга и ужаса, Алина любовалась ночной Веной с высоты птичьего полета. Да и сам Вадим Сергеевич не мог оторваться от фантастической красоты панорамы, расстилавшейся перед ними. После такого аттракциона оставалось только одно: поужинать на свежем воздухе и вернуться в отель.

Проблема ужина в этот вечер решила легко и непринужденно, как бы сама собой. Нужно было только сесть в вагончик «Лилипута» — миниатюрной железной дороги длиной четыре километра, и доехать в нем до ресторана, построенного еще в восемнадцатом веке...

Где-то через час Алина перевела дух, отложила вилку и жалобно посмотрела на Вадима Сергеевича:

— Дядя Вадим, я больше не могу. Тут же четыре нормальные порции.

— Ну, четыре — не четыре, а для двух здоровых мужиков вполне хватит, — согласился тот, не без труда доедая фирменное блюдо. — Зато и вкусно, и сытно, как в одной рекламе говорится. Помнишь?

- Это про собачий корм? — засмеялась Алина. — Помню.
- Точно про собачий? — растерялся Вадим Сергеевич. — Тьфу ты, Господи, фразу запомнил, а к чему она — из головы вон. Аппетит не испортил?
- Что тут портить. Я, по-моему, наелась на неделю вперед.
- Ну, не знаю. Вот завтра поедем на экскурсию, да потом еще погуляем сами по городу, к вечеру ты гвозди будешь лопать без всякой подливки.

Алина снова расхохоталась. Вадим Сергеевич смотрел на нее и радовался тому, что девочка, кажется, совсем отошла от своих стрессов, что по-прежнему радуется жизни, что выглядит такой юной, красивой, сияющей... Да, это была отличная идея — подарить ей на день рождения такой город. На всю жизнь запомнит.

Следующее утро оказалось еще более теплым и солнечным. Как и обещал Вадим Сергеевич, они отправились на долгую экскурсию по Вене. Можно было только удивляться тому, как за несколько часов туристам исхитрились показать практически все основные достопримечательности города: Опера, Музей истории естествознания и Музей истории искусств, Парламент и Ратуша, Бургтеатр и Университет, собор Штефансдом, дворец Шенбрунн, бывшая летняя резиденция императорской семьи. Устав больше от впечатлений, чем от ходьбы, они решили пойти куда-нибудь перекусить.

Кафе «Ландтман», точнее, кофейня, была не просто знаменитым, а еще — в свое время — считалась одним из известнейших литературных салонов Вены. Несмотря на это, проблем со свободным столиком не возникло: шесть залов могли одновременно принять до трехсот посетителей, а в теплое время года примерно столько же рассаживалось за мраморными столиками на открытой террасе.

- Смотри, штук тридцать только тортов, — изумился Вадим Сергеевич, открывая меню. — А еще пирожные, булочки, штрудели... С ума сойти! Что ты будешь?
- Взбитые сливки! — немедленно ответила Алина. — И кофе.
- А еще можно купить открытку с видом Вены и тут же ее отправить. Пошлем Сереже?
- Хорошо, — после недолгой паузы отозвалась Алина. — Сначала напишем открытку, а потом выпьем кофе.

— А потом вернемся в гостиницу, переоденемся и пойдем в Оперу. Будем вести светский образ жизни.

- Раз в жизни можно.
- Конечно. Это сегодня ты еще молоденькая, а завтра тебе стукнет девятнадцать... Считай, вступишь в преклонный возраст.

Алина схватилась за голову в притворном ужасе:

- Значит, у меня осталось совсем немного времени? Как у Золушки?
- Ты же не веришь в сказки, — подколот ее Вадим Сергеевич.

Алина попробовала поставленные перед ней белоснежные взбитые сливки, посыпанные шоколадной крошкой, отпила глоток кофе, на секунду зажмурилась и тихо проговорила:

- Иногда верю...

И сказка продолжилась — сначала в Опере, а потом — в маленьком, уютном ресторанчике, где хозяин, предупрежденный Вадимом Сергеевичем, сразу после полуночи преподнес Алине небольшой торт с девятнадцатью свечами. Имениннице аплодировал весь ресторан, когда она, покрасневшая, с блестящими глазами, разом задула все свечи.

- У меня никогда не было такого сказочного дня рождения, — шепнула Алина. — Я так счастлива.
- Тогда и я счастлива, — улыбнулся в ответ Вадим Сергеевич.

На следующий день была запланирована экскурсия под символическим названием «Венский лес», значительную часть которой предстояло провести в автобусе.

Они осмотрели город Баден с его знаменитыми термальными источниками и старейшим в Австрии казино, затем поехали в монастырь Святого Креста. Вот там-то, при дегустации освященного вина, производимого в монастыре, все и началось.

Вадиму Сергеевичу следовало догадаться, что монастырское вино — штука коварная, особенно для юной непьющей особы. Но он как-то проглядел, что Алина выпила почти бокал. А через полчаса после этого, когда их автобус проезжал мимо поселка Майерлинг, и гид рассказывал историю трагического конца кронпринца Рудольфа и его возлюбленной — двойного самоубийства, лишившего Австрию наследника престола, Алина заплакала.

— Что ты, девочка? — переполошился Вадим Сергеевич. — Это ведь было так давно! Возможно, это просто красивая легенда...

— Это — не легенда, — тихо ответила Алина, вытирая глаза. — Я читала: они действительно покончили с собой из-за того, что не могли быть вместе. А я...

— А что ты?

Алина помолчала, потом сказала ровным и неестественно спокойным голосом:

— А я люблю вас и должна выйти замуж за другого...

В ту же ночь она тихо проскользнула в его комнату. И у Вадима Сергеевича не хватило воли остановить это безумие.

Господи, меньше всего на свете он хотел это останавливать!

Глава четвертая.

Неожиданная развязка

«Я сошел с ума, — думал Вадим Сергеевич, глядя невидящими глазами в иллюминатор самолета. — Окончательно и бесповоротно. И самое ужасное, что мне это нравится. А через три месяца вернется Сергей. Какими глазами я буду на него смотреть? Что я ему скажу?»

Ответов на эти вопросы не находилось. Да и особого желания искать их не было. Если честно, желание было одно-единственное: снова и снова обнимать и целовать смуглую тоненькую девушку ...

Вадиму Сергеевичу было бы намного легче, если бы сама Алина хоть как-то обозначила свое отношение к, мягко говоря, непростой ситуации. Но она замкнулась в каком-то отстраненно-спокойном молчании, не проявляя вообще никаких эмоций. Хладнокровный расчет? Шок от случившегося? Снова вопросы — и снова никаких ответов.

Вернувшись, наконец, домой, Вадим Сергеевич испытал одновременно и облегчение, и сожаление. С одной стороны, он был рад, что может заняться привычным и любимым делом, хоть как-то отвлечься от своей нелепой и почти преступной любви. С другой стороны...

С другой стороны, он прекрасно понимал, что ничего подобного в его жизни больше никогда уже не будет. Жениться на Алине? Это однозначно — потерять сына. Не жениться? Следовательно, потерять ее. Он уже достаточно хорошо знал характер этой молодой особы, чтобы понимать: компромиссов она не потерпит, лгать никому не будет, просто уйдет. Но — куда?

Вот от этих мыслей и этих вопросов Вадим Сергеевич и сбегал каждое утро в свой офис, давая себе слово, что проведет там весь день, а может быть, и весь вечер. И каждый вечер возвращался домой не позже восьми часов, зная, что дома его ждет Алина. И не просто ждет, а готовится к его приходу.

«Она была бы мне идеальной женой, — все чаще думал он. — Да, я на двадцать пять лет старше, но ведь есть масса примеров счастливых браков и с такой разницей в возрасте. Конечно, она захочет иметь детей, но ведь и я, на самом деле, хочу того же. Хочу — и не могу. Сергей никогда не простит мне такого... предательства».

И ему, и Алине было трудно верить в то, что несколько месяцев, оставшиеся до приезда Сергея, они проведут вот так — то ли в идиллии, то ли в напряженном ожидании неизбежного конца этой самой идиллии. И тем не менее... Не зря ведь говорится, что нет ничего более постоянного, чем временное.

Когда до приезда Сергея оставалось меньше недели, Вадим Сергеевич как-то вдруг понял, что

~ love story

последнюю пару месяцев письма от сына приходили крайне редко. То есть, точнее, пришло всего одно, причем короткое и маловразумительное. Единственное, что в нем было прописано достаточно четко: дата предполагаемого приезда. Но — предполагаемого, поскольку срок демобилизации — вещь вообще крайне условная. Может реализоваться день в день, а может и растянуться, причем достаточно серьезно.

Впрочем, было похоже, что Алину не слишком волновала неуклонно приближающаяся дата. Правда, она убрала квартиру до блеска, проследила за тем, чтобы «студия» для Вадима Сергеевича была закончена и полностью очищена от последствий ремонта с перепланировкой. Забила продуктами оба холодильника — для себя, точнее, для них с Сергеем, и для Вадима Сергеевича. И...

И — все. Как ни приглядывался Вадим Сергеевич к своей юной возлюбленной, он не смог заметить ни малейшего признака озабоченности, нервозности, опечаленности. Напротив, она стала удивительно спокойна, настолько спокойна, что Вадима Сергеевича как-то посетило совершенно не свойственное ему образное сравнение: когда рыбка умирает, она перестает трепыхаться.

Накануне предполагаемого приезда Сергея Алина впервые не пришла ночевать в спальню. Вадим Сергеевич, прокрутившись какое-то время в ожидании, не выдержал и отправился к ней сам. Алина оказалась даже не в комнате Сергея, где когда-то жила, а в так называемой гостевой комнате, которую она облюбовала после возвращения из поездки в Вену. И не спала, даже не лежала в постели, а неподвижно сидела в кресле возле окна.

— Ты заболела?

— Нет, я здорова.

— А почему же?..

— Сегодня может вернуться Сергей. Будет неправильно, если он застанет нас... ну, врасплох.

— Ночью нет поездов по его маршруту.

— А если он прилетит на самолете? Или приедет на попутке?

— Зачем?

Алина пожала плечами.

— Не знаю. Но мне как-то тревожно.

— Может быть, мне лучше завтра не уходить в офис? Точнее, уже сегодня.

— Нет! — почти выкрикнула Алина. Потом помолчала и добавила уже более спокойно: — Не нужно. Мне легче будет самой, то есть одной. Иначе Сергей все поймет, а вам с ним жить дальше.

— А тебе? — задал давно наболевший вопрос Вадим Сергеевич. — Тебе как жить?

— Спасибо, что не спросили, с кем, — краешком губ усмехнулась Алина.

— Пожалуйста. Но ты не ответила на мой вопрос.

— А я не знаю ответа. Посмотрю, как ситуация сложится. Тогда и решу.

— И не позволишь мне принять в этом участие?

Внезапно Алина разрыдалась. Она плакала так горько, так отчаянно, что у Вадима Сергеевича в полном смысле слова перевернулось сердце. Он подошел к ней и опустил на колени перед креслом.

— Ну, что ты, — бормотал он, целуя ее неподвижные руки. — Ну, перестань. Все образуется, вот увидишь. Сергей — нормальный, разумный парень. Он же в состоянии понять, что первая детская влюбленность...

Алина успокоилась не сразу, но все-таки успокоилась. Вадим Сергеевич на руках отнес ее в постель, уложил, бережно прикрыл одеялом и сидел рядом, пока ее дыхание не стало ровным и спокойным. Уснула...

А ему уже и пытаться заснуть было бессмысленно: через два часа нужно собираться на работу. Обязательно нужно. Права Алина: он и сам не вынесет встречи с сыном...

Алина проснулась от звука захлопнувшейся двери. Звук этот был едва различим, но все же его хватило, чтобы непрочный сон мгновенно разлетелся на сотни тысяч осколков, оставив ощущение тревоги и неуверенности. Через несколько секунд она осознала, что Вадим Сергее-

вич ушел на работу, что сегодня может вернуться Сергей, и что сегодня, скорее всего, придет-ся из этого дома уходить.

О том, чтобы отправиться в институт на занятия, не могло быть и речи.

Ей вдруг стало страшно. До сих пор казалось, что все хоть и неприятно, но вполне преодолимо. Нужно только сказать правду, ну, не всю, конечно, а лишь ее главную часть: я полюбила другого. Прости, но так вышло.

А если Сережка сегодня не приедет? Если это мучение растянется еще на неделю, месяц, а то и на несколько месяцев? Она же не выдержит, просто сойдет с ума. Алина решительно вскочила с постели и отправилась в ванную. Вымыть голову, высушить длинные волосы, надеть домашнюю длинную юбку и какую-нибудь маечку. Все должно быть нарядно, но не слишком. Ждала? Да, ждала, но так, как ждут близкого родственника, для которого не нужно наряжаться и делать сложный макияж. Рада? Да, рада, но...

Время тянулось так, что Алина готова была вручную подводить стрелки на часах. Казалось, прошли сутки, а на самом деле только-только миновал полдень. Накануне она поставила тесто и уже успела испечь крохотные пирожки с капустой, любимое Сережкино блюдо. Поставила в духовку мясо, начистила картошку на гарнир. Неизвестно, в который раз протерла пол на кухне...

И все равно звонок в дверь заставил ее вздрогнуть так, что чашка с чаем, которую она в этот момент подносила ко рту, выпала у нее из рук прямо на сияющие чистотой плитки.

Она распахнула дверь и увидела за ней совершенно не знакомого молодого мужчину с атлетической фигурой и очень-очень знакомыми глазами. Сергей раздался в плечах, внушительная мускулатура угадывалась даже под военной формой. А глаза остались прежними: ясными, широко распахнутыми, синими-синими. Такими же, как у его отца...

— Алька! — выдохнул он. — Привет! Какая же ты стала красавица!

Все заготовленные слова тут же вылетели у нее из головы. Сергей бросил чемодан на пол в коридоре, ногой прихлопнул дверь и подхватил Алину на руки.

— Алька! Как я рад тебя видеть! Я боялся, что ты уйдешь в институт!

— Я...

— Потом, — бормотал Сергей, стремительно двигаясь к своей комнате. — Потом поговорим. Все потом...

Показалось ей, что во входной двери повернулся ключ? За широкой спиной Сережи она ничего не могла разглядеть.

А Вадим Сергеевич не выдержал — сорвался с работы сразу после обеда. Открыл дверь квартиры и увидел, как его сын — а кто еще это мог быть? — несет на руках женщину в свою комнату. Значит, он и Алина... Значит, молодость все-таки потянулась к молодости, а нежелание обсуждать эту тему — всего лишь обычное притворство. Она уже все решила. Она уже выбрала.

Он нарочито медленно вышел из квартиры, тихонечко закрыл за собой дверь, спустился по лестнице и...

И остановился. Он просто не знал, что дальше делать, куда идти. Там, в квартире, осталась его любимая — все еще любимая! — девочка, которая только что предала его. Выбрала его собственного сына. А он должен все это проглотить и сделать вид, что совершенно счастлив? Да никому он ничего не должен!

А что теперь делать? Вернуться, рассказать все Сергею? Выгнать Алину из дома и из жизни?

Нет, не будет он никому мешать. Он просто уедет, как можно дальше, на долгий срок. Напишет Сергею письмо — и уедет.

Дальше он действовал уже совершенно автоматически. Отправился в новую квартиру-студию, по дороге зашел в хозяйственный магазин, купил замок и необходимые инструменты. В ларьке приобрел бутылку сомнительной водки и какие-то чипсы. В студии сменил замок, отключил телефон, устроился с выпивкой, закуской и пепельницей на диване и включил телевизор.

Так и вырубился спустя какое-то время, сидя, одетый, с почти пустой бутылкой в руке и с дотлевающей в пепельнице неизвестно какой по счету сигаретой. А пока не вырубился, думал только об одном: не думать! Не думать о том, что сейчас происходит там, между Сергеем и Алиной.

А там происходило следующее. Сергей совершенно потерял голову, увидев Алину, и не смог справиться со своим первым порывом, равно как и Алина не смогла и не успела не то чтобы сделать — сказать что-нибудь. Когда все уже произошло, только тогда она опомнилась, поняла, что случилось непоправимое, и зарыдала.

Сергей, впрочем, тоже почему-то был не в восторге.

— Алька, прости, я — скотина, — с неподдельным чувством произнес он, торопливо одеваясь. — Но я, оказывается, соскучился.

— Это тебя в армии научили такому обращению? — сквозь слезы спросила она. — И что нам теперь делать?

Разумеется, он не знал, почему она задала такой вопрос, но истолковал его по-своему.

— Ты догадалась по письмам, да? Ну, я никогда не умел врать. И не собираюсь.

— О чем ты?

— Я не могу на тебе жениться. То есть могу, но...

Алина от изумления даже перестала плакать.

— Ничего не понимаю, — прошептала она. — Послушай, я хотела тебе сказать...

— Оденься, — почти приказал ей Сергей, отворачиваясь. — Нам нужно серьезно поговорить. Оденься, и пойдем на кухню, что ли. Я, вообще-то, голодный.

На привычные слова Алина и среагировала вполне адекватно:

— Конечно, ты же с дороги! Иди, прими душ, а я накрою на стол.

Сергей кивнул.

— Ладно. Отец на работе?

— Где же ему быть? — невольно вздрогнув, ответила Алина.

— Не звони ему пока, ладно? Я сам...

— Как скажешь, — пожала плечами Алина, окончательно переставшая что бы то ни было понимать.

Она и сама не собиралась звонить Вадиму Сергеевичу, мысленно попрощавшись с ним уже накануне, но просьба Сергея была для нее, мягко говоря, неожиданной.

Пятнадцать минут спустя они сидели на кухне. Сергей, конечно, сильно изменился, но аппетит у него остался прежним. Равно как и то, что никакие переживания, никакие события этот самый аппетит отбить не могли. И сейчас он с нескрываемым удовольствием поедал салаты, пи-рожки, мясо, словом все, что Алина наготовила.

— Ты хотел со мной о чем-то поговорить? — не выдержала девушка.

Сергей заметно помрачнел и потянулся за лежавшими на столе сигаретами.

— Хотел. Только не знаю, как начать.

— Может быть, начну я?

— Не пойдет, — покачал головой Сергей. — За свои поступки должен отвечать мужчина.

Алина похолодела. Неужели он будет объясняться с отцом? Значит, действительно узнал...

— В общем, так, Алька... Не знаю, как мы теперь будем жить, но что случилось, то случилось. Я встретил одну девушку... то есть женщину и...

Алине показалось, что она ослышалась. Что он такое говорит? Он встретил другую? Он, а не она, любит другую? Или — не любит, а просто, как он выражается, «встретил», и теперь считает себя обязанным...

— Ты ее любишь? — услышала она свой собственный голос как бы со стороны.

Сергей пожал плечами и закурил новую сигарету.

— Ты знаешь, я не любитель громких слов. Наверное, да. Только и ты мне не безразлична, и не чужая. Столько лет...

- Почему ты не сказал этого до того, как мы... Почему не дал мне слова сказать?
- Потому что свинья, — с раздражением отозвался Сергей. — Свинья и недоумок. Я ведь по тебе действительно соскучился, Алька. Но два года — большой срок.
- Я понимаю. Я тоже скучала по тебе, но тоже, в общем-то, отвыкла. И, наверное, то, что мы принимали за любовь...
- Было просто влюбленностью, — с видимым облегчением подхватил Сергей. — Ну, я всегда знал, что ты умница.
- Ты хочешь на ней жениться?
- Не обсуждается, — буркнул Сергей. — Впрочем, после сегодняшнего... Короче, она ждет ребенка. Как все это отцу скормить?
- Что-нибудь придумаем. В общем, когда он придет сегодня с работы, мы сначала отпразднуем твое возвращение, а потом... постепенно...
- Точно, Алька! — просиял Сергей. — Так и поступим. Все равно Катерина приедет только через месяц. А к этому времени отец уже остынет. Давай-ка я ему звякну, типа, приехал, ждем, без тебя не наливаем.
- Звони, — кивнула Алина, чувствуя какое-то странное облегчение, смешанное с легкой грустью.
- Секретарша Вадима Сергеевича сказала, что ее шеф давным-давно с работы ушел. Телефон в новой квартире не отвечал, мобильный — тоже.
- Странно, — подвел итог поисков Сергей, — батя обычно таких номеров не откальвает. Может быть, что-то случилось?
- Тут у Алины все поплыло перед глазами и она, теряя сознание, опустилась в кухне прямо на пол.

Глава пятая.

Сбывшееся пророчество

Вадим Сергеевич медленно приходил в себя, причем ему отчаянно этого не хотелось. Как и всякий мало пьющий человек, он не слишком хорошо переносил даже небольшое похмелье, а уж такое, какое посетило его этим ранним утром, могло считаться вообще концом света, апокалипсисом и Страшным Судом одновременно. Голова, естественно, болела, и язык напоминал наждачную бумагу, от неудобной позы затекло все тело, и вообще...

Глаза никак не открывались, словно были чем-то заклеены. Наконец ему удалось — с огромным трудом — приподнять веки. Не обнаружив привычных очертаний спальни, Вадим Сергеевич изумился, но потом вспомнил — все и сразу. И это воспоминание отозвалось таким всплеском головной боли, что он снова закрыл глаза и даже застонал.

Что же произошло вчера? Сергей вернулся. И вместо того, чтобы устроить по этому поводу праздник, он, Вадим Сергеевич, зрелый и здравомыслящий мужчина, закатил самую настоящую истерику. Хорошо еще — самому себе. Что он, не понимал возможности подобного развития событий? Понимал, еще как понимал! Только гнал от себя эти мысли как можно дальше. Ничего хорошего это, естественно, не принесло, да и не могло принести. Вчерашняя мысль насчет того, чтобы куда-нибудь уехать — подальше и надолго, никакой критики не выдерживает. Здесь у него — бизнес, здесь — источник благосостояния, здесь — будущее его, его сына и... его внуков, чего уж там! Значит, он просто не имеет права все бросить и, хлопнув дверью, гордо удалиться.

Кстати, о бизнесе. В офисе его, наверное, потеряли. Нужно хотя бы секретарше позвонить.

Вадим Сергеевич не без труда отыскал мобильник, оживил его и с изумлением увидел, что время приближается к полудню. Ничего себе поспал! Правда, сегодняшний день он себе заранее благоразумно освободил от важных дел: неизвестно ведь было, как поведет себя Сергей после объяснения с Алиной, и что при этом придется делать непосредственно Вадиму Сергеевичу. Хотя... это вот как раз до сих пор абсолютно неизвестно.

Секретарша, услышав голос шефа, тут же запричитала:

— Ой, Вадим Сергеевич, как хорошо, что вы нашлись! А то мы тут уже не знали, что и думать...

— Я, между прочим, не терялся, — буркнул Вадим Сергеевич. — Может человек элементарно проспал? Скоро буду. Позвони Сергею, скажи ему, что все в порядке. А то я вчера немного... того...

Он начал не торопясь собираться на работу, с трудом ориентируясь в новой обстановке. Сварил кофе, только со второй попытки освоив мудреную кофеварку, сделал пару бутербродов, но тут же понял, что с едой погорячился: есть не хотелось абсолютно. Хорошо хоть голова перестала трещать.

Сделав несколько глотков кофе, он закурил и... услышал, как кто-то пытается вставить ключ в дверной замок. Его окатило горячей волной непонятных чувств: страха, надежды, проснувшейся ревности, любви... Потому что только один человек мог пытаться войти в эту квартиру, только у него был второй комплект ключей. От замка, который Вадим Сергеевич накануне заменил собственными руками.

Он рванулся было отпереть дверь... и тут же снова опустился на место. Нет, не готов он сейчас к этой встрече, к этим неизбежным разговорам. Потом, позже, через несколько дней... Или хотя бы через несколько часов и в присутствии Сергея. Объяснения с глазу на глаз он просто не выдержит. Каким бы это объяснение ни было.

Он прислушался и понял, что Алина ушла. Разумеется, она все поняла, всегда была очень разумной девочкой. И можно быть уверенным в том, что второй попытки увидеться с глазу на глаз она не сделает. Даже не позвонит. А жаль...

И тут замурылкал мобильный телефон. Все-таки позвонила! Все-таки переломила свою гордость, беспокойство за него взяло верх. Не нужно брать трубку, не нужно...

— Слушаю, — выдохнул он.

— Батя, ну, наконец-то! — раздался басок Сергея. — Ты где пропадаешь? Я, между прочим, еще вчера приехал.

— Я зн... — начал было Вадим Сергеевич и осекся. — Я замотался, сынок, прости. Думал, к вечеру освобожусь, не рассчитал. И, понимаешь, перебрал чуток...

— Ты? — изумился Сергей. — Чудеса, да и только. Батя, где ты?

— Через десять минут буду в офисе, — уклонился от прямого ответа Вадим Сергеевич.

— То, что надо, — почему-то обрадовался Сергей. — Я туда подгребу через полчаса.

— Один? — вырвалось у Вадима Сергеевича.

— Один. Поговорить нужно. Тут, понимаешь, такая петрушка получилась... В общем — не по телефону. До встречи.

Легко сказать — «до встречи»! То Алина приходит одна с явным намерением поговорить, то Сергей настаивает на беседе с глазу на глаз. Хотя Алина, возможно, просто забеспокоилась, не тот у нее характер, чтобы первой начинать выяснять отношения. И не только первой, вообще — выяснять.

Кое-как Вадим Сергеевич собрался, даже ухитрился не порезаться при бритье. Вгляделся в свое отражение: седины на висках вроде бы прибавилось, под глазами — тени, лицо осунулось. Даже глаза, всегда такие пронзительно-синие, теперь как-то поблекли.

«Пить нужно меньше, старый дурак, — с чувством подумал Вадим Сергеевич. — Полвека не пил, нашел время начинать!»

Сергей уже ждал его в приемной, причем вид у сына тоже был, мягко говоря, не блестящий. Обнялись, постояли какое-то время молча и так же молча прошли в кабинет.

— Да, батя, видок у тебя... — нарушил, наконец, молчание Сергей. — И часто ты так? Прости, что спрашиваю...

— Да ладно! — махнул рукой Вадим Сергеевич. — Первый раз. И последний. Не мое это. Давай лучше о тебе. Извини, что встретил так по-дурацки...

— Проехали! С кем не бывает? — философски заметил Сергей. — Как видишь, приехал.
— Когда свадьба? — вырвалось у Вадима Сергеевича.
— А свадьба, батя, уже была, — неожиданно отозвался Сергей. — Женился я два месяца тому назад. Вот такие дела.

— Как — женился? — ошарашенно переспросил Вадим Сергеевич. — А Алина?
Сергей безнадежно махнул рукой.
— Алька — в своем репертуаре. Сплошное благородство. Но, по-моему, расстроилась сильно. Какая-то она... смурная, что ли.

— Будешь тут смурной, — пробормотал Вадим Сергеевич, с трудом переваривая услышанное.
— Вчера, когда тебя потеряли, вообще в обморок грохнулась. С ней это что, бывает?
— Давно не было, — машинально отозвался Вадим Сергеевич.

Он не успевал осмысливать то, что говорил ему Сергей. Женился... на ком? Алина — сплошное благородство, ну, это понятно. А почему в обморок упала? Перенервничала? Испугалась за него? За себя? Или, так сказать, по совокупности?

— Она вроде бы в письмах на здоровье не жаловалась, — продолжал Сергей.
— Разберемся. Ты лучше расскажи про свою женитьбу. Или хочешь, пойдём пообедаем. Ты голодный?

— Я всегда голодный, — усмехнулся Сергей. — Хотя Алька меня вчера накормила по случаю возвращения прямо на убой. Готовит она классно, почти как мама.

— Да-да... Знаешь, я ведь заходил вчера домой. И видел, как ты Алину обнимал. Решил не мешать, ушел. А теперь ты говоришь, что женат...

— Да я же говорю, такая петрушка вышла, прямо беда. А ушел ты вчера зря, ничего такого не было. Ну, обрадовались встрече...

Вадим Сергеевич почувствовал, что с души свалился камень размером с хорошую скалу.

— Пойдем, пообедаем, — решительно произнес он, поднимаясь. — Алина пусть отдохнет, пойдём в наш главный ресторан. Там твоего приезда тоже ждут. И поговорим спокойно, потому что пока я совершенно ничего не понимаю.

— Понимаешь, батя, там у одного офицера младшая сестра есть. Катерина. Очень на маму в молодости похожа, я на фотографиях видел. И как-то так получилось... Словом, мы встречались-встречались, а потом она сказала, что ждет ребенка. Ну, ее брат все устроил, мы расписались.

— А жить где собираетесь? — поинтересовался Вадим Сергеевич, отодвигая пустую тарелку из-под жаркого.

Сергей пожал плечами.

— В нашей квартире вроде бы места хватает. Только вот Алина...
— Она, считаешь, лишняя?
— Это она так считает! — вспыхнул Сергей и тут же остыл. — Но мы же с ней друг другу не чужие.

— Хоть это понимаешь, — вздохнул Вадим Сергеевич.
— А та квартира, которую ты на мое имя купил? Ее нельзя на Альку переоформить?
— Все можно, было бы желание. А у твоей... этой, Катерины, есть желание со свекром в одной квартире жить?

Сергей снова пожал плечами.

— Мы с ней это не обсуждали.
— Она работает или учится?
— Где в гарнизоне работать? — вопросом на вопрос ответил Сергей. — Поступала в институт, не прошла по конкурсу, как и я, с родителями не ладит, приехала к брату, тот холостой... пока.
— Ты ее любишь? — не выдержал Вадим Сергеевич.
— Я бы не женился, если бы не ребенок. Понимаю, ты не об этом спрашиваешь. Но другого ответа на твой вопрос у меня нет.

— В институт будешь поступать?

— Вряд ли. Семья, деньги нужны, стипендия тут... сам понимаешь. Устроюсь на какую-нибудь фирму с компьютерами, дело знакомое. Через месяц приедет Катерина...

— Когда ей рожать?

— В декабре. Через два месяца, два с половиной. Точно не знаю.

— Хочешь, я поговорю с Алиной? — неожиданно для себя спросил Вадим Сергеевич.

Сергей посмотрел на него с растерянностью. И с какой-то отчаянной надеждой.

Вадим Сергеевич набрал номер домашнего телефона. Долгие гудки. Никого. Он набрал номер мобильного телефона Алины. Металлический голос сообщил ему, что абонент либо отключен, либо находится вне зоны досягаемости. Первое было еще более или менее понятно, второе — совершенно нереально. В сравнительно небольшом городе все было в пределах досягаемости.

И тут Вадим Сергеевич внезапно понял все. Во-первых, где сейчас Алина. И во-вторых, если он не перехватит ее там, то найти потом будет, мягко говоря, проблематично. Девочка, судя по всему, решила разобраться с проблемой по-своему, а это значило — категорично и бескомпромиссно, так, чтобы обратный путь стал невозможен.

Неожиданно он вспомнил давнюю встречу с кладбищенской попрошайкой и ее слова: «Все у тебя будет... Только с плеча не руби, горячку не пори, да на Бога уповай». Вот именно! А он чуть было не сделал все наоборот.

— Отправляйся домой, — бросил он Сергею, вставая из-за стола. — Я вспомнил, у меня есть одно срочное дело. А к вечеру разберусь с Алиной, думаю, она к этому времени объявится. Наверное, побежала к какой-нибудь подружке...

— У нее нет таких подружек, — пробормотал Сергей, но возражать отцу не стал.

Как будто Вадим Сергеевич сам не знал, есть такие подруги у Алины или нет!

Он позвонил в гараж и велел подать машину к главному входу. А там отпустил шофера и сам сел за руль. Незачем всему офису знать, куда и зачем в середине дня сорвался шеф. И без того, если его план сработает, разговоров и сплетен будет достаточно. Но пусть лучше будут такие разговоры и сплетни, чем реализация замыслов Алины. Сумасшедшая, ну, совершенно сумасшедшая девчонка!

Осеннее кладбище выглядело унылым и совершенно безлюдным. Немудрено: моросил противный мелкий дождь, а внезапные порывы холодного ветра вообще сводили приятность пребывания на свежем воздухе до минимума. Но и это играло на руку Вадиму Сергеевичу: чем меньше свидетелей, тем лучше. Для него.

Фигурку Алины он заметил метров за сто и сразу же испытал невероятное облегчение. Слава Богу, она еще в городе, не успела убежать куда глаза глядят, не успела надеть непоправимых глупостей. Теперь все будет хорошо. Должно быть...

Золотистая куртка-пуховик с капюшоном надежно защищала Алину от всех погодных каверз. Брючки, кроссовки — замечательно, простудиться не хочет. А вот стоящая на скамеечке большая дорожная сумка — с одной стороны, плохой знак: действительно куда-то собралась. С другой стороны, Вадим Сергеевич все рассчитал правильно: место, где еще можно перехватить Алину, и время, которое она обязательно в этом месте проведет. Значит, их все-таки свела Инна. Хочется верить, свела теперь уже окончательно.

— Решила попрощаться? — негромко спросил он, подойдя совсем близко. — Правильно решила. А со мной, получается, даже говорить не о чем?

Алина вздрогнула от неожиданности, но не обернулась и головы не подняла. Вадим Сергеевич понял: плачет.

— Решила уехать? Куда? И почему? Можешь не отвечать, если не хочешь. Только, видишь ли, я не собираюсь тебя никуда отпускать. Во всяком случае, одну.

Алина так резко повернулась к нему, что Вадим Сергеевич невольно отступил на полшага.

— Не собираетесь отпускать? Ничего, отпустите, когда узнаете...

— Что такого потрясающего я должен узнать? Что Сергей разлюбил тебя и женился на другой?
— Уже женился? — ошарашенно пробормотала Алина. — Этого он мне не сказал. Я так по-няла, что собирается жениться.

— Это я собираюсь жениться. Между прочим, уже сегодня, в крайнем случае — завтра. Сумку ты собрала кстати. Скажи, пожалуйста, а то платье, в котором ты была на выпускном балу, оно тоже в этой сумке?

— Да, — пробормотала Алина, заливаясь краской.

— Очень хорошо. Тогда поехали.

— Как вы не понимаете! — вдруг с отчаянием выкрикнула Алина. — Я не могу! Вчера...

— Я видел.

Алина с ужасом уставилась на него.

— Вы... вы... и что?..

— А ничего. Я видел тебя на руках у Сергея. От него, кстати, узнал остальное. Он клянет себя последними словами, и я его понимаю. Но и тебя, представь себе, понимаю тоже. Прыгать от восторга по этому поводу не собираюсь, но и трагедию устраивать... Зачем?

— Я так виновата... — пробормотала Алина.

— Не так уж ты и виновата. Это, скорее, я поступил, как последний осел. Нужно было не уходить, а... ну, кашлянуть, что ли. И ничего бы не произошло. Впрочем, все это — ерунда. Главное — знаешь что?

Алина молча покачала головой.

— Главное то, что я тебя люблю. И жить без тебя не могу, не хочу и не буду. Это понятно?

Алина так стремительно бросилась ему на шею, что он чуть было не потерял равновесие.

— Я думала, вы никогда мне этого не скажете, — прошептала она. — Я так ждала...

— Аля, детка, не заставляй меня чувствовать себя совсем уж преступником, — заставил себя улыбнуться Вадим Сергеевич. — Если бы я тебя не любил... Неужели ты думаешь, что я решил просто поразвлечься? Ну, все, закончили лирическую часть. Поехали, у нас сегодня еще масса дел.

Он подхватил одной рукой сумку Алины, и, продолжая обнимать ее, бережно повел к выходу с кладбища.

— Куда мы едем? — спросила Алина, усаживаясь в машину.

— Ко мне, — просто ответил Вадим Сергеевич. — Туда, где я родился. Ты не возражаешь, если наша свадьба будет совсем-совсем скромной?

Алина покачала головой.

— Вот и отлично. По дороге заедем в один магазин, нужно кое-что купить. И еще — снять деньги с кредитки. Боюсь, в моей родной деревне банкоматов еще не поставили.

План у Вадима Сергеевича сложился внезапно и был предельно прост. В течение долгих лет он жертвовал деньги на восстановление церкви в той деревне, где родился. Редко, но приезжал туда сам, в свое время приехал вместе с Инной и, не рассказывая об этом никому, обвенчался с нею. В той же церкви он заказывал и заупокойные службы по жене. А теперь хотел, чтобы его сегодня же обвенчали там с Алиной.

Правда, нарушать законы напрямую он не собирался. Без гражданской регистрации брака венчаться нельзя, это всем известно. Конечно, для него бы сделали исключение, но Вадим Сергеевич собирался сделать чуть-чуть по-другому. Организовать регистрацию там же, в бывшем сельсовете, который теперь, кажется, назывался управой. А почему бы и нет?

По дороге в деревню он заехал в небольшой салон для новобрачных и, оставив Алину в машине, купил два простеньких кольца и еще что-то, завернутое в красивый пакет. Потом снял деньги с карточки и вернулся к Алине.

— Ты туфли парадные взяла? — спросил он ее самым будничным тоном, на какой только был способен.

Алина кивнула. Глаза ее сияли так, как это уже было во время их прогулок по Вене, тех самых, где началась их любовь... Или она началась все-таки не там, а раньше? Какая теперь разница!

В деревню они приехали очень удачно: все местное начальство еще присутствовало. И уговорить кого нужно открыть соответствующий кабинет, достать нужную печать и сделать в паспортах соответствующую запись оказалось легче легкого. Хотя нельзя сказать, чтобы очень дешево, но, в принципе, вполне по-божески.

— Ну, вот, — сказал Вадим Сергеевич совершенно потерявшейся от такого стремительного развития событий Алине, — теперь ты — моя законная супруга. Перед людьми. Пойдем с Богом договариваться.

Алина испуганно ахнула.

— Зачем вы так говорите? Так нельзя...

— Ну, раз нельзя, значит, не буду, — покладисто согласился Вадим Сергеевич, прекрасное настроение которого ничто уже не могло омрачить. — Пойдем, побеседуем с батюшкой. Повезет — окрутит нас прямо сегодня же.

— А... а если не повезет?

— Тогда завтра.

Священник как раз садился ужинать. Сказать, что он обрадовался неожиданным гостям — значит, ничего не сказать. И он, и его супруга, полная, подвижная женщина средних лет, не знали, куда посадить Вадима Сергеевича с его спутницей, чем угостить...

— Вот уж порадовали, — то и дело повторял отец Василий, — вот уж воистину дал Бог счастье. Каждый день за вас молюсь, вон матушка не даст соврать, да и не я один, все прихожане, почитай, вас благодетелем считают. Кабы не вы, по сей день храм в руинах бы пребывал, жертвуют-то охотно, да с каких доходов жертвовать?

— Так уже отстроились окончательно? — осведомился Вадим Сергеевич.

— С Божией помощью, — скромно ответил отец Василий. — Теперь уж только украшать храм будем по мере сил наших.

— А я ведь с просьбой, батюшка. Вот невеста моя, то есть уже жена — по людским законам. Нам бы обвенчаться...

— Вас действительно сегодня сам Бог привел! — всплеснула руками попадья. — Вчера понедельник был, завтра — среда, в постные-то дни не венчают. А сегодня... Давай, батюшка, готовь, что нужно, а я сбегая певчих покличу да свидетелей соберу.

— А без свидетелей никак нельзя? — спросил Вадим Сергеевич.

Попадья закатила глаза в неприятворном ужасе:

— Да как же без свидетелей-то?! Венцы держать — уже двое нужны. А еще...

— Ты, матушка, не болтай, а беги, куда собиралась, — добродушно осадил ее отец Василий. — Время-то идет, уже, глянь, девятый час. Только-только успеть.

— Кстати, Алечка, тебе нужно переодеться, — как бы между прочим заметил Вадим Сергеевич. — Матушка Наталья, покажите моей невесте, где можно подвенечное платье надеть.

— Сейчас старшую дочку позову, она у нас в этих делах большая мастерица — наряжаться, да перед зеркалом крутиться. Франтиха...

«Франтиху» долго звать не пришлось, появилась практически немедленно. А когда узнала, что от нее требуется, разволновалась и раздумянилась так, словно это ей самой предстояло идти под венец. Тут же утащила Алину в соседнюю комнату, откуда и доносились теперь скороговорка и переливчатый девичий смех.

Они вышли минут через двадцать, и у Вадима Сергеевича перехватило дыхание: так прекрасна была Алина.

— Хороша! — ахнула вернувшаяся матушка Наталья. — Невеста-то у нас — чисто царевна! Только вот головка непокрытая...

— А это мы сейчас исправим, — нарочито-равнодушно отозвался Вадим Сергеевич. — Это для нас и не проблема вовсе, а так — чепуховские пустяки.

Он раскрыл нарядный пакет и достал оттуда... длинную, прозрачную фату, схваченную сверху венчиком из неброских цветочков. Бережно надел на Алину. Ну, вот, все и сладилось.

«Венчается раб Божий Димитрий рабе Божией Анне», — эти неожиданные имена заставили жениха и невесту очнуться от прекрасной нереальности происходящего и взглянуть друг на друга непонимающими глазами. Кого это венчают?

Взглянули — и тут же поняли: называют те имена, которые были даны им при крещении, и по которые они оба просто забыли. Разве так бывает? Значит — бывает...

Вот и кольцами обменялись, вот и вокруг аналоя пошли. Теперь уже действительно — муж и жена, не только по документам. «Что Бог соединил, человек да не разлучит...»

На скромном свадебном ужине, на скорую руку устроенном матушкой Натальей с помощью дочерей и соседок, Алина выглядела хоть и счастливой, точнее, умиротворенной, но какой-то уставшей, бледной до прозрачности. Попадая несколько раз пристально на нее посмотрела, а потом, улучив минутку, отозвала в соседнюю комнату.

— Ты, молодушка, уж не в положении ли часом? — без предисловий осведомилась она.

Алина широко распахнула изумленные глаза.

— С чего вы взяли? — пролепетала она.

Матушка Наталья усмехнулась.

— А я до того, как замуж выйти, на акушерку выучилась. Да и теперь, считай, всю деревню пользую. У меня глаз наметанный, с двух недель определяю, без всяких приборов.

— Так у меня больше двух недель? — как-то отстраненно спросила Алина.

— У тебя, милая, уже все пять... Что с тобой?

Алина побледнела и потеряла сознание.

Когда матушка Наталья деликатно объяснила перепуганному Вадиму Сергеевичу причину этого обморока, тот несколько секунд сидел, ничего не соображая. Смысл слов чрезвычайно медленно доходил до его сознания. А потом он вдруг понял все. Понял — и вспомнил до конца то странное пророчество:

«И внуки у тебя будут, и сын, я вижу. Все будет. Только с плеча не руби, горячку не пори, да на Бога уповай. Все и сладится...»

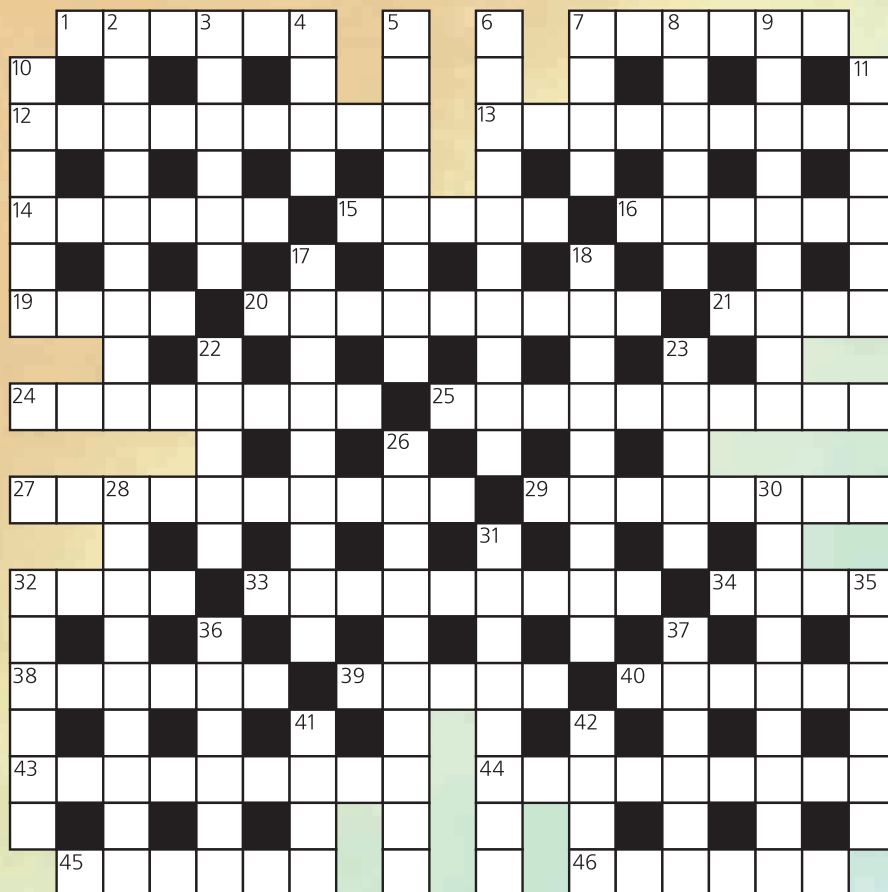
Внучка Вадима Сергеевича, Диана, родилась в середине декабря, и из роддома ее привезли уже на новую квартиру — подарок бабушки к свадьбе, на которой он не был. Сергей, кажется, был счастлив, во всяком случае, так выглядел, и с молодой женой жил вполне мирно. Впрочем, при его характере это неудивительно, равно как и то, что следующий ребенок — сын Вадим — появился на свет ровно через год после сестренки — день в день.

А сын Алины и Вадима Сергеевича, Иван, родился через полгода после своей племянницы: темноволосый мальчик с ярко-синими глазами, который, если верить акушерке, закричал раньше, чем выплюнул воду. Шлепать его, во всяком случае, не понадобилось. Зато во время крещения вел себя паинькой и даже не пикнул, когда отец Василий окунул его в купель.

Кажется, один из русских классиков сказал, что все счастливые семьи похожи друг на друга. Увы, он ошибался. Вадим Сергеевич и Алина были очень счастливой семьей, но ничуть не походили на другие счастливые семьи.

Впрочем, может быть, это другие счастливые семьи не походили на них?

Иллюстрация Романа Львова

По горизонтали. 1. Мальчик, продавший в романе М. Лермонтова сестру за возможность украсть коня. **7.** Мифический пес-мутант, чье имя перешло на «непущающих» людей. **12.** Человек, которому побить рекорд важнее, чем обидчика. **13.** Знаменитый моряк-подводник, за свои беспримерные подвиги на «С-13» удостоенный лишь презрения советской военной машины и только в 1990 году посмертно ставший Героем Советского Союза. **14.** Зара-

за, чья эпидемия «подарила» А.Пушкину Болдинскую осень. **15.** Коллектив, говорящий и «бе», и «ме». **16.** Гора с гаремом муз Аполлона. **19.** Желудочный недуг желчных людей, как считают «знатоки». **20.** Игрок, хорошо умеющий попадать мячом в небо. **21.** Обитатель Беловежской Пущи, показывающий, как надо, набычившись, удерживать первенство. **24.** Человек, любящий гостей и любящий их потчевать. **25.** Живопись восковыми краска-

ми. **27.** Уклонение, финт ушами. **29.** Подстрекание, подзадоривание. **32.** Летнее телосложение. **33.** Прослушивание громкой музыки на полном скаку. **34.** Опоэтизированные губы. **38.** Поведение как вертихвостки, так и угодника. **39.** Причуда, при частом нападании переходящая в дурь. **40.** Горение без огня, а то

и без видимого дыма. **43.** Обвал в жизни. **44.** «Родная сестра невинности и двоюродная — глупости» (П.Декурсель). **45.** Английская писательница, которую ее русские друзья — все из племени разрушителей — называли Лилией Григорьевной. **46.** Толстушки на сковородке.

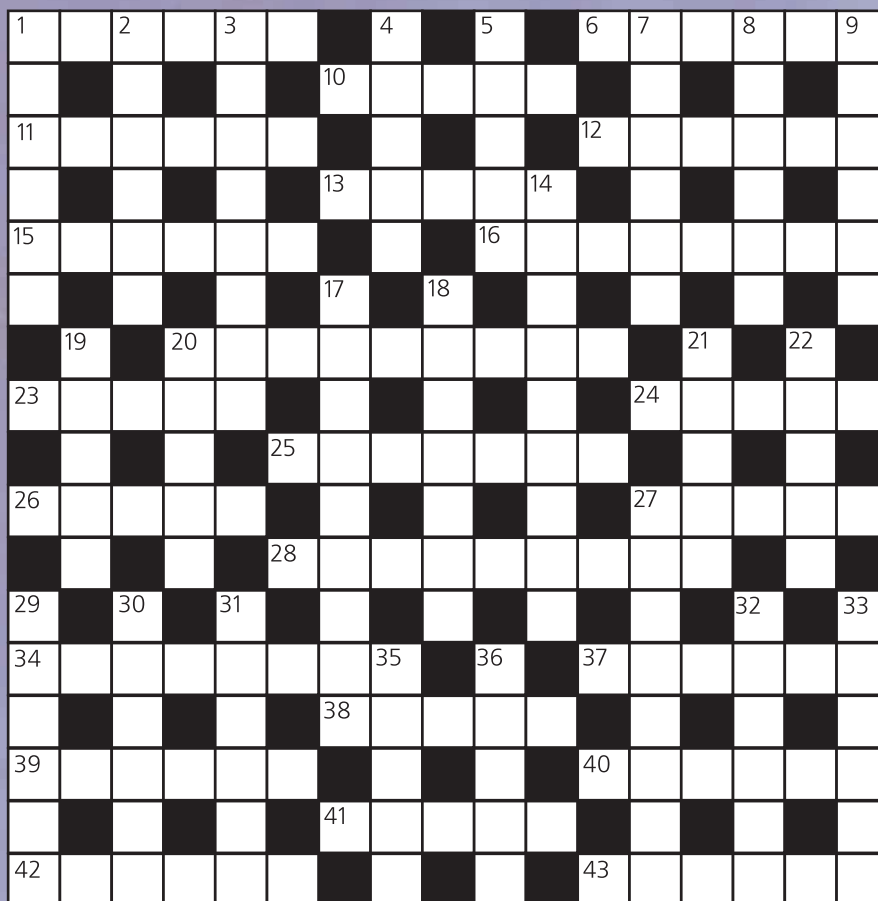
Во вертикали. **2.** «Сплетня со скучным оттенком морали» (О.Уайльд). **3.** Деревня, прощание с которой описал В.Распутин. **4.** Основа музыкального произведения. **5.** Самый большой комплимент невесте, порой последний. **6.** Наша поэтесса, в шутку сказавшая: «Я в душе сенбернар, а на сцене Сара Бернар». **7.** «Место, где животные ведут себя, как люди, а люди — как обезьяны» (Л.Левинсон). **8.** Импрессионист, чье творчество объединяют улыбка и парижский шарм. **9.** Курорт, окруженный горами Бештау, Шелудивая, Джуца и Юца. **10.** Двойное стихотворение М.Цветаевой, где героиня говорит возлюбленному: «Я ласточка твоя...». **11.** Мордобоец, способный войти в клинч. **17.** Способ предсказания пернатой гадалки. **18.** Место на городской улице, где понимаешь, как тесен мир. **22.** Имя Годунова и правителя-псевдодемократа; первый

старался преодолеть хозяйственную разруху, а второй вверг в нее Россию. **23.** Время, когда бархатный сезон плавно переходит в хоккейный. **26.** Немецкий историк и теоретик искусства, «отец искусствознания»; перед ним преклонялся французский писатель А.Бейль, взявший псевдоним Стендаль по его родному городу. **28.** Красота тонкого вкуса и «толстой» цены. **30.** Безукоризненность, «лучшая политика, если при этом зарабатываешь деньги» (М.Твен). **31.** Корыстолюбие в действии. **32.** Сдобная булка. **35.** Заведение, где советские научные сотрудницы зашивались в рабочее время. **36.** Русский пейзажист по имени Иван Иванович. **37.** Русский композитор, с детства восплававший страстью к колокольному звону. **41.** Продукция массовой культуры, делающая холодной душу и деревянным сердце. **42.** Зеркало сердца.

Ответы на кроссворд, напечатанный в № 4.

По горизонтали. **3.** Женщина. **9.** Сатана. **10.** Закром. **11.** Кафедра. **12.** Пизано. **13.** Рассол. **14.** Буддист. **18.** Макао. **21.** Чехов. **24.** Тщеславие. **25.** Нетто. **26.** Налет. **27.** Роды. **28.** Эрос. **29.** Синдо. **31.** Логик. **32.** Понимание. **33.** Овощь. **36.** Ренан. **39.** Шезлонг. **43.** Фрегат. **44.** Улитка. **45.** Реклама. **46.** Сеялка. **47.** Шантаж. **48.** Февраль.

По вертикали. **1.** ...царица. **2.** Папаха. **3.** Жакоб. **4.** Нефуд. **5.** Индри. **6.** Азарт. **7.** Окосье. **8.** Золото. **15.** Убеждение. **16.** Дели. **17.** Северянин. **18.** Монисто. **19.** Кутуньо. **20.** Оторопь. **21.** Ченслер. **22.** Хулиган. **23.** Ватикан. **30.** Ямал. **34.** Верлен. **35.** Щеголь. **37.** Ехидна. **38.** Анклав. **39.** Штраф. **40.** Зыков. **41.** Орава. **42.** Гуашь.

По горизонтали. **1.** Бесовская или чертова свадьба на Руси. **6.** Стихотворение И.Дмитриева «Деревцо» по жанру. **10.** Европейский народ, в старину считавший, что появление жука чернотелки предвещает чуму и смерть. **11.** Поставить на ... — наладить, пустить в ход. **12.** Судовая должность ответственного за блоки и гаки, брезенты, тросы, флаги, цепи, якоря. **13.** Кашмирский чилли, обжигающий сильней огня, как продукт. **15.** Несъедобный бычок, хотя и побывавший в зубах. **16.** Итальянский живописец XVI века, сказавший на суде

инквизиции: «Мы, художники, осмеливаемся на те же вещи, на какие осмеливаются поэты и безумные». **20.** Поэт, чья «Рождественская звезда» стала, по В.Виленкину, последней творческой работой В.Качалова как чтеца. **23.** Приверженец иудейской секты, созданной в XVIII веке в Подолии знахарем-чудодеем Израилем Бештом. **24.** Французский поэт, под влиянием двух прозаических книг которого позитивист Поль Клодель превратился в католика. **25.** Житель поселка — одного из основных центров альпинизма и горного туриз-

ма на Кавказе. **26.** Растение, предупреждающее о топком месте. **27.** Французская монета XIV века с изображением на аверсе короля в образе рыцаря под сводом готического храма. **28.** Страна, в которой Н.Рерих однажды сидел на берегу Ладожского озера. **34.** «Стоимость смысла» (Г.Малкин). **37.** Крупнейший жук, чьи личинки африканцы считают лакомством. **38.** Северный лишайник, из которого можно получать спирт. **39.** Лондонская

По вертикали. 1. Самоцвет, вылечивающий, как наивно верили на Руси, падучую. **2.** Химический элемент, окрашивающий стекло в коричневый цвет. **3.** Природное явление, по которому называют зайчонка третьего помета у белых. **4.** Верный свинопас Одиссея, помогавший ему бороться против женихов Пенелопы. **5.** Эндокринолог, академик, под чьим руководством в СССР впервые синтезировали инсулин. **7.** Движение ласточки, принесшей корм, перед птенцами. **8.** Русский полярный мореход и путешественник, во время зимовки в низовье Хатанги (1739 – 1740) введший питание строганиной из сырой мороженой рыбы, что отвратило цингу. **9.** Русский писатель-оптимист, считавший: «Методы просвещений и освобождений, придуманных за спиной народа и втесняющих ему его неотъемлемые права и его благосостояние топором и кнутом, исчерпаны Петром Первым и французским террором». **14.** Жена наследника царского престола в России. **17.** Раздел ономастологии, изучающий названия народов. **18.** Русский художник, считавший, что счастливое состояние

семья, с 1894 года разводящая редких бабочек на продажу коллекционерам. **40.** Отдых, не раз встречающийся в романах Э.Хемингуэя. **41.** Крупная степная птица, не выносящая близости человека. **42.** Публицист и детский писатель, друг А.Блока, сказавшего о нем в дневнике: «Лучший из людей». **43.** «Кроткая страдалница» («Глаза у ней всегда на мокром месте») в «Укрощении строптивой» Шекспира.

творчества – это «натиск восторга». **19.** Пропуск пчелы в свой улей. **20.** Картинная галерея с лучшим в Италии, как считают знатоки, собранием живописи эпохи Возрождения. **21.** Чернила и краска, которыми каракалица, по британскому натуралисту Ф.Лейну, «буквально оставила след в культуре». **22.** Платок, особенно вышитый жемчугом, какой был в моде в начале XIX века у русских пожилых купчих. **27.** «В сущности, искусство выражать невидимое посредством видимого» (Э.Фромантен). **29.** Персонаж комедии дель арте, повлиявший на образы слуг у Гольдони, Мольера, Шекспира. **30.** Змея, сидящая, как верили украинцы, в хвосте кота. **31.** Брюхо животного в охотничьей речи. **32.** Фамилия братьев, капитанов «Пинты» и «Ниньи» в первой экспедиции Колумба. **33.** Красивый сосуд для омовения в Азербайджане, Афганистане, Иране, Средней Азии с ручкой обычно в виде дракона или змеи. **35.** Каждый из конников, мчавшихся впереди Наполеона, когда он скакал в Ковно (Л.Толстой. «Война и мир»). **36.** Полосатый головной платок египетских фараонов.

Ответы на «Эрудит», напечатанный в № 4.

По горизонтали. 1. Вятч. **7.** Жмудь. **11.** Подобой. **13.** Острак. **14.** Юрьева. **15.** Толстой. **17.** Бюрократ. **18.** Твёрдо. **23.** Эдельвейс. **26.** Шелег. **28.** Низам. **29.** Православие. **30.** Этика. **31.** Книга. **32.** Анакторон. **38.** Нувель. **40.** Фетишизм. **42.** Дефицит. **43.** Истина. **44.** Бальса. **45.** Лицемер. **46.** Шашки. **47.** Танец.

По вертикали. 2. Янтарь. **3.** Ипатка. **4.** Чокор. **5.** Холст. **6.** Лотос. **8.** Муравейник. **9.** Джерри. **10.** Колба. **12.** Запор. **16.** Ландовски. **19.** Пластов. **20.** Авианосец. **21.** Местр. **22.** «Репка». **24.** Сиена. **25.** Цанга. **27.** Гранильник. **33.** Инжир. **34.** Хватка. **35.** Гитара. **36.** Рильке. **37.** Умиак. **39.** Семик. **40.** Фишер. **41.** Тибет.

ПОДПИСКА

Уважаемые читатели!

Оформить подписку на наш журнал вы можете:

1. В редакции (Если вы оплачиваете и получаете журнал непосредственно в редакции, стоимость 1 экз. – 38 руб. 00 коп.
- 1.1. С получением по почте.

Как оформить?

Шаг 1. Заполните разборчиво все поля прилагаемого купона и квитанции об оплате. В купоне укажите тот адрес, по которому вы хотите получать журнал. **Шаг 2.** Оплатите подписку в любом отделении Сбербанка. **Шаг 3.** Отправьте заполненный купон-заявку и копию квитанции о переводе денег по адресу: 127994, Москва, Бумажный проезд, д. 19, стр. 2, ООО «ИДЖ «Смена» (подписка) или по факсу: (495) 250-59-28.

Если мы получили заявку до 20-го числа текущего месяца и деньги поступили на расчетный счет Издательского дома журнала «Смена», подписка начинается со следующего месяца.

Не забудьте, пожалуйста, указать в купоне разборчиво свою фамилию, инициалы, а также точный адрес с почтовым индексом.

Сколько стоит подписка в редакции?

Стоимость подписки на 1 номер «Смены» во втором полугодии 2007 г. – 62 руб. 70 коп.
Стоимость подписки на 3 номера «Смены» во втором полугодии 2007 г. – 188 руб. 10 коп.
Стоимость подписки на 6 номеров «Смены» во втором полугодии 2007 г. – 376 руб. 20 коп.
Цена подписки включает стоимость доставки в пределах РФ.

При оформлении подписки на 6 номеров второго полугодия 2007 г. предоставляется скидка 5%, т.е. стоимость подписки будет равна 357 руб 39 коп.

Как получить журнал?

1. Журнал отправляется из Москвы заказной бандеролью. Почтальон принесет журнал вам домой. Если же дома никого не окажется, то вы получите в почтовый ящик уведомление о том, что вас ждет посылка. Затем вы сможете получить журнал на почте по уведомлению и паспорту. Такая система доставки гарантирует получение, так как каждая бандероль пронумерована и застрахована.

Кто может ответить на вопросы по оформлению подписки?

Вы всегда можете задать любой интересующий вас вопрос по телефону:
(495) 257-31-37 (или (495) 612-15-07) с 10 до 18 по московскому времени.

Факс: (495) 250-59-28 E-mail: sales@smena-id.ru

ВНИМАНИЕ!

Редакционная подписка осуществляется только в пределах РФ.
Редакция не несет ответственности, если подписка оформляется через другие фирмы.
Деньги за принятую подписку не возвращаются!

В любом почтовом отделении

по каталогу «Роспечати» индекс 70820

по каталогу «Объединенному» индекс 88998

по каталогу «Почта России» индекс 99406

Квитанция и купон редакционной подписки

Я подписываюсь
(подчеркнуть)

на 1 номер журнала «Смена» и плачу 62 руб. 70 коп.

на 3 номера журнала «Смена» и плачу 188 руб. 10 коп.

на 6 номеров журнала «Смена» и плачу 357 руб. 39 коп.

Ф.И.О. _____ Дата рождения _____

Индекс _____ Обл./край _____ Район _____

Город _____ Улица _____

Дом _____ Корп. _____ Кв. _____ Код города _____ Телефон _____

Эл. адрес _____

Копия квитанции об оплате от _____ с отметкой банка прилагается.

Кассир	Извещение		
	ИНН 7714026110 ООО «Издательский дом журнала «Смена» р/сч №40702810410150414401 в АКБ «Промсвязьбанк» (ЗАО) г. Москва к/сч №30101810600000000119 БИК 044583119		
	(ф.и.о., адрес плательщика)		
	Назначение платежа		
	Вид платежа	Период подписки	Сумма (в том числе НДС-10%)
Подписка на «Смену» 2007г.			
С условиями приема банком суммы, указанной в платежном документе, ознакомлен и согласен _____ « » _____ 200 г. (подпись плательщика)			
Квитанция Кассир	Извещение		
	ИНН 7714026110 ООО «Издательский дом журнала «Смена» р/сч №40702810410150414401 в АКБ «Промсвязьбанк» (ЗАО) г. Москва к/сч №30101810600000000119 БИК 044583119		
	(ф.и.о., адрес плательщика)		
	Назначение платежа		
	Вид платежа	Период подписки	Сумма (в том числе НДС-10%)
Подписка на «Смену» 2007г.			
С условиями приема банком суммы, указанной в платежном документе, ознакомлен и согласен _____ « » _____ 200 г. (подпись плательщика)			

Спешите подписаться!

Вниманию москвичей!

С **15 по 24 мая** и с **5 по 14 июня 2007 г.** во всех почтовых отделениях г. Москвы проводится «Декада подписчика», во время которой каталожная стоимость подписки на журнал «Смена» на второе полугодие 2007 года будет снижена более чем на **10 %**. Подписка оформляется по индексу **70820** (каталог «Декада подписчика»).

Вниманию жителей регионов:

Республики Башкортостан, Краснодарского края, Санкт-Петербурга и Ленинградской области, Нижегородской, Челябинской областей, Республики Татарстан.

В мае месяце в ваших почтовых отделениях будут проводиться праздники «День Подписчика», во время которых можно подписаться на журнал «Смена» по сниженной каталожной цене и получить ценные призы.

Все подробности по проведению «Дня Подписчика» вы можете узнать в своем почтовом отделении или по тел.: **(495) 257-31-37**.

В следующем номере читайте:

Детективный роман Брета Холлидея «Необычный круиз». Служащий страховой компании Артур Девлин, взяв двухнедельный отпуск, должен был совершить круиз на теплоходе «Карибская красавица», но вместо этого, после бурных проводов с друзьями, очнулся в чужой одежде, в незнакомом отеле, а рядом с ним находился... труп неизвестного мужчины. Что же произошло на самом деле? Почему вместо многообещающего круиза Девлину пришлось заниматься установлением собственной личности и поисками настоящего убийцы?

Все знают знаменитую картину Валентина Серова «Портрет Иды Рубинштейн», но мало кому известно, почему именно эта женщина вдохновила художника на создание шедевра и стала его моделью, что связывало их, и какая судьба была у этой неординарной, яркой и талантливой балерины, которой на Русских сезонах восторгался весь Париж?

Известный писатель и драматург, журналист и телеведущий Андрей Максимов готовит к изданию свою книгу, главы из которой любезно предложил нашему журналу. Это своеобразный философский словарь, за значением каждого слова в котором – огромная работа мысли. «Я бы хотел, чтобы читатель остановил свой бег по жизни и задумался над теми словами, которые он употребляет всю свою жизнь, но над смыслом которых думает не часто...»

Беседа с певицей Тамарой Гвердцители. Она начала покорять мир в 19 лет, и на ее первом концерте в парижской «Олимпии» композитор Мишель Легран воскликнул: «Париж! Запомни это имя!» Сегодня Тамара известна всему миру, а перед читателями «Смены» она раскрывается с очень человеческой стороны – говорит не только о своем творчестве, но и о семье, о любимом сыне и просто о том, что такое родной дом, особенно для женщины...

Один из самых обаятельных и талантливых актеров Дмитрий Певцов делится мыслями о том, насколько комфортно он ощущает себя в этой жизни, что значит быть «публичным» человеком, в чем залог успешного брака.

Кроме того, в уже знакомых вам рубриках вы узнаете много интересного: об истории московского Ботанического сада, о том, что такое «гирудотерапия», о страсти кладоискательства, о молодежи, о спорте и о многом другом.

www.smena-id.ru

